«СМЕРТЬ ШПИОНАМ!»

Большая игра СМЕРШа

Дмитрий Тарасов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Специфика работы спецслужб и привычка к секретности несовместимы с полной гласностью — неудивительно, что ветераны СМЕРШа неохотно дают интервью и лишь в исключительных случаях пишут воспоминания: их мемуары — большая редкость. И эта книга — среди самых лучших.

Занимая в годы Великой Отечественной руководящие должности в ГУКР НКО «Смерть шпионам!», Дмитрий Петрович Тарасов лично участвовал в лучших операциях военной контрразведки, очистивших наш тыл от немецкой агентуры, и в непревзойденных «радиоиграх» по стратегической дезинформации противника. Обо всем этом — о «звездном часе» легендарного СМЕРШа, о героях тайной войны и победах, фактически парализовавших деятельность разведслужб Гитлера, — он рассказал в своих мемуарах, дополненных материалами из закрытых архивов.

- Дмитрий Тарасов
  - Об авторе
  - Введение
  - У истоков «Большой игры»
  - Первая попытка
  - Лед тронулся
  - Неожиданный нокаут
  - Реорганизация
  - Манна небесная
  - Задача номер один
  - В прифронтовой полосе
  - На основных коммуникациях
  - Объект особого внимания
  - Посланцы «Сатурна»
  - Дублеры
  - Эмиссары имперской безопасности
  - «Дуэт» из Брайтенфурта
  - Линия связи Урал—Вена
  - Надежда господина инженера
  - Северная эпопея
  - В Брянском лесу
  - Гриф «Особой важности»
  - Сводка погоды
  - Новая тактика
  - На холмах Грузии

- С Коранами па парашютах
- Операция «Римская цифра два»
- «Трезуб» и «Антенна»
- «Коммерсанты» из Гродно
- Три радиоточки в Польше
- «Братья» в Болгарии
- Операция экстракласса
- Памятная дуэль

Дмитрий Тарасов
Большая игра СМЕРШа

Об авторе

Полковник в отставке — Тарасов Дмитрий Петрович, родился 7 ноября 1913 года в деревне Пялус-озеро, Колодозерского с/совета, Пудожского района, Карельской республики. Родители — потомственные крестьяне. Отец — Тарасов Петр Кузьмич в 1914 году был мобилизован в армию и погиб на фронте, мать — Тарасова Елена Васильевна осталась с двумя малолетними детьми, вследствие чего семья испытывала постоянную нужду.

После окончания сельской школы в 1927 году поступил в школу крестьянской молодежи в райцентре Пудожа, а затем в 1930-м году в Петрозаводский лесной техникум, получив специальность лесотаксатора, два года работал в Пудожском Райлесхозе.

В 1935 году поступил на учебу в Ленинградский институт инженеров промышленного строительства, однако закончить его не удалось. В 1937 году по рекомендации Дзержинского райкома комсомола был зачислен курсантом Ленинградской межкраевой школы ГУГБ НКВД СССР, после ее окончания два года работал в управлении НКВД по Ленинградской области в должности оперативного уполномоченного. В 1939 году переведен в Москву в центральный аппарат контрразведки, где с учетом работы во время войны в органах военной контрразведки «Смерш», проработал 13 лет, пройдя последовательно этапы от оперуполномоченного до заместителя начальника управления, последние 22 года, до выхода в отставку по состоянию здоровья, работал во внешней разведке, куда был откомандирован в связи с полученным опытом работы по линии контрразведки.

Является почетным сотрудником госбезопасности, награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-ой и 2-ой степени, Красной Звезды, знаком Почета и 17-ю медалями.

С 1939 г. в центральном аппарате контрразведки в Москве. С 1943 года — начальник отделения по радиоиграм 3-го отдела ГУКР «Смерш». С 1946 года — на руководящей работе во 2-м ГУ МГБ СССР. В 1952–1953 гг. — замначальника отдела 2-го ГУ МГБ.

В 1953–1974 гг. работал в центральном аппарате разведки МВД/КГБ при СМ СССР — начальник отдела безопасности управления «С» (нелегальная разведка). В этом качестве, в частности, занимался обменом выдающегося советского разведчика Вильяма Фишера («полковник Рудольф Абель) на американского летчика Пауэрса. С 1974 г. в отставке. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями. Автор воспоминаний (открытых) — «Большая игра» (издания 1993 и 1997 гг.), «Жаркое лето полковника Абеля» (1997) и секретного учебника ВШ КГБ СССР «Радиоигры» — совместно с В.Я. Барышниковым (1964). Умер в 1998 году. — Дополнение В.К. по данным книги Вадима Абрамова «СМЕРШ», «Яуза». 2005 г.

Введение
На фронтах тайной войны в годы борьбы за победу над фашистской Германией

Развернувшаяся между разведывательными органами гитлеровской Германии и советской контрразведкой тайная борьба в годы Великой Отечественной войны по своим масштабам, активности, накалу страстей, напряженности и остроте была поистине беспрецедентной. По этим признакам она по существу мало чем отличалась от ожесточенности боевых сражений на полях войны.

Курс на экспансию, насильственный захват чужих территорий и стремление к порабощению других народов, являвшихся стратегической линией в деятельности политического руководства фашистской Германии, требовал не только неуклонного наращивания вооруженной мощи германского государства, но и непременной активизации работы его разведывательных органов. Именно поэтому еще задолго до 2-й мировой войны европейский континент стал объектом пристального изучения гитлеровской разведки. С этой целью почти во всех странах Европы гитлеровцами были созданы филиалы «Абвера», в одних странах — официальные, в других — неофициальные, именовавшиеся «Абверштелле», «Небенштелле» и «Кригсорганизацион (КО)», в задачу которых входила добыча разведывательной информации по широкому кругу вопросов.

Разгром Германией ряда западноевропейских стран в 1939–1940 годах во многом зависел от действий ее разведывательных и контрразведывательных органов. Опираясь на свою многочисленную агентуру, осуществляя диверсии, убийства, подкуп, шантаж, эти органы серьезно ослабили сопротивление народов Австрии, Чехословакии, Польши, Норвегии, Бельгии, Франции, Югославии, Греции и помогли фашизации Венгрии, Румынии и Болгарии.

Не располагая возможностями для создания своих филиалов непосредственно на территории нашей страны, но проявляя к ней особо повышенный интерес, гитлеровская разведка для добычи шпионской информации о Советском Союзе активно использовала прибалтийские государства — Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, а также Польшу, Чехословакию, Румынию, Болгарию. Территории этих стран являлись основным

трамплином для заброски в СССР специально подготовленной немецкой агентуры. Эта работа не прекращалась далее после заключения в августе 1939 года между СССР и Германией пакта о ненападении. Изменилась лишь тактика: разведка стала проводиться с большей осмотрительностью. Но по мере того, как курс на войну с Советским Союзом, вопреки взятым Германией обязательствам по договору о ненападении, приобретал реальные очертания в виде известного плана «Барбаросса», активность разведывательных органов Германии против СССР с каждым днем возрастала.

Так, уже в январе 1941 года шеф германской военной разведки (Абвер) адмирал Канарис и начальник 1-го (разведывательного) отдела этого органа Пикенброк получили от генерал-полковника Йодля приказание добыть информацию о войсках Советской Армии, дислоцированных на западной границе СССР: об их численности, структурном построении, командном составе, вооружении, боеспособности, распределении вдоль границы, в глубину и прочее.

Во исполнение этого приказа всем филиалам Абвера в странах Европы, и прежде всего в граничивших с СССР государствах, были даны инструкции об активизации разведывательной работы против СССР по всем линиям, в том числе и усиленной заброске на его территорию агентуры. Такое же задание было дано и всем армейским подразделениям Абвера. В районы границы с Советским Союзом было направлено большое количество подготовленных агентов с самыми различными легендами и прикрытиями.

Тогда же в январе 1941 года в Берлине в помещении Абвера Канарис и Пикенброк провели инструктивное совещание с руководителями ряда «Абверштелле», «Абверкоманд» и «Кригсорганизацион» с задачей усиления разведывательной работы против нашей страны. Несколько позже они же лично выезжали в Румынию, Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Финляндию и ряд других стран для проверки, как выполняются эти инструкции. А спустя три месяца, в мае 1941 года, Абвером был создан специальный орган, именовавшийся штабом «Валли», в задачу которого входило руководство всей разведывательной («Валли-I»), диверсионной («Валли-II») и контрразведывательной («Валли-III») работой на восточном фронте. Этот штаб дислоцировался под Варшавой в местечке Сулеювек. Одновременно был создан ряд разведывательных школ для подготовки будущих шпионских кадров. Центральной из них являлась Варшавская разведывательная школа при штабе «Валли».

Готовясь к разбойничьему нападению на Советский Союз, руководящие круги фашистской Германии и ее Генеральный штаб рассчитывали на быстрый разгром советских вооруженных сил. В соответствии с ориентировкой на молниеносную войну действовали и разведывательные органы Германии, ставя перед собой на первом этапе войны следующие основные задачи: проведение агентурной разведки на линии фронта и в ближайших тыловых частях действующей Советской Армии, деморализация ее личного состава, распространение панических слухов среди населения, срыв эвакуации оборонных предприятий и организация различного рода диверсий на коммуникациях в прифронтовой полосе.

Для выполнения этих задач германская разведка использовала агентурные кадры, подготовленные ею до войны, а также забрасывала на советскую сторону агентов, завербованных главным образом из числа жителей временно оккупированных немецкими войсками районов и попавших в плен военнослужащих Советской Армии. Эти агенты под видом беженцев или вышедших из окружения военнослужащих перебрасывались через линию фронта преимущественно с несложными заданиями и на короткие сроки. Указанная агентура очень редко снабжалась фиктивными документами, а техника связи с нею была крайне примитивной. Как правило, агенты после выполнения задания должны были вернуться через линию фронта в фашистские разведывательные органы или ждать подхода германских воинских частей в условленном месте.

Однако в связи с тем, что Советская Армия оказывала фашистским войскам упорное сопротивление, план блицкрига был сорван и сроки войны затягивались, гитлеровскому командованию пришлось на ходу перестраивать разведку, чтобы получать более обширную информацию о Советском Союзе не только военного, но и политического и экономического характера.

По мере развертывания военных действий расширялся круг вопросов, интересовавших германские разведывательные органы. С изменением военной обстановки менялся и характер заданий агентам. Если в начале войны противник основное внимание уделял первой линии агентурного обеспечения, то есть стремился получать военные сведения преимущественно о районах, прилегавших непосредственно к линии фронта, то в дальнейшем, не ослабляя внимания к первой линии, он стал серьезно интересоваться и глубоким тылом Советского Союза.

Так, вторая линия агентурного обеспечения включала основные транспортные узлы и коммуникации в Центре и на

Востоке европейской части Советского Союза, питавшие фронт войсками, боевой техникой, боеприпасами и другими необходимыми грузами. Эта категория агентов, как правило, выбрасывалась с самолетов на парашютах в тылу СССР, имея задания проникнуть в города: Москва, Калинин, Вологда, Ярославль, Тула, Рязань, Горький, Казань, Сызрань, Саратов, Куйбышев, Сталинград и другие, создать там разведывательные резидентуры и обеспечить повседневное наблюдение за перевозками по железным и шоссейным дорогам.

Следя за переброской советских воинских частей, противник пытался разгадать замыслы Главного командования Советской Армии, а также выяснить, какими людскими резервами располагает Советский Союз, в каких районах идет формирование новых пехотных, танковых, кавалерийских и авиационных соединений, каково их вооружение и качество боевой техники и подготовки, какие новые виды оружия и боевой техники должны поступать на вооружение Советской Армии. Германская разведка стремилась установить места дислокации эвакуированных в восточные районы СССР оборонных заводов, их производительность, а также характер и количество продукции, выпускаемой всеми другими предприятиями советской оборонной промышленности.

Большой интерес немецкая разведка проявляла к транспортной системе Советского Союза, и в первую очередь к железным дорогам. Она пыталась выяснить, в каком состоянии находится железнодорожное хозяйство, какова пропускная способность железных дорог, степень изношенности путей и подвижного состава, в каких районах прокладываются новые железнодорожные линии или вторые пути. Противник был заинтересован также в получении сведений о квартальных и месячных планах перевозок по отдельным железным дорогам, так как по этим планам можно было определить намерения командования Советской Армии.

Третья линия агентурного проникновения охватывала районы сосредоточения основных промышленных и оборонных объектов на Урале, в Сибири, республиках Средней Азии и Закавказья. Будучи выброшенными в тылу СССР с самолетов на парашютах, агенты имели задания обосноваться в Кирове, Свердловске, Челябинске, Гурьеве, Чкалове, Омске, Новосибирске, Иркутске, Баку, Тбилиси и других городах и следить за работой наиболее важных промышленных и оборонных объектов. Особый интерес проявлялся к заводам, производившим самолеты, танки, артиллерийские орудия, боеприпасы и другое вооружение. Противника интересовали типы выпускаемой продукции,

количество, боевые свойства, сроки отправки на фронт, а также производственные мощности предприятий на ближайшую перспективу.

Агентам вменялось в обязанность вести глубокую разведку и систематически информировать немецкие разведывательные органы о наличии стратегических сырьевых, продовольственных и топливных ресурсов в Советском Союзе, о размерах посевных площадей различных сельскохозяйственных культур, состоянии посевов и видах на урожай. Агентура должна была сообщать, как снабжается городское и сельское население продовольствием и предметами широкого потребления, какова производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве. Не меньшее внимание немецкая разведка уделяла сбору политической информации о Советском Союзе.

После резкого изменения положения на театре военных действий в пользу советских войск гитлеровское командование больше всего стал волновать вопрос, на каком участке фронта Главное командование Советской Армии готовит нанесение очередного удара. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что многим агентам давалось специальное задание — установить, где в данный момент находятся генералы Жуков, Рокоссовский и Тимошенко, которых противник считал генералами наступления.

Одновременно с требованием расширять шпионскую деятельность, перед немецкими разведывательными органами была поставлена задача развернуть диверсионную работу на территории СССР. Военные и политические руководители фашистской Германии возлагали большие надежды на всевозможные диверсии, рассчитывая таким образом ослабить обороноспособность Советского Союза и облегчить положение немецко-фашистских войск на фронтах.

Поэтому активность немецкой разведки на фронтах постоянно возрастала. Агентам, забрасываемым в промышленные районы СССР, давались задания организовывать взрывы на железных дорогах, предприятиях и объектах оборонительного значения (фабриках, заводах, электростанциях, складах).

Разведывательные органы Германии наряду с диверсиями большое внимание уделяли подготовке террористических актов против партийных и советских работников, командиров Советской Армии, а также проведению антисоветской агитации.

Немецко-фашистская разведка имела специально обученные воинские подразделения, значительная часть личного состава которых владела русским языком. В первые месяцы войны гитлеровцы, переодетые в форму военнослужащих Советской Армии, забрасывались в ближайшие советские тылы воздушным

путем, проникали через линию фронта в расположение советских частей на автомашинах советских марок или пешим порядком. В их задачу входил захват мостов, узлов коммуникации, распространение провокационных слухов, создание паники, осуществление других подобных актов, способствовавших продвижению частей германской армии.

Когда линия фронта стала перемещаться на Запад, задачи этих подразделений изменились. Маскируясь под передовые части наступающей Советской Армии, они облегчали отход немецко-фашистским войскам, а также выполняли другие специальные задания. Имели место случаи, когда такие воинские подразделения немецкой разведки, выдавая себя за части Советской Армии, якобы вступившие в освобожденный от фашистов населенный пункт, объявляли регистрацию членов партии, партизан, а затем уничтожали их.

В борьбе с партизанскими отрядами и советскими подпольными организациями гитлеровская контрразведка использовала лжеподпольные организации и лжеподпольные отряды, перед которыми ставилась задача не только выявлять и уничтожать советских партизан и членов подпольных организаций, но и своими провокационными действиями компрометировать партизанское движение в глазах населения.

Военная разведка (Абвер) и органы имперской безопасности фашистской Германии затратили немало сил и энергии, пытаясь организовать в некоторых советских национальных республиках и районах СССР повстанческое движение, которое, по их замыслам, должно было сковывать действия советских войск и подрывать Советское государство изнутри. На временно оккупированной территории фашистскими войсками и в самой Германии создавались многочисленные, так называемые «национальные комитеты»: кавказский, грузинский и армянский легионы, калмыцкий корпус Долля и другие.

В борьбе против Советского Союза противник использовал старые белоэмигрантские террористические организации «Народно-трудовой союз» (НТС) и «Братство русской правды» (БРП), Организацию украинских националистов (ОУН) и другие.

Для решения поставленных перед фашистской разведкой задач по развертыванию в широких масштабах шпионской и иной подрывной работы требовалось много опытных агентов. Агентура, использовавшаяся в начале войны, не удовлетворяла германскую разведку, и поэтому с осени 1941 года она приступила к вербовке и подготовке агентов, способных выполнять более сложные шпионские и диверсионные задания.

Приступив к выполнению этой задачи гитлеровцы

сосредоточили на советско-германском фронте более 130 разведывательных и контрразведывательных органов, создали около 60 специальных школ по подготовке агентуры (ИМЛ. Документы и материалы Отдела истории Великой Отечественной войны, инв. № 18918, лист 87).

Одновременно с подготовкой шпионов и диверсантов германская разведка в особых школах готовила агентов-пропагандистов для проведения работы в созданных ею многочисленных националистических организациях и воинских формированиях, а также для ведения пропаганды среди населения на временно оккупированных фашистами войсками районах Советского Союза.

Шпионов и диверсантов германская разведка вербовала преимущественно из попавших в плен бывших военнослужащих Советской Армии, так как считала, что для подготовки агентов из лиц, знакомых с военным делом, требуется меньше времени.

После перенесения военных операций на Запад германская разведка стала пополнять ряды шпионов и диверсантов украинскими, белорусскими, литовскими, латышскими и эстонскими националистами. На территории Польши, Румынии, Болгарии, Венгрии фашистская разведка вербовала для шпионской диверсионной работы местных националистов, включая в состав некоторых агентурных групп военнослужащих германской армии. Подготовка и обучение агентов проводились в специальных школах, в числе преподавателей и руководителей которых были бывшие офицеры Советской Армии, изменившие Родине.

По мере осложнения обстановки на фронте усиливались политическая обработка агентов, проверка их надежности. Чтобы отрезать пути отступления завербованным, германская разведка заставляла их до переброски на советскую сторону принимать участие в карательных экспедициях, заниматься провокациями и предательством. Обученных в разведывательных и диверсионных школах агентов, как правило, снабжали формой офицеров Советской Армии и фиктивными документами. Германская разведка считала во время войны форму и документы военнослужащих наиболее безопасным прикрытием для шпионов и диверсантов, которые дадут им возможность передвигаться в любом направлении, не вызывая особых подозрений. В отдельных случаях, когда агент должен был задержаться в каком-либо населенном пункте на длительное время, его снабжали фиктивными гражданскими документами и справкой об освобождении от воинской службы по болезни.

На организацию и проведение шпионажа и диверсий

гитлеровская разведка выдавала агентам крупные суммы денег. Агенты, выполнявшие задания разведки противника в непосредственной близости от линии фронта, обычно переходили в расположение советских частей пешком и оставались там на непродолжительное время. Агентурные группы, действовавшие в глубоком тылу советских войск, забрасывались туда на самолетах, и пребывание их за линией фронта было рассчитано на продолжительное время.

Для связи с разведывательными органами агентурные группы противника имели портативные коротковолновые радиостанции, с помощью которых передавали шифрованные радиограммы о результатах шпионской деятельности и получали новые указания. Германские разведывательные органы систематически сбрасывали с самолетов своим агентурным группам в условленных местах оружие, боеприпасы, взрывчатку, продовольствие, обмундирование, деньги, фиктивные документы и батареи для радиостанций. В тех случаях, когда по каким-либо причинам агенты не могли организовать прием груза, сбрасываемого с самолета, германская разведка посылала к ним особо доверенных агентов-курьеров, которые, доставив посылку, оставались в советском тылу для работы либо возвращались обратно.

Начиная с весны 1942 года после первых массовых выпусков агентов, окончивших гитлеровские разведывательные и диверсионные школы, радиостанции стали основным средством связи германских разведывательных органов с агентурой, действовавшей на советской территории.

Действия фашистской разведки с первых же ее шагов натолкнулись на мощный оборонительный щит в лице органов государственной безопасности нашего Отечества. Движимые общим патриотическим порывом советского народа, требовавшим отдачи всех сил для достижения победы над коварным врагом, работники советской контрразведки изо дня в день совершенствовали методы своей работы, смело и настойчиво проводили в жизнь мероприятия, позволявшие не только парализовать деятельность вражеской разведки, но и оказать существенную помощь Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Эта работа велась по многим направлениям как внутри страны, так и в тылу противника, и каждое из них имело важное значение для успеха общего дела.

Одним из таких направлений было использование захваченных на территории СССР вражеских агентов, имевших на вооружении портативные коротковолновые приемо-передаточные рации. Эти агенты, считаясь у немцев как честно выполнявшие

свои задания, фактически работали под контролем органов советской контрразведки и систематически передавали врагу информацию, вводившую его в заблуждение по самым различным вопросам. При этом, разумеется, главное внимание уделялось передаче военной дезинформации, имевшей целью оказать действенную помощь фронтовым частям Советской Армии. Она разрабатывалась совместно с работниками Генерального штаба Советской Армии, утверждалась Генштабом и передавалась в строго установленные им сроки. На оперативном языке они именовались как «радиоигры». Эти игры открыли советской контрразведке широкие возможности для осуществления мероприятий, направленных на перехват каналов и линий связи разведывательных органов противника, выявление и ликвидацию их агентуры, действовавшей на советской территории, на внедрение советских разведчиков в разведывательный аппарат противника. Организуя радиоигры, органы советской контрразведки в ряде случаев вскрывали планы и намерения верховного командования гитлеровских вооруженных сил, планы немецкой разведки, распознавали методы ее работы, и, используя полученные данные, пресекали подрывную деятельность разведывательных органов врага. (стр. 15).

Каждая радиоигра являлась по существу своеобразной и серьезной разработкой с применением многих оперативных средств. В ходе радиоигр проводились самые разнообразные мероприятия в советском тылу и за линией фронта. Специфические условия ведения радиоигр требовали от чекистов большой оперативности, умения быстро ориентироваться и действовать в любом положении, в которое их мог поставить противник.

Всего за годы Великой Отечественной войны органами Советской контрразведки было проведено 183 радиоигры с противником. Это была поистине «Большая игра», представляющая собой крупномасштабное комплексное мероприятие, осуществленное советской контрразведкой в целях парализации подрывной деятельности разведывательных органов фашистской Германии против СССР и оказания помощи Советской Армии на фронтах войны.

О существе и характерных особенностях этой работы, достижении конкретных результатов в соответствии с поставленными задачами, решении возникавших в процессе радиоигр различного рода сложных ситуаций, дает наглядное представление предлагаемый документальный обзор, подготовленный на основе подлинных материалов, хранящихся в архиве КГБ СССР.

Чтобы в ущерб раскрытию основной темы не перегружать обзор второстепенными, хотя и важными данными, в нем сознательно опущены вопросы, касающиеся личности агентов, их биографий, обстоятельств пленения немцами и привлечения к сотрудничеству с разведкой противника, процесса обучения в разведывательных школах, подготовки к направлению на шпионское задание, инструктирования, снаряжения, документирования, экипировки и прочее, а также обстоятельств захвата агентов на территории СССР, их поведения на следствии, последующей работе с ними сотрудников контрразведки и т. д.

Поскольку это обстоятельство лишает читателя возможности представить в полном объеме процесс организации радиоигр, характер всей этой сложной работы, по завершении настоящего обзора дается художественно-документальный очерк «Памятная дуэль», который в значительной мере должен восполнить указанный пробел.

Следует также отметить, что по гуманным соображениям, учитывая нежелание многих агентов, участвовавших в радиоиграх, раскрывать свою прошлую принадлежность к разведке противника, их действительные имена, как правило, заменены на вымышленные.

У истоков «Большой игры»

Зачинателями радиоигр с использованием захваченных агентов-радистов разведывательных органов фашистской Германии, первопроходцами в этом важном деле, его организаторами явились два замечательных, к великому сожалению, уже ушедших из жизни чекиста: начальник отдела центрального аппарата советской контрразведки генерал-майор (тогда майор госбезопасности с одним ромбом в петлицах) Петр Петрович Тимофеев и начальник отделения этого же отдела генерал-майор (тогда капитан госбезопасности с тремя шпалами в петлицах) Барышников Владимир Яковлевич. По своим личностным характеристикам это были антиподы, два противополюсных человека. Петр Петрович, которого оперативные работники между собой называли «ПП», был среднего роста, плотный, с массивной, наголо выбритой головой, с крупными чертами слегка удлиненного лица, веселый, жизнерадостный, энергичный. Он пользовался непререкаемым авторитетом в коллективе за знание дела, умение ухватиться за главное, стремление к постоянному совершенству, простоту обращения с работниками, справедливость и корректность в оценке их работы и поведения.

В отличие от «ПП», который своим неугомонным характером вносил постоянную живую струю в жизнь коллектива, Владимир Яковлевич представлял собою образец кабинетного работника, склонного больше к аналитической, научной работе. Чуть ниже среднего роста, тоже довольно плотный, но в сравнении с «ПП» более рыхловатый, он почти постоянно находился в позе ссутулившегося человека, буквально уткнувшегося лицом в бумаги за письменным столом, виной чему была его сильная близорукость и принципиальное нежелание носить очки. Он отличался мягким, покладистым характером, был доброжелателен, тактичен, интеллигентен и очень принципиален. Работники искренне уважали его за ум, эрудицию, исключительное трудолюбие, честность и правдивость. Это был всеми уважаемый чекист с чистыми руками, горячим сердцем, светлой головой и трезвым умом, простой и скромный работяга, лишенный какого-либо позерства, целиком и полностью отдававшийся службе. За успехи, достигнутые в Ленинграде в тридцатые годы, он был награжден орденом Красной Звезды, что тогда было большой редкостью.

У Барышникова В.Я. было три заместителя, являвшиеся руководителями направлений. Одним из них, возглавлявшим

направление, занимавшееся использованием захваченных вражеских агентов с рациями, был ныне покойный Ендаков Николай Михайлович, бывший особист авиации, носивший по привычке летную форму с двумя шпалами в петлицах. В свои тридцать два года он заслуженно пользовался репутацией бывалого человека, имевшего весомый опыт оперативной работы. Достаточно сказать, что уже в возрасте 27–28 лет (1936–1937 гг.) он занимал пост комиссара авиации республиканской армии в Испании. Живой по натуре, общительный, всесторонне развитый, обладавший хорошими организаторскими способностями и инициативой, Николай Михайлович в то же время был деликатным, демократичным и гибким человеком.

Первоначально в подчинении Ендакова Н.М. было два работника: автор этих строк — оперативный уполномоченный с тремя кубиками в петлицах, вскоре повышенный в должности до старшего оперуполномоченного, и оперативный уполномоченный Лебедев Иван Петрович (ныне покойный), прибывший с Ленинградского фронта в звании капитана. Летом 1942 года в связи с увеличением объема работы группу пополнил еще один работник — оперативный уполномоченный Григоренко Григорий Федорович, 24-летний украинец, только что зачисленный в центральный аппарат контрразведки.

Николай Михайлович с пониманием относился к каждому из нас, являвшихся по существу еще «салагами» в чекистской работе, всячески поощрял нашу самостоятельность, инициативу и творческое отношение к делу. В результате в группе царила атмосфера деловитости, взаимовыручки, стремления как можно лучше решить поставленные перед ней задачи. В этом составе группа проработала до момента реорганизации, прошедшей в мае 1943 года, о чем будет рассказано позже.

Первая попытка

В ночь на 12 февраля 1942 года из населенного пункта Клягинский Ульяновского района Орловской области, примерно в 25 км к северо-западу от Волхова, гитлеровцы перебросили через линию фронта в расположение частей Советской Армии шпионскую группу в количестве 22 человек на шести санных повозках с легендой, что она является командой связи, выполняющей специальное задание штаба ПВО 50-й советской армии. Легенда подкреплялась соответствующими фиктивными документами, изготовленными от имени в/ч № 1319, подтверждающей, что команда выезжает в районы действий 154, 325 и 340-й дивизий. Перед группой была поставлена задача пройти по специальному маршруту в районах расположения 61, 50, 16 и 10-й советских армий на линии Козельск, Сухиничи, Мещевск, Мосальск и установить наличие штабов, крупных соединений и частей Советской Армии, складов оружия, боеприпасов и материального обеспечения, наблюдать за передвижением воинских частей, идущих к линии фронта, состоянием морально-патриотического духа военнослужащих и гражданского населения, за обеспечением фронта и тыла продовольствием и необходимым снаряжением.

В составе группы находились два радиста, которые по приданной им агентурной коротковолновой рации должны были добытую шпионскую информацию передавать немцам.

После захвата шпионской группы Тимофеев и Барышников вышли с предложением к руководству Наркомата о включении рации в работу под контролем нашей контрразведки с использованием одного из радистов. Планом операции предусматривалось, что группа, вопреки полученным от противника указаниям о возвращении в разведорган из-за неблагоприятно сложившейся обстановки не смогла перейти линию фронта, вынуждена была уйти в более глубокий тыл и, находясь под Калугой, ждать получения от немцев помощи (документы, продовольствие, обмундирование, батареи для рации).

Для создания правдоподобности этой версии из числа бойцов войск НКВД СССР и пограничников была сформирована группа по образцу захваченных шпионов с включением в ее состав радистов (находившихся, естественно, под охраной) и разработан маршрут ее передвижения. Командиром группы был назначен майор Богданчиков.

Первый раз вышли в эфир и пытались связаться с немцами из

села Георгиевское под Калугой, затем из деревни Василенки. Однако, ни на эти, ни на последующие вызовы, противник не ответил. О причинах можно только догадываться. Очевидно, невыполнение приказа о возвращении группы через линию фронта и ее длительное молчание (начали работу спустя 20 дней после захвата шпионов) было расценено разведорганом немцев как факт провала.

Таким образом, первая попытка начать радиоигру с противником оказалась неудачной. Она лишний раз подтвердила справедливость бытующей в народе поговорки — «Первый блин всегда комом».

Лед тронулся

Весна 1942 года с точки зрения оперативной обстановки на лексиконе контрразведчиков могла бы быть с полным основанием названа «шпионским половодьем». Дело в том, что в строй действующих шпионских резидентур гитлеровской разведки, подготовленных за осенне-зимний период, становятся курсанты первых выпусков разведывательных и диверсионных школ, которые в спешном порядке направляются на выполнение боевых заданий в тылы Красной Армии. Основными поставщиками шпионских кадров для этих резидентур были Варшавская (центральная) и Борисовская (с филиалами в Катыне и Орджоникидзеграде) разведывательные школы. Переброску агентуры с предварительным проведением всех необходимых мероприятий осуществляли: на северном направлении разведывательный орган с условным названием «Марс», дислоцировавшийся в Пскове; на центральном участке фронта — «Сатурн», дислоцировавшийся в Смоленске; на южном направлении — «Орион», дислоцировавшийся в Полтаве. Общее руководство деятельностью этих разведывательных органов осуществлял штаб «Валли», находившийся под Варшавой. Заканчивали подготовку первых выпусков шпионских кадров и другие, менее престижные разведывательные школы, созданные в осенне-зимний период 1941–1942 годов на всем протяжении советско-германского фронта от Крайнего севера до Черного моря на временно оккупированной противником территории Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Белорусской, Украинской союзных республик и восточных областей РСФСР.

В соответствии с планами Верховного командования фашистской Германии на период летней кампании 1942 года, предусматривавшими наступательные операции на флангах Москвы, основными районами насаждения шпионских резидентур в этот период явились территории, расположенные севернее Москвы (Ленинградская, Калининская, Вологодская, Ярославская, Ивановская области) и южнее ее (Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Куйбышевская, Саратовская, Сталинградская области).

Решая эту главную задачу, гитлеровская разведка, разумеется, старалась держать в поле своего зрения и другие важные районы, особенно прифронтовую зону, куда беспрерывно перебрасывалась агентура не только через линию фронта с кратковременными заданиями, но и с самолетов на парашютах, снабженная рациями для связи, со своими боеприпасами,

продовольствием, обмундированием, деньгами, документами.

Таким образом, органы советской контрразведки были поставлены перед необходимостью дать не только надлежащий отпор действиям вражеской разведки, но и, взяв инициативу в свои руки, полностью парализовать ее деятельность.

В достижении этой задачи важная роль принадлежала радиоиграм. Начало их было положено в марте 1942 года. Первая дуэль, условно названная «Ястреб», велась из города Иваново от имени агента-радиста Ястребова, окончившего варшавскую разведывательную школу и 12 марта заброшенного с самолета на территорию Ивановской области.

Ястребов имел задание пробраться в Иваново, осесть там на жительство по фиктивными документам и приступить к сбору сведений военного, экономического и политического характера, наблюдать за переброской войск к фронту по железной дороге и добытые сведения передавать по радио. После приземления он явился добровольно с повинной в органы госбезопасности, дал подробные показания по интересовавшим чекистов вопросам, и поэтому было принято решение привлечь его к участию в радиоигре. Связь с разведцентром противника была установлена 14 марта, однако из-за технической неисправности рации устойчивого радиообмена удалось добиться лишь середине апреля. После передачи серии радиограмм с рекомендованной Генеральным штабом военной дезинформацией, 17 мая 1942 года от «Хозяев» была получена депеша следующего содержания: «Просим ваш точный адрес и предложение способа для доставки вам батарей и денег».

На этот запрос был сообщен адрес жительства Ястребова в Иваново с пожеланием доставить груз с курьером, так как доставка самолетом опасна из-за усиленного контроля прилегающей к городу местности.

19 сентября 1942 года по указанному адресу явился агент-связник Верховский (он был задержан чекистами), доставивший Ястребову батареи к рации и десять тысяч рублей. После вручения груза он должен был возвратиться обратно через линию фронта.

Однако развить радиоигру «Ястребу» дальше не представилось возможным. При передаче благодарственной телеграммы за оказанную помощь Ястребов допустил ошибку, перепутав условность на случай провала. После чего радиосвязь была прекращена.

Почти одновременно с радиоигрой «Ястреб» была начата радиоигра «Львов» в городе Ярославле от имени трех агентов, выброшенных немцами на территории Бровичского района

Ленинградской области. Шпионы имели задание проникнуть в Ярославль с целью получения данных о численности, наименовании и дислокации воинских частей гарнизона, их обеспеченности вооружением и боеприпасами, о наличии промышленных предприятий и выпускаемой ими продукции, о прохождении воинских грузов в сторону фронта, а также о количестве и наименовании вооружения, поступающего из США и Англии. Агенты были снабжены коротковолновой рацией, деньгами в сумме 12 тысяч рублей, наганами, фиктивными документами. На случай задержания имели легенду, согласно которой они якобы бежали из лагеря военнопленных.

Поскольку показания агентов по многим вопросам были противоречивыми и вызывали сомнения, радиоигра была начата лишь только спустя 20 дней после их выброски. Задержка в установлении связи была объяснена противнику якобы неудачным приземлением и подбором удобного местожительства. Тем не менее, радиоигра развивалась успешно.

Одновременно с передачей ряда сообщений с дезинформацией по интересовавшим немцев вопросам было сообщено, что агенты нуждаются в помощи деньгами и документами.

Разведорган ответил согласием и в ночь на 24 июня 1942 года в обусловленном месте сбросил баллон, в котором находились деньги, документы и продукты питания.

Радиоигра продолжалась до 11 января 1943 года.

Итак, как говорится, «лед тронулся!». Всего в марте было задействовано 7 радиоточек, в апреле — девять, в мае — десять. Количество забрасываемых фашистской разведкой обученных шпионских кадров в тыл Красной Армии увеличивалось с каждым месяцем.

Неожиданный нокаут

Продолжая расширять фронт борьбы с вражеской разведкой, органы советской контрразведки к концу 1942 года уже задействовали в радиоиграх 56 радиостанций, изъятых у заброшенных на территорию СССР шпионских групп. По поступавшим сообщениям в адреса использовавшихся агентов, было видно, что разведка им доверяет и возлагает на них большие надежды. Почти все требования агентов об оказании им той или иной помощи со стороны вражеской разведки выполнялись беспрекословно. Нормально себя вели и привлеченные к участию в радиоиграх агенты немецкой разведки, понимая, что им оказано большое доверие, дающее возможность искупить свою вину перед Родиной.

И вдруг совершенно невероятный случай. Вот как это произошло.

19 апреля 1942 года на территории Клетского района Сталинградской области был сброшен на парашюте агент германской разведки, бывший лейтенант Красной Армии Орлов. После приземления он добровольно явился в органы Советской власти и сдал коротковолновую радиостанцию, оружие, деньги, фиктивные документы. На следствии Орлов вел себя искренне: подробно рассказал о полученном им задании, о варшавской школе германской разведки и известных ему агентах, передал шифр и код, условный пароль на случай провала.

Было решено привлечь Орлова к работе на радиостанции под диктовку советской контрразведки. В ходе радиоигры легендировалось, что Орлов познакомился с машинисткой штаба резервной армии, от которой узнавал серьезные сведения.

К сообщениям Орлова немецкая разведка проявила повышенный интерес и, опасаясь потерять важный источник «информации», обещала ему прислать деньги, документы, батареи и потребовала сообщить явочный адрес. Для того, чтобы встретить и арестовать агента-курьера, Орлова освободили из-под стражи и после соответствующего инструктажа поселили в квартире, адрес которой был сообщен противнику. Вместе с Орловым в квартире поселились два сотрудника УНКВД по Сталинградской области, которые должны были оказать Орлову содействие в решении поставленной перед ним задачи.

20 июля, на третий день после приземления, был задержан агент-связник, оказавшийся бывшим майором Советской Армии Амозиным, переброшенным немецкой разведкой с заданием вручить Орлову 10 тысяч рублей, фиктивные документы и

батареи для радиостанции, и остаться у него в качестве помощника. После окончания следствия и выяснения всех обстоятельств было решено сообщить противнику о прибытии курьера, но одновременно указать, что Амозин оказался нечестным человеком и часть денег присвоил себе.

28 июля 1942 года передал следующую радиограмму:

«Прибыл Амозин, привез батареи и 8 тысяч рублей, а я, как мне известно, должен был получить 10 тысяч рублей. В беседе выяснилось, что Амозин хочет поехать домой. Рассказывая о себе, он упомянул, что был большим командиром в Красной Армии, и жаловался на теперешнее свое положение. Как мне теперь с ним держаться? Благодарю за внимание».

Таким образом, операция по задержанию курьера была проведена удачно. И когда на следующий день начальнику отдела контрразведки доложили, что Орлов, выйдя погулять, не вернулся домой, это его не встревожило, так как он полностью доверял Орлову. Кроме того, еще накануне Орлов жаловался ему на то, что, поскольку сотрудники мешают ему встречаться со знакомой девушкой, он собирается провести с ней время за Волгой. Но прошло двое суток, а Орлов не возвращался. Наконец, пришло письмо от него, доставленное по городской почте. В нем содержалось:

«Вот, наконец, я ушел от вас, господин начальник.

Как вы себя чувствуете? Сейчас, когда вы читаете мое письмо, я в составе передовых частей германской армии двигаюсь к городу, в который мы скоро войдем победным маршем. Желаю благополучно унести ноги. Орлов».

Легко представить, как должен был чувствовать себя начальник отдела контрразведки, получив это письмо!

Реорганизация

Однако предательство Орлова, несмотря на некоторые негативные последствия, в целом не отразилось на ходе работы по радиоиграм. Она продолжала вестись с той же активностью. По состоянию на июнь 1943 года количество действовавших радиоточек уже насчитывало восемь десятков. К этому времени произошли серьезные структурные изменения в организации работы советской контрразведки, затронувшие и подразделение, занимавшееся радиоиграми.

Дело в том, что в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета Союза ССР в апреле — мае 1943 года органы госбезопасности, входившие до этого в НКВД СССР, были выделены в самостоятельный наркомат, именовавшийся НКГБ, а на базе Управления Особых отделов НКВД СССР была создана военная контрразведка в составе Министерства обороны СССР, условно названная «Смершем» (производное от «Смерть шпионам»). Центральный аппарат ее именовался Главным, управлением контрраззедки НКО «Смерш» (сокращенно ГУКР «Смерш»). В его составе было образовано два отдела, функциональные обязанности которых вытекали из задач, решавшихся отделением Барышникова В.Я., в отделе Тимофеева П.П. Центрального аппарата территориальных органов контрразведки. На один из этих отделов в ГУКР «Смерш» была возложена задача организовать розыск вражеской агентуры на территории СССР и продолжить проведение радиоигр с использованием захваченных агентов-радистов противника. Перед другим отделом была поставлена задача внедрения советских разведчиков в разведывательные и контрразведывательные органы фашистской Германии.

В связи с указанным решением Барышников В.Я. и большинство работников его отделения вместе со своим делопроизводством были переведены в ГУКР «Смерш». В их числе оказалась и группа, занимавшаяся радиоиграми, за исключением Н.М. Ендакова, выдвинутого на руководящую работу по линии территориальных органов госбезопасности. Барышников В.Я. был назначен начальником отдела ГУКР «Смерш», а группа по радиоиграм стала самостоятельным отделением в этом отделе, расширились ее права и обязанности, увеличился штат работников до 8 человек, сотрудники получили повышение по службе, автору этих строк было доверено руководство отделением. В числе вновь пришедших в отделение работников было два фронтовика: старшие оперативные уполномоченные

майор Владимир Фролов и майор Сергей Елин, прибывшие из подразделений контрразведки «Смерш» действующей армии.

Проведенная реорганизация заметно активизировала работу по радиоиграм как в плане решения чисто контрразведывательных задач, имевших целью парализацию подрывной деятельности вражеской разведки против СССР, так и с точки зрения оказания помощи Советской Армии на фронтах войны путем передачи врагу выгодной для наших войск дезинформации.

В связи с подчинением «Смерш» Народному комиссариату обороны контакт работников контрразведки с Генеральным штабом стал еще более тесным. Теперь при разработке важнейших военных операций Генеральный штаб, как правило, широко использовал созданные контрразведкой возможности для дезинформации противника, и это в совокупности с проводимыми фронтами другими мерами по дезинформации приносило несомненный успех.

Манна небесная

Вторая половина 1943 года и весь 1944 год были отмечены наибольшей активностью в деятельности разведывательных органов Германии по заброске на территорию Советского Союза своей агентуры, прошедшей специальное обучение в разведывательно-диверсионных школах. При этом произошли заметные изменения и в отношении качественной подготовки шпионских кадров, хотя контингент привлекаемых к этой работе оставался прежним — бывшие военнослужащие Советской Армии. На первом этапе войны офицеры Абвера как вербовавшие агентов, так и обучавшие их, как правило, глубоко не вникали во все тонкости этой деликатной работы. Избалованные триумфальными победами фашистской Германии на Западе, воспитанные в духе вседозволенности и превосходства арийцев над другими народами, не познавшие еще горечи отрезвившей их Сталинградской трагедии и потому твердо верившие в неизбежность победы Вермахта, они в основной своей массе признавали только принцип силы, считая военнопленного за безропотного раба, обязанного честно и добросовестно служить победителю. Предложение же о сотрудничестве с разведкой, по их искреннему убеждению, военнопленные должны были воспринимать как акт величайшей благодарности. Что касается отношения самих военнопленных к такого рода предложениям, то они в большинстве случаев принимали их, чтобы освободиться из лагерей «смерти», не умереть в них из-за невыносимых условий содержания, питая тайную надежду на то, что в будущем, возможно, удастся вырваться из рук врага вообще. Многим это, как будет показано дальше, действительно удалось. Но, к великому огорчению, эта логика мышления для большинства согласившихся на сотрудничество с вражеской разведкой, обернулась трагедией. Дело в том, что фашистская разведка, стараясь закрепить за собой завербованных агентов, предпринимала разнообразные меры для их компрометации перед органами советской власти, поручая им такие задания, выполнение которых отрезало для них все пути для безбоязненного возвращения на Родину. Таким образом, нередки были случаи, когда согласившиеся работать на вражескую разведку военнопленные, рассчитывая на перспективу при благоприятных обстоятельствах выйти «сухими из воды», помимо своего желания становились на путь прямого предательства со всеми вытекающими отсюда для них последствиями.

Стараясь закрепить вербовку агентов и заставить их честно

работать, немецкие разведчики давали многим агентам задания по выявлению партизан, заставляли их шпионить за другими агентами, обучавшимися в разведывательной школе, участвовать в карательных акциях против советских патриотов на временно оккупированной территории. Применяли и другие способы компрометации агентов перед своей страной и органами Советской власти.

Так, варшавская разведывательная школа использовала, например, следующий метод закрепления вербовки агентов. В процессе обучения агентам предлагалось написать письменную работу на тему: «Как я буду бороться с Советской властью». В результате гитлеровцы получали компрометирующий материал, которым в случае необходимости всегда можно было припугнуть агента, так как в этом документе он писал не только о том, что берет на себя обязательство работать на германскую разведку, но и объяснял, почему он решил бороться с Советской властью, а также излагал программу своих антисоветских действий.

Наряду с идеологической и националистической обработкой руководители немецких разведывательных школ прибегали и к моральному разложению агентов, развивая в них низменные чувства: любовь к спиртному, деньгам, жажду наслаждений и т. д. Придерживаясь политики «кнута и пряника», они постоянно подчеркивали свое хорошее отношение к тем, кто ревностно им служил. Они вежливо обращались с агентами, хорошо их кормили и экипировали, щедро снабжали деньгами. За успешное выполнение шпионских и диверсионных заданий, а также за провокаторскую деятельность выдавали денежные премии, награждали медалями, присваивали воинские звания, неоднократно заявляя, что при добросовестном отношении к делу агенты могут рассчитывать на «теплые» местечки в будущем. Руководители и инструкторы разведывательных и диверсионных школ запугивали агентов пытками, якобы ожидающими их в советской контрразведке в случае добровольной явки, и предупреждали, что, если они даже и окажут содействие советским контрразведчикам, их после использования все равно уничтожат, как изменивших присяге.

Все это в известной степени влияло на политически не зрелых людей и особенно на тех, кто оказывал практические услуги гитлеровцам в борьбе против Советской Армии.

В отличие от первого этапа войны в 1943–1944 годах в психологии офицеров абвера произошло заметное отрезвление, и это не могло не сказаться на пересмотре их отношения к вопросам подбора и вербовки шпионских кадров, их изучения, подготовки и последующего использования с учетом обеспечения

безопасности. Тем не менее, явки с повинной в органы советской контрразведки заброшенных в Советский Союз агентов вражеской разведки были нередкими и в указанный период. Не помогли гитлеровцам в предотвращении таких случаев и специально подготовленные монографии ученых мужей, занимавшихся изучением психологии многих десятков агентов русской национальности, как, например, «Русские на секретной службе в восточных областях».

И все же рассматриваемый период для работников советской контрразведки, занимавшихся радиоиграми, был особенно напряженным. Достаточно сказать, что за это время было задействовано 83 новых радиоточки. При этом продолжали действовать и многие ранее начатые радиоигры. Нагрузка на каждого оперативного работника была колоссальной. Наряду с забросками на территорию СССР новых шпионских групп, противник доставлял на самолетах и сбрасывал на парашютах по требованию участвовавших в радиоиграх агентов в порядке оказания им помощи батареи к рациям, денежные средства, фиктивные документы, вооружение, снаряжение, продовольствие и прочее, а также агентов-связников, инструкторов и разного рода помощников. Буквально редкий день обходился без какого-либо нового «сюрприза» вражеской разведки, свалившегося с небес. Образно говоря, как шутили наши работники, это была настоящая «манна небесная».

Задача номер один

Организуя радиоигры, органы советской контрразведки ставили целью парализовать деятельность вражеской разведки по всем линиям ее подрывной работы, а именно:

— в ведении шпионажа в прифронтовой полосе и на основных коммуникациях страны, обеспечивавших доставку на фронт войск, боевой техники и других необходимых грузов;

— осуществлении стратегической разведки в промышленных районах Урала, Сибири и Средней Азии; проведении диверсионной деятельности на территории Советского Союза;

— организации террористических актов против советского и партийного руководства; создании на территории СССР так называемого «фронта сопротивления» путем объединения различного рода антисоветского элемента и обеспечения его необходимым вооружением;

— предпринятие попыток по организации вооруженных выступлений против Советской власти в национальных территориальных образованиях СССР.

Однако, несмотря на всю важность указанной выше работы, главной целью радиоигр, задачей номер один, которую они решали, было стремление оказать помощь Красной Армии в разгроме врага на полях сражений. Достигалось это путем систематической передачи врагу на всем протяжении Великой Отечественной войны военной дезинформации по указаниям Генерального штаба Советской Армии.

Установлению контактов с Генеральным штабом предшествовало принятое Верховным Главнокомандующим решение по докладу НКВД СССР о целесообразности проведения указанной работы вскоре после захвата первых шпионских групп, заброшенных на территорию СССР.

Впервые такой контакт был установлен Николаем Михайловичем Ендаковым с заместителем начальника Генерального штаба, являвшимся одновременно начальником оперативного управления Генштаба, Александром Михайловичем Василевским. В дальнейшем контакт поддерживался с заместителем начальника Генерального штаба Антоновым А.И., начальником оперативного управления Генштаба Штеменко СМ. и заместителем начальника Генштаба, начальником одного из его управлений Кузнецовым Ф.Ф. С первыми двумя встречи проходили в здании Генерального штаба и особняке ставки Верховного командования на улице Кирова, а с товарищем Кузнецовым Ф.Ф. в Министерстве обороны СССР на Фрунзенской

набережной. До мая 1943 года связь с указанными ответственными работниками Генштаба поддерживал Н.М. Ендаков, а с мая 1943 года и до окончания войны эта работа была возложена на автора настоящего обзора.

Тексты радиограмм с военной дезинформацией для передачи противнику разрабатывали в соответствии с указаниями Генштаба работники контрразведки, ведшие радиоигры с учетом стиля письма каждого агента и легенд об их возможностях добычи шпионской информации. В более важных случаях к этой работе привлекались консультанты — работники Генерального штаба. В частности, в самом начале радиоигр весной 1942 года такие консультации нам давал Павел Иванович Батов, ныне известный всем россиянам генерал армии, проявивший себя на фронтах Великой Отечественной войны талантливым военачальником. Он оказался хорошим знакомым Н.М. Ендакова еще по Испании при оказании помощи республиканской армии в борьбе с фашизмом. Это значительно облегчило нам работу. Первая встреча с ним запомнилась на всю жизнь. Вот как это произошло.

Николай Михайлович как-то пригласил нас с Ваней Лебедевым зайти к нему. В кабинете находился неизвестный военный. Ему было чуть больше сорока, среднего роста, крепкого телосложения, стройный, с приветливым открытым лицом.

— Знакомьтесь, — сказал шеф, — Павел Иванович Батов из Генштаба, наш консультант.

Мы представились, назвав свои фамилии и звания.

— Очень рад, — четко, приятным баритоном произнес Павел Иванович, крепко пожимая нам руки. В его глазах светились веселые искорки.

А затем, обращаясь к Ендакову, сказал:

— Ну что, Николай Михайлович, начнем? Или как там в «Евгении Онегине»: н-а-а-ч-н-е-м, пожалуй! — протянул он, подражая тенору.

— А я и не знал, Павел Иванович, что ты можешь заменить Лемешева, — улыбаясь, заметил Ендаков.

Все засмеялись.

— Ладно, пошутили и хватит. А ну-ка, хлопцы, — обратился он к нас с Лебедевым, вручая географические карты, — расстелите на столе наши скатерти.

Карты были разрисованы цветными карандашами с нанесением линии фронта стрелками, указывавшими направления ударов с той и другой стороны и обозначением / районов ложного сосредоточения резервных частей Красной Армии.

— Давайте выкладывайте, где обосновались ваши «музыканты», о чем они должны сообщать Канарису. В зависимости от этого и будем крутить ему мозги.

На составление текстов радиограмм для использовавшихся в то время агентов ушло более трех часов. Мы с Лебедевым рассказывали, в каких пунктах они дислоцируются, какое имеют задание, что нами легендировано для сбора ими разведывательной информации (личное наблюдение, случайные разговоры с гражданскими лицами и военными, сообщения привлеченных для работы лиц и прочее), а Павел Иванович давал рекомендации по существу: что конкретно должен сообщить каждый агент, исходя из общего плана дезинформации противника.

Работать с Батовым было легко и приятно. Подкупали его непосредственность, сердечность, общительность, оптимизм, жизнерадостность. Во всем его облике и поведении чувствовалась естественная, лишенная всякой наигранности уверенность. П.И. Батов успел дать нам несколько консультаций, а затем был направлен на фронт.

В тех случаях, когда речь шла о разработке дезинформации по запланированным Генеральным штабом важным военным операциям, составление текстов радиограмм поручалось группе компетентных лиц Генерального штаба с участием в первое время Н.М. Ендакова, затем уже автора данного обзора.

Передача военной дезинформации производилась только после утверждения Генеральным штабом текстов радиограмм и сроков их отправления. О проводимых органами советской контрразведки радиоиграх и передаваемой противнику дезинформации систематически докладывалось Верховному Главнокомандующему. Первоначально в форме оперсводок, а затем в виде спецсообщений.

О размахе этих игр и о том, какое значение им придавалось нашим командованием, говорят хотя бы такие факты. Только в январе 1945 года было задействовано шесть радиоточек: «Ревизор», «Запоздалые», «Связисты», «Ключ», «Братья», «Туристы», в феврале — четыре: «Диверсанты», «Бега», «Корни», «Странники», в марте — пять «Дезертиры», «Проба», «Лабиринт», «Цепь», «Вельд», в апреле — четыре: «Звено», «Пограничники», «Организаторы», «Финал».

Последняя радиоигра, проводившаяся. на берлинском направлении, была самой короткой по времени — двадцать дней, но символичной по названию «Финал». Принятые по ней заключительные аккорды морзянки разведывательных центров фашистской Германии возвестили приближение дня Победы.

Бои в эфире закончились, наступила тишина…

В прифронтовой полосе

Гитлеровское военное командование, руководившее боевыми операциями на советско-германском фронте, было крайне заинтересовано в организации широко поставленной агентурной разведки как на линии фронта, так и в ближайших тылах Советской Армии. В соответствии с этим германские разведывательные органы ежедневно забрасывали большое количество агентов в расположение частей действующей Советской Армии и на прифронтовые коммуникации.

Перед агентурой, действовавшей в прифронтовой полосе, органы разведки противника ставили сравнительно узкие задачи, требуя быстрейшего их выполнения. Как правило, агент после выполнения задания возвращался в разведывательный орган через линию фронта для личного доклада о результатах произведенной им разведки. Только немногие агенты снабжались радиостанциями, радиус действия которых к тому же в большинстве случаев был весьма ограничен.

В непосредственной близости от линии фронта советская военная контрразведка организовала заградительную службу, которая вела работу по пресечению деятельности агентов германской разведки на фронтовых коммуникациях. На шоссейных дорогах и железнодорожном транспорте, связывавших фронт с ближайшим тылом, и в других наиболее вероятных местах появления вражеских агентов действовали опознавательные группы, в состав которых включали захваченных советской контр разведкой германских агентов. В штабах, соединениях и частях действующей Красной Армии проводились контрразведывательные мероприятия с целью ограждения их от проникновения вражеских шпионов.

Одним из средств в борьбе с германским шпионажем в прифронтовой полосе являлись и радиоигры, проводившиеся советской контрразведкой с использованием захваченных вражеских агентов. С помощью радиоигр органы советской контрразведки поддерживали в противнике уверенность в том, что заброшенные им в прифронтовую полосу шпионские группы активно действуют. Это вносило в ряды неприятельской разведки определенную самоуспокоенность и удерживало ее от дальнейших действий.

Показательной в этом отношении является радиоигра, начатая в мае 1943 года на Центральном фронте под условным названием «Опыт». Передачи велись от имени трех агентов германской разведки, заброшенных в расположение штабов и

оборонительных сооружений в тылах фронта, а также в расположение частей Советской Армии с заданием выяснить в районах Щигры, Касторное, Курск, Львов (вероятно, Льгов — В.К.) и прилегавших к ним пунктах места сосредоточения советских войск и техники, фамилии командиров, состояние транспортных путей и мостов, добыть сведения о передвижений воинских частей. Агенты имели портативную коротковолновую радиостанцию, 120 тысяч рублей, топографические карты районов действия и фиктивные документы офицеров Красной Армии. Район действия агентов представлял для советской стороны исключительно важное значение, так как по указанию Генерального штаба ранее по десяти радиоточкам, работавшим под контролем советской разведки в близлежащих пунктах, немецкой разведке была передана дезинформация, имевшая целью скрыть готовившееся наступление советских войск на Курской дуге.

Задача радиоигры «Опыт» поэтому была очень ответственной. Она заключалась в том, чтобы агенты, выброшенные непосредственно в район Курской дуги, подтвердили правильность переданных по другим рациям дезинформационных данных. С этой целью в разведывательный орган противника через каждые два — три дня по указанию Генерального штаба Красной Армии пере давались радиограммы, содержащие выгодную для нашей армии информацию. В них указывалось, что в сторону фронта проходят эшелоны со строительными материалами, бронеколпаками, колючей проволокой и другими грузами, необходимыми для обороны, а в тылу местные жители и саперы роют окопы, противотанковые рвы, строят блиндажи и доты. О сосредоточении войск и военной техники передаваемые материалы были очень незначительными.

Активная работа радиостанции продолжалась 20 дней. За это время противнику передали все, что Генштаб считал целесообразным передать, и основная задача радиоигры была выполнена. Возник вопрос, в каком направлении продолжать игру. Решили под каким-либо благовидным предлогом снизить активность работы радиостанции, выждать определенное время и проверить, как противник отнесется к полученной им «информации». Задача значительно упростилась после получения от противника следующей радиограммы:

> «Желательны сведения об артиллерийских позициях западнее Новосиля, в районе слияния рек Неруч и Зуша».

Учитывая, что радиостанция находилась в 150 км от Новосиля, орган советской контрразведки радировал:

«В нашем районе Новосиля нет. На разведку вышли напарники. Я остался на месте. До их возвращения буду сообщать только метеосводки».

В дальнейшем, ссылаясь на то, что агенты не вернулись, радист попросил прислать продукты и деньги.

Противник 4 августа передал:

«Помощь пришлем, точный срок укажем. Почему не сообщаете о передвижении войск и о важных военных событиях в вашем районе? Ждем срочных сведений».

Ему ответили:

«Наши люди до сих пор не вернулись, ходил их разыскивать, но безрезультатно. Работать одному очень трудно. Денег нет. Живу плохо. Жду от вас совета и помощи».

7 августа противник радировал:

«Срочно готовым курьера, придет по последнему адресу, а пока давайте военные сводки. Надеемся на активизацию работы».

Через два дня на явочной квартире работники советской контрразведки арестовали агента-связника Подкопытова, окончившего борисовскую разведывательную школу (после окончания школы Подкопытов три месяца находился в тылу Красной Армии, где выполнял шпионские задания). Подкопытов должен был установить связь с радистом, передать ему 96 тысяч рублей, фиктивные документы, батареи для радиостанции, продовольствие и остаться в его распоряжении для ведения разведки. Прибытие связника свидетельствовало о том, что противник заинтересован в дальнейшей работе радиостанции «Опыт».

На фронте в это время происходили активные наступательные действия нашей армии, в районы боев направлялись новые людские пополнения, перебрасывалось много боевой техники. Не передавать совсем военных сведений было нельзя, так как это ставило радиостанцию под угрозу провала. Поэтому решили под различными предлогами тормозить ее работу и лишь изредка передавать незначительную дезинформацию, чтобы не потерять связь с радиоцентром.

В соответствии с этим сообщили, что радист не встретил

курьера и продолжает испытывать затруднения. В результате дальнейшего радиообмена от противника была получена телеграмма следующего содержания:

> «Курьер завтра будет у вас, у хозяйки. Пароль — привет от доктора. Курьер будет с вами работать с успехом».

Нужно было выработать план по встречи с курьером и подготовить все необходимое для его успешного осуществления. Тот факт, что радист уже длительное время не сообщал никакой разведывательной информации, мог вызвать подозрение об его вынужденной работе под диктовку советской контрразведки.

С учетом этого обстоятельства было очень важно организовать встречу курьера с самим радистом, с тем, чтобы в откровенной беседе выяснить у курьера, не получил ли он каких-либо особых указаний, имеющих целью выяснить действительное положение радиоточки. Идеальным вариантом было бы разрешить встретиться с курьером лично радисту. Однако этот вариант, несмотря на безупречное поведение радиста, был категорически отвергнут руководством управления «Смерш» фронта. Не склонно было поддерживать его и руководство Главного управления «Смерш» из-за ранее имевшего место случая с Орловым.

В конце концов, было решено, что роль радиста будет выполнять начальник отделения — капитан, ведший радиоигру.

— А если курьером окажется агент, лично знающий радиста, что тогда? — возмущался Барышников, говоря по «ВЧ» с начальником управления «Смерш» фронта.

— Не беспокойтесь, Владимир Яковлевич, оперработник не растеряется, найдет выход, в крайнем случае, скажет, что он завербован радистом.

Ладно, пусть действует, но на всякий случай прикройте его надежно.

— Это сделаем обязательно, Владимир Яковлевич, все будет в порядке.

Операция и в самом деле закончилась успешно. В село Березовские Выселки, где был подставной адрес для курьеров, выехала оперативная группа в количестве шести человек — два оперработника и четыре рядовых бойца отдельного батальона управления контрразведки «Смерш» фронта. Отвечавший за операцию начальник отделения облачился в форму радиста, а один из бойцов, одетый в форму сержанта, должен был прикрывать его под видом напарника. Остальные участники оперативной группы взяли под контроль дом хозяйки и подходы к

нему.

В 11.25 24 августа 1943 года капитану доложили, что в направлении дома Кудрявцевой идет неизвестный в форме старшего сержанта.

Капитан вышел из дома и, изображая занятость, стал наблюдать. Поравнявшись с ним, неизвестный спросил: «Это дом колхозницы Кудрявцевой?».

— Да, — ответил капитан, добавив, — а вы не от Доктора?

Неизвестный, расплывшись в улыбке, произнес: «Привет от Доктора».

Капитан пригласил гостя в дом, поставил угощение и, разыгрывая роль обрадованного радиста, получил ответы на все интересовавшие нас вопросы.

Курьер назвался Матвеевым, сообщил, что выброшен в ночь на 23 августа вместе с напарником, который ждет на окраине села. Пакета с грузом, к сожалению, не нашли. Узнав, что напарник Матвеева остался на окраине села, капитан спросил:

— А почему напарник не пришел?

— Это для страховки. Так советовал капитан Фурман. Предупреждал, чтобы мы были осторожными. Один должен был идти по указанному адресу, а другой наблюдать, все ли в порядке.

— Выходит, Фурман не верит нам?

— Нет, этого он не говорил. Сказал только, что обстановка в вашем районе сложная, и надо вести себя очень осторожно.

— Это правильно, осторожность везде нужна. Ну, а что вы должны делать после выполнения этого задания?

— Мне приказано остаться с вами, помогать в сборе сведений. А напарник должен сразу же вернуться обратно.

— Это очень хорошо, что вы останетесь и будете помогать. Ну а теперь пошли за напарником, незачем ему там прятаться, да и деньги и документы нужны. Они у него?

— Да, он отвечает за это.

Придя в обусловленное место в окрестностях села, Матвеев, сложив около рта руки, издал пронзительный свист, на который вскоре из-за кустов вышел среднего роста, крепко сложенный военный в форме сержанта с вещевым мешком и автоматом «ППШ».

— Выходи, выходи смелей, Серега, все в порядке, — подбодрил его Матвеев.

Возвратившись с агентами снова в дом, капитан продолжал разыгрывать роль человека, соскучившегося по товарищам. Он выяснил у курьеров все интересовавшие его вопросы, после чего под предлогом устройства на ночлег их направили на разные

квартиры, где они и были арестованы. у них было изъято 75 тысяч рублей, чистые бланки командировочных предписаний с печатью «АХО штаба 13 армии», 20 штук чистых бланков продовольственных аттестатов с печатью «АХО штаба 13 армии», 15 штук чистых бланков продовольственных аттестатов с печатью «Оперативная группа минометных частей Западного фронта Ставки Верховного Главного Командования», 20 штук командировочных предписаний с печатью этой же оперативной группы, 20 штук удостоверений, отпечатанных на машинке с печатью и штампом «123 отдельного батальона связи». Пакет с грузом, в котором находились батареи к рации, обмундирование и продукты найти не удалось.

В связи с этим 25 и 27 августа 1943 года немцам было сообщено:

> «Два курьера прибыли. Груз, сброшенный с самолета без парашюта, потеряли. Втроем идем на поиски».

> «Посылки нет. За помощь в деньгах, документах товарищей благодарим. Как быть с питанием к рации. Жду срочно ответ».

29 августа последовало указание:

> «Второй курьер должен немедленно вернуться и поехать с новым пакетом. Сообщите, куда и когда выехал».

Продолжая работу, в ответ на этот приказ мы сообщили, что Баринов (т. е. Сергей) ушел обратно, будет переходить линию фронта в районе стыка 70-й и 13-й армии, как ему рекомендовали немцы, а радист и Матвеев, изменив место жительства, приступили к активной работе. В порядке отчета об этом передали несколько радиограмм с военной дезинформацией, рекомендованной Генеральным штабом.

А спустя некоторое время начали легендировать политическую неустойчивость напарника Матвеева.

> «Последние события на фронте отражаются на настроении напарника. Поговаривает бросить работу, систематически пьянствует, болтает среди окружающих лишнее, что грозит нашему провалу. Прошу указаний направить его к вам. Срочно шлите ответ». Противник ответил двумя радиограммами: «Военные события на фронте мы предвидели. Стратегическому отступлению

будет предел и на исход войны и нашу победу не повлияет. Не падайте духом, новая Россия ваш труд оценит.

Привет. Капитан».

29 октября 1943 года от имени радиста в радиоцентр противника ушла следующая депеша:

«Напарник вашему распоряжению не подчинился. Уговоры не помогли. Пришлось пристрелить. Обошлось без шума. Выезжаю в район Брянска. С нового места сообщу данные». Спустя несколько дней немцам были сообщены новый адрес радиста и место для сброски груза.

19 ноября противник радировал:

«Вы награждены за храбрость. Поздравляем и желаем дальнейшего успеха в совместной борьбе. Сколько времени вам нужно добраться до указанного места сброски. Мы все приготовили».

Сброска груза из-за нелетной погоды затянулась до февраля 1944 года. В течение этого времени противник дважды посылал самолет в обусловленный район, но, как отмечалось в его радиограммах, «машина из-за тумана не могла найти вашего места нахождения. Оставайтесь там дальше, думаем, погода улучшится».

Наконец, 27 февраля 1944 года, улучив удобный момент, самолет появился над указанным нами местом и, заметив сигнальные костры, сбросил на парашюте баллон с грузом. В нем были сто тысяч рублей, пачка фиктивных документов с печатями и штампами различных воинских частей (справки, командировочные предписания, продовольственные аттестаты), батареи к рации, комплект офицерского обмундирования, продукты питания.

Благодаря тщательно готовившимся мероприятиям радиоигра «Опыт» успешно действовала почти до конца 1944 года.

Весной 1943 года при отступлении немецко-фашистских захватчиков из Краснодарского края орган германской военно-морской разведки «Нахрихтен Беобахтер» (НБО) оставил в станице Славянской агентов Мухаммедова и Яковлева с радиостанцией. Оба агента в прошлом служили в Черноморском

военно-морском флоте, но, попав в плен, были завербованы германской разведкой и прошли специальную подготовку. Агенты имели задание: после отступления фашистских войск из станицы Славянской легализоваться по фиктивным документам и приступить к сбору шпионских сведений о наших наземных Задержанные агенты дали откровенные показания, которые подтверждались имевшимися у советской контрразведки данными о НБО, и поэтому изъятую у агентов радиостанцию включили в игру, дав ей условное наименование «Салават». В интересах командования Красной Армии радиостанцию перевели в другое место, а германскому разведывательному органу причины перемены места расположения объяснили следующим образом:

> «В Славянской оставаться было опасно, потому что начались поголовные проверки, В районе станицы Нововеличковской нашли подходящее место. Чувствуем себя хорошо».

Вместе с этими данными передали дезинформационные сведения, якобы собранные агентами в пути.

В дальнейшем связь с фашистским радиоцентром поддерживалась регулярно, и противник систематически получал дезинформацию.

НБО в первую очередь интересовали сведения военно-морского характера, и 31 мая 1943 года он передал в адрес агентов радиограмму:

> «Спасибо за сведения. Постарайтесь добыть данные о восстановлении Азовской флотилии в Ейске и Приморско-Ахтарске, а также о десантных подготовках и минных заграждениях этих портов».

В ответ «Салават» радировал, что для выполнения этого задания необходимы денежные средства. Вопрос о присылке людей не ставился умышленно, чтобы не вызывать подозрений.

В ночь на 17 июля 1943 года вражеский самолет сбросил в условленном месте в районе станицы Нововеличковской посылку, в которой были 100 тысяч рублей, три комплекта батарей для радиостанции и аппарат для подслушивания телефонных переговоров. После этого «Салават» информировал о получении посылки и подготовке к переезду на Азовское побережье для сбора интересующих НБО сведений. Однако противник предложил Мухаммедову и Яковлеву оставаться на месте и ожидать дальнейших указаний. Вскоре они последовали:

«Слушайте нас каждый день. Приготовьтесь к принятию парашютистов на старом месте и с теми лее условными знаками, как в последний раз. Точное время сообщим».

Через несколько дней немцы специальной радиограммой предупредили агентов о выброске в ближайшую ночь парашютистов. Действительно, 27 августа 1943 года в районе станицы Новсвеличковской были сброшены три агента. Задержанные парашютисты Саркисян, Парсадакян и Симонян признались в своей принадлежности к германской разведке и заявили, что они имели задание с помощью пароля установить связь с Мухаммедовым и Яковлевым.

В сентябре 1943 года в связи с поспешным отступлением гитлеровской армии из Крыма и с юга Украины радиоигру «Салават» пришлось прекратить, так как используемая в игре рация не была достаточно мощной, чтобы с ее помощью можно было поддерживать связь с радиоцентром противника на большом расстоянии.

Все же в непосредственной близости от линии фронта таких радиоигр, как «Опыт» и «Салават», проводилось мало. Здесь велись преимущественно так называемые скоротечные радиоигры, основное назначение которых сводилось в передаче врагу по указанию Генерального штаба военной дезинформации. Приведу примеры.

В феврале 1943 года на участке обороны 8-й Гвардейской дивизии, входившей в состав Калининского фронта, гитлеровская разведка перебросила через линию фронта на советскую сторону трех агентов с коротковолновой приемно-передающей радиостанцией, которые сразу же явились с повинной в орган советской контрразведки. На допросе они заявили, что получили задание пробраться в город Торопец и собрать там сведения о военном гарнизоне и его вооружении, установить характер грузов, прибывающих на станцию Торопец, и выяснить, производится ли переброска воинских частей по дорогам, ведущим к городам Холм и Великие Луки. Через 15 дней после переброски в расположение советских войск агенты должны были закопать рацию и вернуться обратно.

Учитывая добровольную явку агентов и их откровенные показания на следствии, органы советской контрразведки решили включить изъятую радиостанцию в игру, дав ей условное наименование «Пешеходы». Радиоигра велась Особым отделом Калининского фронта с 9 по 20 февраля 1943 года. За это время по радиостанции «Пешеходы» передали 6 радиограмм,

содержащих дезинформационные сведения о продвижении через станцию Торопец частей Красной Армии и воинских грузов, а затем закончили игру, сообщив врагу, что в соответствии с инструкцией агенты возвращаются обратно.

В мае 1944 года в район станции Низовской Ленинградской железной дороги были заброшены на парашютах агенты Шатров и Малахов. Они были захвачены воинскими группами контрразведки. Шатров и Малахов — в прошлом военнослужащие Красной Армии, попавшие в плен к гитлеровцам, впоследствии были завербованы и направлены на обучение в разведывательную школу в город Валка (Латвийская ССР). Агенты имели задание пробраться в район Гатчины и установить, какие там формируются части, а также вести наблюдения за передвижением воинских эшелонов по железным дорогам на линиях Красногвардейск-Псков, Красногвардейск-Волосов. Собранные шпионские сведения должны передавать по радио.

В это же время в районе города Невеля органы советской контрразведки проводили радиоигру, в ходе которой, передавались ложные сведения о передислокации 11-й Гвардейской армии. Чтобы закрепить дезинформацию, решили включить в игру радиостанцию, изъятую у агентов Шатрова и Малахова. Для этого передали несколько радиограмм, подтверждающих ложные данные о перемещении 11-й Гвардейской армии. Противник поверил дезинформации, и задача, поставленная перед игрой, была выполнена.

Отдельные радиостанции, превращались в «блуждающие» или «кочующие», то есть следовали за наступающими войсками и передавали противнику военную дезинформацию.

В практике работы по радиоиграм, проводившимся в тыловых районах фронтов, иногда возникали случаи, когда передача дезинформации по соображениям Генерального штаба в данный момент была нецелесообразной. Поэтому, начав радиоигру, приходилось до подходящего момента вести передачи, которые могли бы оправдать невозможность добычи агентами нужной информации.

Примером такой игры является радиоточка «Двина», задействованная 8 июня 1944 года в тылу 3-го Прибалтийского фронта.

Радиоигра велась от имени агента-радиста Биганова и его напарника Иванова, выброшенных немцами с самолета в ночь на 17 мая 1944 года в районе деревни Воротасво Поддорского района Ленинградской области. На другой день они установили связь с радиоцентром, сообщив о благополучном приземлении, и добровольно с повинной явились в органы НКГБ.

Они имели задание: осесть в районе г. Новоржева, установить дислокацию штаба 10-й Гвардейской армии, части, входящие в состав этой армии, их названия и номера, звания и фамилии командиров этих частей.

Для выполнения задания агенты были снабжены портативной коротковолновой радиостанцией, фиктивными документами военного образца: удостоверениями личности офицерского состава, командировочными предписаниями по созданию отрядов по проверке мостов и шоссейных дорог, вещевыми книжками, бланками отпускных билетов и продовольственными аттестатами. Все документы были выданы от имени штаба 1-й Ударной армии. Кроме того, они были снабжены удостоверениями на право проверки документов от имени 314 стрелковой дивизии, деньгами в сумме 24 тысяч рублей и личным оружием.

После допроса радист Биганов был привлечен к работе на рации. 8 июня состоялся первый сеанс связи. С целью оправдания долгого невыхода в эфир и выяснения возможностей проведения контрразведывательных мероприятий, была передана следующая радиограмма:

> «22 мая по дороге Холм-Подберезье остановил патруль. Наши документы оказались недействительными, хотели отвести в часть. Патруля застрелили, труп оттащили в сторону. Скрываемся в лесу на севере Подберезье. Срочно сбросьте продукты и новые документы».

Этой легендой объяснялась и невозможность выполнить задание. В полученной 15 июня ответной радиограмме противник сообщил:

> «Направляйтесь в район Порхов-Дно, установите, какая армия действует в этом районе. Сообщите, где будет ваше новое местонахождение, тогда вам поможем».

После получения этой радиограммы было легендировано передвижение агентов в район Порхов и с санкции Генштаба передано несколько малозначительных сообщений о наличии и передвижении войск в этом районе. Одновременно была затребована помощь, на что противник ответил согласием и предложил агентам подобрать площадку для сброски груза или посадки самолета.

В связи с перспективой возможного захвата самолета противника возникла идея усилить заинтересованность немцев к деятельности агентов, которые якобы в лесу наткнулись на

экипаж самолета, сбитого над расположением советских войск. В состав экипажа входили: обер-лейтенант Зигер — командир авиаэскадрильи дальней разведки 1-го воздушного флота, награжденный железными крестами 1 и 2 степени, золотым бокалом чести, золотым рыцарским крестом, золотым и серебряным знаками; летчик-наблюдатель Магер и стрелок-радист Блюм, также имевшие по несколько наград. Осуществление легенды началось передачей 6 августа 1944 года следующей радиограммы:

> «В лесу, находящемся западнее деревни Заклинье, случайно натолкнулись на трех немецких летчиков со сбитого самолета. Летчики оборваны и сильно истощены. По-русски совсем не говорят. Для безопасности обезоружили их и держим около себя. Один из них обер-лейтенант Зигер, ранен в ногу. Объясниться с ним не можем, потому что не говорим по-немецки. Сообщите, что с ними делать?».

Германская разведка заинтересовалась этим сообщением, но отнеслась к нему с недоверием и поэтому приступила к активной проверке. Пользуясь тем, что для передачи радиопрограмм: по радиостанции «Двина» использовались латинские буквы, вражеский разведывательный орган начал посылать радиограммы на немецком языке, адресуя их лично Зигеру:

> «Обер-лейтенанту Зигеру. Двое русских являются германскими агентами-парашютистами с рацией. Сообщите о себе данные, не имеющиеся в солдатской книжке или бортовом журнале. Напишите эти данные латинскими буквами, чтобы радист мог шифровать. Он имеет указание передавать текст нам».

В ответ на немецком языке была отправлена радиограмма:

> «Рад вашему желанию помочь нам. Наведите справки по адресу (сообщался адрес) Галлы Мюллер об обер-лейтенанте, сбитом 16 мая 1944 года в 8.00 на восточном фронте. Братьев моих зовут Гюнтер и Эгон, сестру — Лизелотта. Им 17, 16 и 14 лет. Сведения передаю через ваших агентов. Могу ли я им довериться?
>
> *Ганс Зигер».*

Однако такой ответ не удовлетворил противника, и 12

августа 1944 года он радировал;

> «Нам нужны сведения о школьном периоде вашей жизни. Когда вы познакомились с Галлой Мюллер? Эти данные передайте на своем родном наречии».

Эта радиограмма поставила нас в затруднительное положение, так как Зигер к игре не привлекался, а переводчики не знали наречия той местности, где он родился. Однако выход вскоре был найден. Был устроен ужин, на который пригласили Зигера и членов экипажа самолета. За ужином был затронут вопрос о литературе, искусстве, национальных особенностях немецкого народа, наречиях и диалектах немецкого языка. Якобы заинтересовавшись наречием, на котором говорил Зигер, попросил его написать автобиографию, чтобы увидеть отличие этого наречия от литературного немецкого языка. Зигер охотно согласился. Написанная им автобиография затем использовалась советскими контрразведчиками при составлении ответной радиограммы:

> «Господин полковник, к сожалению, я не могу ответить на моем наречии, так как почти забыл его. В 1932 году мой отец разбился насмерть в результате авиационной катастрофы. После этого мы переехали в Киль, где я поступил в гимназию, которую посещал 8 лет. Со своей невестой я познакомился в 1938 году в Берлине. После того, как она переехала в Киль, мы по-настоящему полюбили друг друга. Я был с ней помолвлен, в июне хотел жениться. Благодарю вас за участие и помощь.
>
> *Ганс Зигер, обер-лейтенант».*

Предполагая, что противник и в дальнейшем будет задавать Зигеру вопросы, на которые может ответить только он сам, было решено привлечь его к участию в радиоигре. Предположение подтвердилось, 4 сентября 1944 года противник прислал радиограмму следующего содержания:

> «Рад, что у вас все в порядке. Все держат большой палец и Папст тоже. Надеемся, что это имя вам знакомо. Горридо зашееного слон».

Зигер расшифровал этот текст следующим образом:

> «Папст — папа римский. В эскадрильи, где он

последнее время служил, прозвищем Папст («Папа Римский») в шутку называли казначея эскадрильи. Фраза «держать большой палец» выражает пожелание успеха. Выражение «горридо зашееного слон» на жаргоне германских летчиков означает восторженное приветствие.».

В ответ передали радиограмму, составленную самим Зигером.

«Очень прошу передать привет нашим друзьям, особенно командиру эскадрильи и Папсту. Пусть Папст сбережет наши деньги. Я желаю «зашее ного слон», чтобы меня не забыли в ближайший вечер в казино. Пусть водка придется им по вкусу и в животах их плещется веселой волной. В качестве старого автомобильного шофера приветствую всех мощным «бе фау араль».

Ваш Зигер, обер-лейтенант».

Такой ответ окончательно развеял сомнения немецких разведчиков, и 11 сентября 1944 года пришла радиограмма:

«Ваш привет я передал. Вы не можете себе представить, какую бурную радость вызвала ваша уверенная радиограмма. Все сердечно вас приветствуют, особенно Папст и командир Эскадрильи, и радуются предстоящей встрече. С «бе фау араль».

Вскоре после этого противник сбросил для агентов и летчиков обмундирование, продовольствие, оружие, деньги, документы, топографические карты, указания о маршруте и легенду перехода всей группы на сторону немцев.

Вариант перехода линии фронта не отвечал основной задаче советской контрразведки, поэтому, чтобы вынудить его на посадку самолета была легендирована болезнь летчика Зигера и невозможность в этой связи передвижения пешком.

После этого от противника поступило указание подготовить посадочную площадку. Однако прежде чем согласиться на посылку самолета, немецкая разведка передала еще несколько запросов, желая удостовериться, что радиограммы действительно составляются обер-лейтенантом. Лишь после того, как проверка была выдержана, противник стал с доверием относиться к радиоигре и пообещал в ближайшие дни прислать самолет.

После сообщения координат посадочной площадки были

получены следующие радиограммы на немецком и русском языках.

Немецкий текст:

> «Дорогой господин Зигер. Наконец вся подготовка настолько созрела, что мы в ближайшие дни сможем стартовать. Я все время находился в пути, чтобы обо всем договориться с воздушным флотом. Биганову все будет передано, чтобы он нам еще сообщил об условиях надпочвенных туманов. В ближайшие дни рассчитывайте на наш прилет и постоянно давайте крайне необходимые сводки нам о погоде».

Русский текст:

> «Мы вместе с летчиками все проверили и место нашли удобным. По мнению летчиков, только роса может затруднить, т. к. по карте окружность места посадки очень болотистая. Заметили ли вы во время ночи росу. Как можно скорее сообщите мне об этом».

После получения нашей ответной радиограммы о том, что роса очень незначительная, противник в течение трех последующих сеансов связи старался подбодрить участников группы, обещая со дня на день прислать самолет, а 6 октября 1944 года совершенно неожиданно радировал:

> «Дорогой господин Зигер! Через одного совершенно надежного агента с хорошими связями в НКВД, разведотдел 3 «Смерш» планирует большую облаву в районе Лауры. Мы советуем немедленно продвигаться по направлению к фронту на юго-запад. Три дня не направлять нам радиограмм, изменить время передач. Биганов все знает».

Анализируя эту радиограмму, мы пришли к выводу, что противник либо действительно что-то узнал о готовившейся нами операции по захвату самолета, что мало вероятно (круг посвященных в дело был очень ограниченным), либо, не располагая возможностью послать самолет, придумал данную версию для оправдания своей беспомощности перед участниками группы, а заодно и узнать их реакцию, чтобы проверить, не работает ли радиоточка под диктовку советской контрразведки. Второе предположение казалось более вероятным, поскольку приближался конец войны. Немцы находились в очень трудном

положении, и им было не до спасения каких-то трех летчиков. Тем не менее, радиоигра продолжалась.

Легендировав в соответствии с полученным указанием передислокацию группы в другой район, мы затребовали немедленную помощь, на что противник 20 ноября сообщил, что, поскольку посылка самолета при данных условиях невозможна, для группы теперь остается «единственная возможность пробиваться к нашим линиям в направлении Тукмуса».

В ходе дальнейшей радиоигры немцы обещали прислать курьера, но обещания не выполнили, а предложили участникам группы напасть на автомашину с целью добыть средства для перехода через линию фронта.

Чтобы окончательно определить отношение к радиоточке, было решено легендировать гибель основного объекта Зигера, считая, что этот вариант будет совершенно неожиданным и исключит всякие подозрения. С этой целью 4 января 1945 года было сообщено:

«Господин шеф, у нас большое несчастье, при нападении на грузовики 29 декабря «Иванов», Зигер и еще один летчик погибли. Второй летчик ранен в правую руку. Мы остались без ничего. Если вы нам не поможете немедленно, мы погибли. Находимся в лесу в районе хутора Семин».

Противник легенде поверил, предложил подобрать место для сброса помощи с самолета, но в связи со стремительным отступлением германской армии в Восточной Пруссии ему было уже не до этого.

Начиная с 10 января радиосвязь ухудшилась, а затем прекратилась совсем.

На основных коммуникациях

25 сентября 1943 года в Сокольском районе Вологодской области с вражеского самолета были сброшены три агента. Все они явились с повинной в ближайший орган советской контрразведки и на допросе показали, что служили в Советской Армии, в разное время попали в плен к фашистам, были завербованы и прошли курс обучения в одной из разведывательных школ. Агенты имели задание организовать наблюдение за воинскими перевозками по железной дороге Вологда — Архангельск и Вологда — Ленинград. Для выполнения этого задания они были снабжены портативной коротковолновой радиостанцией, 30 тысячами рублей и фиктивными документами.

Включив изъятую радиостанцию в игру, советская контрразведка передавала по ней дезинформацию военного характера, сообщая о прохождении различных грузов через Вологодский железнодорожный узел. Чтобы проверить, насколько вражеская разведка доверяет своему корреспонденту, 10 декабря 1943 года была передана радиограмма:

«Сроки нашего пребывания кончились. Запасы истощились. Просим разрешения вернуться обратно».

Противник, заинтересованный в получении сведений о военных перевозках, дал указание продолжать работы и обещал помощь. В его радиограмме говорилось:

«Оставайтесь на месте. Мы пришлем помощь. Сообщите, что прислать и куда сбросить. Место должно быть спокойное, с хорошо заметными ориентирами».

30 декабря на эту радиограмму ответили:

«Место для сброски вещей между деревнями Лоурино, Соколово и Носово, в 20 километрах к западу от железнодорожной станции Стеблево. Ориентиры хорошие: вблизи деревень Лоурино и Соколово — две церкви, в деревне Соколово — две тригонометрические вышки. Место спокойное. Просим прислать питание для рации, т. к. оно на исходе, запасные бланки командировочных удостоверений и продовольственных аттестатов, деньги, зимнее обмундирование, продукты. Когда ждать?».

Выбранное место противник одобрил и дал указание ежедневно сообщать сведения о состоянии погоды. Получив последнюю радиограмму, орган советской контрразведки прекратил передачу сообщений «разведывательного» характера.

27 марта 1944 года самолет сбросил на парашютах два баллона, в которых оказались батареи для рации, 40 тысяч

рублей советских денег, фиктивные документы, обмундирование и продовольствие. После этого радиостанция возобновила передачу военной дезинформации.

В июле 1944 года от имени одного из участников этой группы Георгиева сообщили о вынужденном прекращении работы раций:

«Условия стали очень тяжелыми, материально не обеспечены, много времени уходит на то, чтобы добыть пищу. Обмундирование износилось, новое купить не на что. Сами очень устали, думаем возвращаться. Пришлите документы и средства на дорогу».

Однако и на этот раз агентам не разрешили возвратиться. Они получили радиограмму:

«Примерно 30 июля мы опять сможем прислать помощь в прежних размерах, укажите место сброски».

Как видно, «настойчивое желание» агентов вернуться в разведорган укрепило уверенность фашистов в надежности группы Георгиева, и противник вторично оказал ей помощь.

В октябре 1944 года группе последовало указание обратить особое внимание на движение воинских грузов через Архангельский порт. На это советская контрразведка ответила в разное время 12 радиограммами с военной дезинформацией о перевозках по железной дороге Вологда — Архангельск.

Для дезинформации германского командования о воинских перевозках через Сызранский железнодорожный узел использовалась радиостанция, изъятая у германского шпиона Васильченко, служившего ранее в Красной Армии. Васильченко был завербован германской военной разведкой, будучи в плену, и прошел специальную подготовку в варшавской разведывательной школе. На советскую сторону был заброшен с заданием пробраться в город Сызрань и по фиктивным документам осесть там, выдавая себя за младшего офицера Красной Армии, освобожденного от военной службы по состоянию здоровья, а затем приступить к сбору шпионских сведений.

Германскую разведку интересовало, прежде всего, движение проходящих через Сызрань эшелонов с войсками, боевой техникой и другими воинскими грузами, состояние охраны железнодорожного моста через Волгу, местонахождение промышленных объектов оборонного значения, объем их работ и характер выпускаемой продукции.

Легендировав благополучное прибытие к месту назначения и удачную легализацию Васильченко в Сызрани, советская контрразведка по изъятой у врага рации систематически передавала противнику дезинформацию о воинских перевозках и изредка сообщала отрывочные дезинформационные сведения об

оборонных предприятиях, расположенных в городе. Игра шла нормально, и, судя по радиограммам, Васильченко доверяли. Чтобы исключить всякие подозрения и укрепить доверие к агенту, разведцентр немцев не досаждали просьбами об оказании помощи, так как при отправке Васильченко получил достаточную сумму денег и несколько комплектов запасных батарей для рации. Только по окончании срока годности батарей был поставлен вопрос об их присылке, а также присылке новых фиктивных документов и денег. Это не вызывало у противника никаких подозрений, напротив, он немедленно запросил явочный адрес и пообещал направить курьера со всем необходимым для радиста.

Примерно через месяц на подставленную квартиру — ловушку явился агент-связник германской разведки Максимов, у которого при аресте были изъяты батареи для рации, фиктивные документы и советские деньги. Прибытию Максимова предшествовала радиограмма:

«Человек с документами, батареями вылетел. Пароль — Максимов, Работайте вместе».

Так как после допроса Максимова стало ясно, что использование его в игре в качестве напарника Васильченко может привести к провалу, сообщили, что курьер по указанному адресу не приходил. В один из последующих сеансов связи передали, что радист опасается возможного ареста курьера органами советской контрразведки и считает необходимым перейти на новую квартиру. Противник похвалил агента за осторожность и просил не терять присутствия духа, обещая оказать помощь.

После этого советские контрразведчики почти прекратили передачу «информации» военного характера, объясняя это необходимостью экономно расходовать батареи. Вскоре вражеская разведка прислала нового агента-связника Буценко, который доставил Васильченко запасные батареи, деньги и фиктивные документы. После того, как выяснилось, что Буценко можно использовать в радиоигре, противнику сообщили о «благополучном» прибытии связника. Прибытие второго агента-курьера подтвердило, что германский разведывательный орган доверяет радисту. Эта радиостанция и в дальнейшем успешно использовалась.

25 апреля 1943 года в Салтыковском районе Пензенской области сброшен на парашюте агент-радист Иванихин с заданием собирать шпионские сведения о Пензенском железнодорожном узле.

Учитывая интерес германского командования к этому

железнодорожному узлу, а также поведение Иванихина на следствии, органы советской контрразведки приняли решение об использовании Иванихина в радиоигре. В первых радиограммах было сообщено о прибытии Иванихина в Пензу, легализация его по фиктивным документам и об устройстве на работу в Пензенскую городскую строительную контору.

7 июня радиоцентр предложил агенту дать явочный адрес, по которому прибудет курьер с новыми батареями для радиостанции. Сообщив адрес, орган советской контрразведки, проводивший игру, продолжал передавать военную дезинформацию, не напоминая об обещанной помощи. Одновременно с этим для организации встречи и задержания агента-связника Иванихин был освобожден из-под стражи. После тщательной инструкции в соответствии с разработанной легендой экипирован и поселен на явочной квартире, и устроен на работу в строительную контору.

За явочной квартирой и агентом установили наблюдение. Прошло три месяца, но курьер не появлялся.

20 сентября противнику было послано сообщение об ухудшении материального положения агента и об угрозе потери связи с радиоцентром из-за плохой работы батарей. Чтобы придать этой легенде больше правдоподобности, работу радиостанции вели при умышленно пониженном напряжении. С этого момента под предлогом плохой слышимости радиостанция в двустороннюю связь с противником не вступала и спустя некоторое время прекратила ее совершенно.

Эта комбинация привела к нужным результатам; противник, заинтересованный в дальнейшей работе радиостанции, прислал на подставленную явочную квартиру агента-связника с батареями для рации. Прибывший связник имел задание после вручения батарей, денег и фиктивных документов остаться у Иванихина и помогать ему в сборе шпионских сведений о Пензенском железнодорожном узле. Прибытие агента-курьера и возможность использования его в игре в качестве напарника создали благоприятные условия для продолжения радиоигры,

В мае 1944 года органы советской контрразведки арестовали в Одессе трех агентов германской разведки, имевших задание собирать шпионские сведения о прибывающих в город военных транспортах, переброске войск и военной техники к линии фронта, дислокации штабов и частей Красной Армии, их наименовании и численном составе, о восстановлении и работе одесских предприятий оборонного значения. Агенты были снабжены фиктивными документами, советскими деньгами, портативной радиостанцией и оружием.

Изъятую у агентов радиостанцию включили в игру. 4 июня 1944 года была отправлена радиограмма:

«Устроились хорошо. Приступили к работе».

В дальнейшем в соответствии с общим планом дезинформации противника, утвержденным Ставкой Главного командования передавалась военная «информация» с целью отвлечь внимание германского командования от районов предстоящего наступления нашей Армии на участках 1-го Украинского и Белорусского фронтов. Гитлеровский разведывательный орган оценил «активную работу» своих агентов и прислал радиограмму:

«Поздравляем с успешной работой. Хотим вам помочь. Сообщите, в чем нуждаетесь. Желаем дальнейших успехов».

Противнику передали, что разведчикам необходимы деньги, новые документы и гражданская одежда. Он ответил:

«Все ваши желания будут удовлетворены. Подберите безопасное место для сброски груза».

Однако получение помощи с самолета не входило в планы советской контрразведки. Важно было, чтобы германская разведка прислала курьера. Поэтому ей радировали:

«Из Одессы не выезжаю, окрестностей города не знаю. Указать хорошее место сброски не могу».

Разведывательный орган сообщил, что будут сброшены курьеры, и просил посоветовать, с какой легендой они должны прибыть в Одессу. В ответ была послана следующая радиограмма:

«Курьерам дайте общий документ на всю группу, направляющуюся на фронт или в Одессу. Снабдите различными военными и гражданскими бланками. Документы заготовим на месте в зависимости от обстановки. Меня пусть ищут по известному адресу. Предупредите, когда встречать».

В дальнейшем стали передавать лишь незначительные дезинформационные сведения, оправдывая такое снижение активности работы агентов тем, что напарника-радиста якобы призвали в армию. Однако уже 8 ноября 1944 года последовало

указание:

> «Передавайте ежедневно. Пополнение для вас готово».

28 декабря прибыли два курьера, которые были арестованы на явочной квартире, куда они явились для передачи радисту фиктивных документов, батарей для рации и денег в сумме 585 тысяч рублей. Курьерами оказались бывшие военнослужащие Красной Армии Алебов и Ризаев, перешедшие на сторону врага в первые месяцы войны. Алебов и Ризаев имели задание остаться в Одессе и помогать радисту в сборе шпионских сведений. О прибытии курьера противнику сообщили следующее:

> «24 декабря прибыли Алебов и Ризаев. Документы, деньги, оружие и электропитание получили. Друзей устроили в надежном месте, приступаем к работе. Благодарим за оказанную помощь».

Эта радиостанция использовалась до момента капитуляции фашистской Германии.

Большой интерес представляли радиоигры «Семен» и «Друзья», проводившиеся в г. Горьком.

В первой из них, начатой в мае 1943 года, участвовал человек необыкновенной судьбы, советский разведчик Калабалин Семен Антонович, известный педагог трудновоспитуемых детей. Истинный почитатель и последователь учения А.С. Макаренко, Калабалин был изображен автором «Педагогической поэмы» в образе Карабанова Семена.

С началом Великой Отечественной войны С.А. Калабалин по зову сердца вступил в строй советских разведчиков и был направлен в тыл противника для проведения разведывательной работы. Вскоре по независящим от него причинам он попал в руки противника. Природный ум, находчивость, смелость и волевые качества, присущие этому незаурядному человеку, позволили найти достойный выход из создавшегося положения. Ему удалось поступить в варшавскую разведывательную школу немцев для обучения по программе разведчика-радиста. После ее окончания был сброшен на нашу территорию с задачей пробраться в г. Горький и вести наблюдение за работой железнодорожного узла, а также добывать разведывательную информацию и т. д.

После приземления на родную землю Калабалин сразу же явился в органы госбезопасности, которые не преминули включить приданную ему радиостанцию в игру. Легализация

была проведена в строгом соответствии с полученными от противника инструкциями. Он был прописан в Горьком по полученным от вражеской разведки фиктивным документам на имя Карева, состоял на учете в военкомате как освобожденный от воинской обязанности по болезни и работал в подсобном хозяйстве в поселке Мыза. Встречи работников советской контрразведки с радистом проходили только на конспиративных квартирах.

Первый месяц связь осуществлялась нормально, передавались радиограммы с военной дезинформацией, утвержденные Генеральным штабом. Чтобы проверить, как относится противник к переданной информации, решено было провести мероприятие по вызову курьера. С этой целью решили ухудшить слышимость передач, чтобы у противника создалось впечатление, что произошла разрядка батарей ранее положенного срока. Выходя в эфир, советские контрразведчики заявляли, что ничего не слышат и поэтому работу прекращают, а 8 и 15 июня 1943 года дважды передали вслепую следующую радиограмму:

> «Ваши передачи слышу только при включении двух анодных батарей. Передавать не могу. Буду ждать у приемника 19 июня. Передавайте вслепую».

Этот план оказался удачным. 17 июня 1943 года радиоконтрразведывательная служба НКГБ СССР перехватила и расшифровала следующую радиограмму, посланную в радиоцентр, поддерживавший связь с радиостанцией.

> «Агент разведки 91 будет слушать нас 19 июня. Передавайте медленно, так как батареи агента разведки сели.
>
> *Начальник радиостанции».*

Убедившись в том, что германский разведывательный орган поверил легенде и заинтересован в установлении связи с агентом-радистом, советская контрразведка совершенно прекратила работу радиостанции, предварительно сообщив на «всякий случай» явочный адрес. 11 июля 1943 года по этому адресу явились два агента-связника германской разведки, доставившие радисту батареи для рации, 130 тысяч рублей и фиктивные документы. Оба агента были арестованы.

Вот как это произошло.

Агенты Бирюк и Родин прибыли в Горький 27 июня 1943 года. Они остановились на разных квартирах и приступили к

выполнению задания. Первые три дня, сменяя друг друга, они наблюдали за явочной квартирой, чтобы в случае выхода радиста, которого Бирюк и Родин хорошо знали, взять его под наружное наблюдение. Однако наблюдение не дало положительных результатов, так как радист в это время находился на полевых работах в подсобном хозяйстве в поселке Мыза.

Ничего не добившись наблюдением за явочной квартирой, агенты решили проверить, проживает ли вообще радист по этому адресу. С этой целью агент Родин зашел в один из соседних домов, а Бирюк остался на улице, чтобы наблюдать за дорогой. На вопрос Родина о том, проживает ли здесь гражданин Карев, хозяева ответили, что Карев проживает рядом, но сейчас его нет дома, он находится на полевых работах. Поблагодарив хозяев, Родин ушел. О том, что он узнал, он рассказал Бирюку. Выслушав Родина, Бирюк достал из кармана записную книжку, на последней странице которой чуть заметно простым карандашом была сделана пометка «Мыза п/х».

Однако, несмотря на полное совпадение данных, Бирюк продолжал действовать очень осторожно. Он отверг предложение Родина пойти на явочную квартиру и выяснить все более подробно, а принял решение установить радиста в поселке Мыза и связаться с ним лично. Разыскивать Карева он поручил Родину, а сам остался в своей квартире и на всякий случай принял меры предосторожности. Развитие дальнейших событий С.А. Калабалин изложил в своем рапорте. Вот его изложение.

11 июля в 15 часов в помещение, где я лежал, вошел военный в звании лейтенанта. Обратившись ко мне, он сказал:

— Здорово. Ну, поискал я тебя!

Посмотрев на военного, я тотчас же узнал в нем агента германской разведки Родина. Поздоровались. На его реплику я ответил вопросом:

— А почему долго искал, разве ты не знал моего адреса?

— Да адрес-то знал, то я не один. У меня есть начальник Бирюк, хитрый такой и никому не доверяет. Надо, говорит, найти Карева лично и ни с кем другим не связываться.

— Ах, вот что, — протянул я, — а где же он? Родин ответил, что Бирюк остался в городе в своей квартире по Плотничьему переулку.

Когда мы обедали, я предложил Родину отправиться в город, чтобы связаться с Бирюком. Приехали на мою квартиру. Хозяйке, как было предусмотрено данной мне инструкцией, я сказал условную фразу:

— Достань-ка, Мария Ивановна, водочки и что-нибудь закусить, — давая тем самым понять, чтобы она немедленно

поставила в известность оперативных работников о прибытии «гостей».

У Родина же я спросил:

— У тебя есть деньга?

Родин вынул из кармана 1000 рублей, которые я передал хозяйке.

Умывшись и приведя себя в порядок, мы отправились к Бирюку. Его не оказалось дома, он был в парикмахерской. Родин предложил посидеть на крыльце. Вскоре появился Бирюк. Он прошел мимо нас во двор дома, сделав вид, что не знает нас Мы оставались на своих местах. Через некоторое время Бирюк вышел со двора и пошел по направлению к Кремлю. Мы последовали за ним. Догнав Бирюка, я поздоровался. Он ответил. Остановились. Бирюк предложил пойти к нему на квартиру, но я возразил, мотивируя тем, что хозяйка может оказаться моей знакомой.

— Пойдемте лучше ко мне, — заявил я, — Родин уже был у меня, там готовится выпивка и закуска.

Бирюк согласился. К нашему приходу у хозяйки уже было все готово. Мы сели за стол. Начался разговор. Мне удалось выяснить все вопросы, связанные с моим заданием.

В 22 часа в квартиру под видом работников комендатуры явились сотрудники советской контрразведки, которые, «придравшись» к документам «гостей», обезоружили и задержали их. Операция была закончена.

Радиоигра успешно продолжалась до конца 1944 года, затем из-за передислокации разведцентра противника вглубь Германии радиосвязь пришлось прекратить.

За успешную работу в этом мероприятии С.А. Калабалин по представлению Главного управления контрразведки «Смерш» Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1943 года был награжден орденом Отечественной войны II степени.

После окончания Великой Отечественной войны С.А. Калабалин некоторое время работал начальником учебно-воспитательной части детской колонии МВД в Кутаиси, а затем заведующим детским домом в селе Кимёново Егорьевского района Московской области.

Другая радиоигра в Горьком, условно названная «Друзья», велась от имени советских разведчиков Коцарева Ивана Никифоровича и его напарника Палладия Николая Лукича, выполнявшего роль радиста.

Как и по радиоточке «Семен», от «Друзей» шла военная дезинформация, рекомендованная Генеральным штабом Красной Армии. Обе радиоточки передавали аналогичную информацию, стараясь, в принципе, дублировать сообщения друг друга, с

допуском небольших расхождений в количестве проходивших через железнодорожный узел эшелонов с грузами с тем, чтобы исключить подозрения об их работе под диктовку контрразведки.

В последующем была поставлена задача вызвать агентов-курьеров под предлогом необходимости получения новых батарей для рации. При отправке на задание «Друзья» получили от немцев комплект рабочих батарей и запасное радиопитание. В ходе радиоигры вражескому разведывательному органу о состоянии радиопитания никаких сообщений не передавалось. По истечении двух месяцев рабочие батареи заметно разрядились, и радиосвязь стала осуществляться с большими трудностями. Радиоцентр противника дал ряд технических советов об улучшении слышимости. Орган советской контрразведки, проводивший игру, выполнил все указания, но пользовался теми же батареями.

Последовало еще одно указание: «Смените батареи, слышим вас плохо». В ответ радировали:

> «Пробовал запасные батареи, отклонения не дают. Почему — не знаю, хранились в лесу, были закопаны в землю. Поставил опять старые. Пусть радист внимательно слушает, я вас слышу нормально».

В очередной радиограмме разведывательный орган разъяснил, что запасные батареи от долгого хранения в земле, видимо, разрядились, и приказал агенту сообщить место, куда можно доставить новые батареи.

В сентябре 1943 года на подставленный противнику явочный адрес в Горьком явились и были арестованы два агента-курьера немецкой разведки Гоголев и Гусев, переброшенных на советскую сторону с заданием передать «Друзьям» посылку, а затем возвратиться обратно.

Поскольку возврат курьеров Гоголева и Гусева был сопряжен с опасностью провала радиоигры, то решили вместо них послать Коцарева (в дальнейшем Лукьянов — Д.Т.). И потому во вражеский центр радировали:

> «Не дождавшись курьеров, послал к вам Лукьянова».

Подготовка Лукьянова оказалась довольно сложной и потребовала больших усилий. Дело в том, что он уже 7 месяцев находился в советском тылу и в течение этого времени легендировалась его работа на германскую разведку. Следовательно, при возвращении в разведывательный орган ему предстояло отчитаться за 7 месяцев своего пребывания в советском тылу. Причем этот отчет должен был соответствовать

легендам, проводившимся в ходе радиоигры.

Прежде всего, Лукьянов подробно изучил дневник радиосвязи, то есть запомнил, когда и какие передавались донесения, какие указания были получены, а также подготовился к тому, чтобы дать обоснованный ответ на вопрос об источниках и способах получения «шпионских» сведений, упоминавшихся в радиограммах. После этого Лукьянов ознакомился со всеми объектами, о которых сообщалось в радиограммах (железнодорожными и речными вокзалами, пригородными железнодорожными станциями, предприятиями, театрами и т. д.) и изучил легендированные места работы и хранения рации, пункты наблюдения за железнодорожными линиями, по которым перебрасывались войска и грузы.

Кроме того, Лукьянова познакомили со всеми лицами, которые противнику были известны как связи агентов. Он побывал у них на квартирах, знал, где и кем они работают, что собой представляют, состав их семей и другие подробности.

Затем была разработана легенда о личной жизни агентов в Горьком. В соответствии с этой легендой Лукьянов подробно изучил город, квартиры, где легендировалось проживание агентов, магазины, рынки, наиболее опасные, с точки зрения агента, места, где могут задержать и проверить документы. В целях большей правдоподобности в легенду включили несколько примеров о том, как агентам приходилось искать выход из того или иного затруднительного положения.

Лукьянова готовил и перебрасывал через линию фронта майор Владимир Михайлович Климкин, специализировавшийся на проведении мероприятий по внедрению советских разведчиков в разведорганы противника.

Вот что он отметил в своем рапорте о заключительном этапе операции:

«Сопровождая Лукьянова к линии фронта, я предоставил ему возможность действовать самостоятельно с тем, чтобы он по возвращении в разведорган противника мог доложить обстоятельно и уверенно все то, с чем пришлось ему столкнуться. Моя роль сводилась только к тому, чтобы в случае необходимости давать ему необходимые советы. Переброска через линию фронта была осуществлена на одном из участков действия 16-й армии. Обстановка в месте перехода была спокойной, ничего тревожного замечено не было. Лукьянов чувствовал себя уверенно, был предельно сосредоточен и внимателен. Перед тем, как расстаться, я попросил его еще раз тщательно проверить содержимое карманов и вещей, чтобы исключить возможность какой-либо случайности. Когда все было готово, я сказал: «Ну, дорогой Ваня,

ни пуха, ни пера!». Он улыбнулся и ответил: «К черту!». Мы обнялись и расцеловались.

Под покровом сгущавшейся темноты, изредка освещавшей вспышками осветительных ракет, Лукьянов осторожно, по-пластунски пополз в сторону вражеской позиции и вскоре скрылся из вида. Убедившись, что все закончилось благополучно, я возвратился в отдел контрразведки».

Начались напряженные дни ожидания. Наконец, в адрес радиста последовала радиограмма:

> «Вы награждены за храбрость, поздравляем вас и желаем дальнейших успехов. Ваш напарник приехал. После отдыха направим его к вам с багажом».

В ночь на 1 мая 1944 года немецкий самолет перебросил Лукьянова на территорию СССР. От германской разведки он получил 235 тысяч рублей, фиктивные документы для радиста и чистые бланки документов, батареи для рации, кварцы, радиолампы, топографические карты. Лукьянов должен был продолжать работу вместе с радистом в соответствии с ранее полученным заданием.

О своем пребывании там Лукьянов сообщил следующее:

> «По прибытии мне было приказано составить подробный отчет о моем пребывании в советском тылу. После этого Фурман сказал, что сегодня вечером прибудет шеф-подполковник Херлиц, который вручит мне награду за мою работу по выполнению задания германского командования. В назначенное время в «Штадт-бюро-I». прибыли подполковник Херлиц, зондерфюрер Фурман и обер-лейтенант доктор Радель.

Херлиц приказал унтер-офицеру Курту выстроить всех разведчиков. Перед строем он произнес речь о моей работе в советском тылу, произвел меня в лейтенанты РОА и вручил две медали «За храбрость». После вручения наград была организована вечеринка, на которой присутствовали все разведчики и сотрудники во главе с Фурманом. По окончании вечеринки, прощаясь, Фурман вручил мне 500 немецких марок и сказал, что я буду получать двойной рацион питания.

Офицерское обмундирование для меня сшили в. течение суток. Сделано это было по приказу подполковника Херлица. По его же приказу мне предоставили в общежитии разведчиков отдельную, заново отремонтированную комнату, обставленную хорошей мебелью».

Показания Лукьянова впоследствии были подтверждены другими задержанными агентами германской разведки, находившимися тогда в этом же разведывательном органе.

После возвращения Лукьянова радировали:

> «8 мая был радостный день: прибыл Лукьянов. За посылки очень благодарен. Шлем сердечные приветы».

Таким образом, доверие германской разведки к радиостанции «Друзья» было закреплено, то подтверждалось и тем, что после возвращения Лукьянова разведывательный орган еще дважды посылал на связь к агентам своих курьеров. По этой радиостанции систематически передавалась противнику серьезная дезинформация.

Не менее успешно проходили и другие радиоигры, проводившиеся органами советской контрразведки на основных коммуникациях СССР. Об этом свидетельствует тот факт, что в адрес агентов, от имени которых велись радиопередачи, довольно часто поступали радиограммы с выражением похвалы и пожеланиями успеха, а по их требованиям о помощи противник направлял агентов-курьеров. Так, по радиостанции «Кафедра», проводившейся в Ленинграде, на просьбу агентов прислать новые документы разведывательный орган радировал:

> «Передайте, на какую фамилию готовить документы. Найдите место для сброски с хорошими ориентирами, где спокойно и нет железных дорог и ПВО».

Орган советской контрразведки, проводивший игру, согласия на прием посылки с самолета не дал, мотивируя это тем, что около Ленинграда такого места нет, а выезд из города без документов опасен. Вскоре противник сообщил:

> «Постараемся прислать документы с надежным человеком. Укажите место встречи».

Спустя некоторое время на подставленной явочной квартире были арестованы два агента-курьера. После того, как противнику было сообщено о прибытии курьеров, выражена благодарность за помощь, по рации вновь стала передаваться военная дезинформация. Вражеский разведорган 11 сентября 1944 года радировал:

> «Фюрер и главнокомандующий немецкой армией наградили вас за замечательную работу серебряным

орденом «За отвагу» I класса. Поздравляем с наградой».

Двух курьеров противник направил в Ленинград и по радиоигре «Связисты», которая первоначально велась в другом пункте. Произошло это следующим образом.

13 февраля 1944 года в районе города Тосно была включена в радиоигру рация, изъятая у двух агентов германской военной разведки, получивших задание вести наблюдение за переброской войск Красной Армии и военной техники к линии фронта. Поскольку проведение радиоигры из района Тосно представлялось бесперспективным, было решено легендировать переезд агентов в Ленинград, якобы для изучения обстановки и возможного устройства на жительство. Германский разведывательный орган одобрил это решение агентов, но просил соблюдать максимальную осторожность. Переведя радиостанцию в Ленинград, радировали:

> «Обстановка изучена, имеется полная возможность надежно устроиться и осесть в городе. Необходимы паспорта, свидетельства об освобождении от воинской обязанности или бронь, трудовые книжки, справки любого учреждения или предприятия о возвращении из эвакуации. Документы должны быть оформлены на настоящие фамилии. Перспектива работы хорошая, встретили знакомых, могущих оказаться нам полезными, дальнейшее зависит от вас.
>
> *Ждем указаний».*

По прибытии курьеров, доставивших агентам все необходимое, радиоточка использовалась для передачи военной дезинформации. Оценивая положительно работу агентов, противник в один из сеансов связи сообщил:

> «За хорошую работу и верность начальником штаба фронта вы награждены медалью «За храбрость». Поздравляем вас и желаем дальнейших успехов».

Положительную оценку получила работа и агентов, от имени которых велись радиоигры «Пшеничкин» в Ульяновске, «Михайлов» — под Сталинградом и «Сапожники» — в районе станции Дикая. По каждой из этих радиоигр были вызваны и арестованы агенты-курьеры.

Объект особого внимания

К Московскому железнодорожному узлу, связывавшему советскую столицу со многими районами страны, германская разведка проявляла исключительный интерес. Во время войны через Москву ежедневно проходило большое количество поездов, следовавших к линии фронта и с одного фронта на другой, с частями Красной Армии и различными воинскими грузами. Располагая сведениями обо всем этом, гитлеровцы имели бы возможность разгадывать планы советского военного командования. Поэтому разведывательные органы Германии направляли в Москву хорошо подготовленные агентурные группы и отдельных агентов, снабжая их радиостанциями и крупными денежными суммами. По прибытии в Москву или районы, непосредственно прилегающие к городу, агенты германской разведки должны были легализовываться, а затем приступать к сбору шпионских сведений.

Переброшенные в район Москвы вражеские лазутчики имели указание создавать резидентуры, выискивая для этой цели отдельных антисоветски настроенных граждан среди железнодорожников, имевших непосредственное отношение к воинским перевозкам. Одна из агентурных групп, например, получила задание завербовать крупного специалиста, работавшего в аппарате НКПС. Шпионские сведения, добытые путем личного наблюдения и через железнодорожных служащих, агенты дол лены были регулярно передавать по радио в соответствующие германские радиоцентры.

Перед советской контрразведкой стояла задача — сорвать эти планы гитлеровских лазутчиков. Для выполнения этой задачи органами советской контрразведки было включено в радиоигру семь агентурных радиостанций, изъятых у арестованных агентов германской разведки. Радиостанции, получившие условные названия «Контролеры», «Развод», «Загадка», «Монастырь» и «Дуэт», находились непосредственно в Москве, радиостанция «Борисов» — в Люберцах, «Находка» — в Волоколамске.

Органам советской контрразведки удалось внушить противнику доверие к используемым радиостанциям и добиться положительных результатов.

Так, с помощью радиостанций, действовавших в районе Москвы, было вызвано на подставные квартиры-ловушки и арестовано 18 агентов-связников, у которых изъяли свыше 3 миллионов рублей советских денег, много иностранной валюты (в американских долларах и английских фунтах стерлингов), чек

на 15 тысяч американских долларов и большое количество всевозможных фиктивных документов, печатей и штампов советских учреждений и частей Красной Армии.

Создав у противника впечатление, что заброшенные им агентурные группы ведут активную работу, нашей контрразведке удалось приостановить до некоторой степени дальнейшие заброски шпионов с радиостанциями в район Москвы.

Посланцы «Сатурна»

Генерал-полковник в отставке Г.Ф. Григоренко, который в годы войны был старшим оперативным уполномоченным, вел радиоигру, условно названную «Борисов», на одном из участков грезившегося шефу Абвера операции «Стального кольца» вокруг Москвы.

— Эта радиоигра, — вспоминал Г.Ф. Григоренко, — была начата 9 февраля 1943 года от имени агентов германской разведки Антонова и Нилова, выброшенных с самолета на парашютах в Егорьевском районе Московской области с заданием обосноваться в Люберцах и обеспечить наблюдение за продвижением воинских эшелонов по Московско-Рязанской железной дороге.

В результате оперативно-розыскных действий по сигналу службы ПВО, заметившей маневры вражеского самолета в момент выброски парашютистов, а также проверки заявлений ряда граждан о появлении на железнодорожной станции двух подозрительных лиц, у одного из которых милиционер заметил на коробке папирос «Казбек» штамп ресторана «Белорусь» в г. Минске, агенты вскоре были задержаны советской контрразведкой.

На допросах Антонов и Нилов вели себя откровенно, рассказали, что окончили борисовскую разведывательную школу, подготовлены и направлены в СССР для шпионской работы абверкомандой-103, приданной армейской группе немецких армий «Центр». Связь должны поддерживать с радиоцентром «Сатурн». С учетом полученных далее от агентов подробных показаний, а также реально возникшей перспективы для советской контрразведки взять под контроль данный канал связи вражеской разведки, было принято решение привлечь к работе на рации агента-радиста Нилова. Он первое время содержался во внутренней тюрьме НКВД СССР на облегченном режиме, а затем был поселен на частной квартире, но об этом позже. Для проведения сеансов радиосвязи выезжали за город.

При разработке плана радиоигры исходили из того, что Антонов и Нилов пользовались у гитлеровской разведки определенным доверием, так как являлись жителями оккупированной территории, и их вербовке предшествовала проведенная немцами соответствующая проверка. Поэтому было признано целесообразным наряду с имитацией ведения ими визуального наблюдения за переброской по железной дороге войск и военной техники легендировать наличие у шпионов

способности устанавливать близкие контакты с представлявшими для разведки интерес советскими людьми и осуществлять мероприятия по приобретению агентурных источников информации.

С момента включения станции в радиоигру постоянно проводилась линия на создание у противника видимости проявления со стороны Антонова и Нилова дисциплинированности и старания в выполнении заданий. Во время регулярных сеансов радиосвязи в немецкий разведцентр передавалась дезинформация, по указаниям Генерального штаба Советской Армии.

В целях повышения интереса вражеской разведки к легендированной деятельности Антонова и Нилова в одной из радиограмм было сообщено в радиоцентр, что Нилов близко познакомился с диспетчером подмосковной железнодорожной станции, которого агенты намереваются использовать для добычи разведывательной информации о военных перевозках по Московско-Рязанской железной дороге.

Вместе с тем, по истечении некоторого времени для выяснения отношения к проводимым по радиоигре мероприятиям от имени агентов была направлена немцам просьба прислать батареи для радиостанции и дополнительную сумму денег, необходимых для расширения и поддержания разведывательных связей.

Полученный ответ свидетельствовал о полном доверии гитлеровцев к работе агентов и к переданным ими сведениям.

В радиограмме сообщалось:

> «Вы оба награждены медалями «За храбрость». Известите, где вы живете, чтобы послать вам все, что нужно».

В очередной сеанс радиосвязи одновременно с благодарностью агентов за награду был сообщен явочный адрес в пос. Томилино по ул. Советской.

Одобрив деятельность агентов, германский разведывательный орган предупредил их о необходимости соблюдения осторожности в выборе людей. По этому поводу он радировал:

> «Для вас все подготовлено. Пошлем с верным человеком по указанному адресу. Последние сведения о передвижении транспорта ценные, но вы должны быть осторожны в сношениях с железнодорожниками. Отбирайте только проверенных людей».

Спустя несколько дней, радиоцентр сообщил:

> «Курьер уже в пути. Он привезет все, что вы хотели иметь. Из 300 тысяч рублей 100 тысяч вы должны употребить на вербовку новых лиц из числа железнодорожников. Вы сами знаете, какую это приносит пользу. Курьер — надежный человек».

На другой день после получения этой радиограммы на квартире, где якобы проживали Антонов и Нилов, был арестован агент-связник германской разведки Семенов, окончивший ту же разведывательную школу в г. Борисове.

Семенов был сброшен на территории Тульской области с заданием доставить Антонову и Нилову посылку и возвратиться в разведорган. Однако он принес только личные документы и 43 тысячи рублей. На вопрос, где посылка, Семенов объяснил, что она была сброшена на отдельном парашюте, и он ее не нашел. Впоследствии посылка была найдена, в ней оказались комплект батарей для радиостанции, более 300 тысяч рублей, новое военное обмундирование и продукты.

Решив использовать неудачную выброску Семенова и посылки как предлог для вызова другого курьера, противнику передали следующую радиограмму:

> «Сегодня утром пришел человек, назвался Семеновым. Посылку не принес, потому что не нашел на месте приземления. Беспокоимся, не найдут ли ее жители. Срочно сообщите, как быть».

Германский разведывательный орган ответил:

> «Семенов — надежный человек. Очень жаль, что он не нашел посылку. В посылке ничего компрометирующего вас не было, так что за себя не беспокойтесь. Пусть Семенов отдаст вам бланки (с ними вы сможете оставаться на месте), а также 40 тысяч рублей, которые он имеет при себе. Все остальное, в том числе и деньги, пришлем в следующий раз. Семенов должен сейчас уйти, чтобы перейти линию фронта в районе расположения 33-й армии. Наши солдаты предупреждены».

Тщательно взвесив все обстоятельства сложившейся ситуации, было принято решение показать гибель Семенова при переходе им линии фронта. С этой целью, сообщив противнику,

что Семенов ушел обратно, в мае 1943 года от имени штаба 33 армии Западного фронта командирам частей передней линии обороны была передана открытым текстом следующая радиограмма: «На участке Васильева при задержании оказал вооруженное сопротивление и скрылся в направлении линии фронта неизвестный. Приметы его: среднего роста, лет 28–30, шатен, худощавый, одет в форму военнослужащего Красной Армии, погоны старшего лейтенанта, вооружен наганом. Примите меры к задержанию. Немедленно донесите».

Спустя некоторое время в адрес командования 33 армии радиограммой было сообщено о том, что при попытке перейти линию фронта убит неизвестный, у которого обнаружены документы на имя Семенова: приметы убитого сходятся с приметами, сообщенными в радиограмме штаба 33 армии.

Передачи этих радиограмм о розыске, а затем и об убийстве Семенова были осуществлены в расчете на их перехват исходя из того, что германское командование в то время вело активное наблюдение за работой советских войсковых раций в прифронтовой полосе.

Между тем в ходе последующей радиоигры наряду с передачей военной дезинформации, укрепившей положение Антонова и Нилова у немцев как преданных и успешно работающих агентов, была высказана озабоченность задержкой помощи, отсутствие которой сказывается на эффективности их разведывательной деятельности и может привести к потере радиосвязи с центром. Эта тактика оказалась правильной. В ответных радиограммах противник, стремясь поддержать настроение агентов, в течение двух недель неоднократно заверял их, что помощь готовится, а 22 июня 1943 года сообщил, что курьер находится в пути.

Им оказался Меншиков, который вместе с Антоновым и Ниловым проходил обучение в Борисовской разведшколе, а затем был оставлен там в качестве преподавателя.

Меншиков был сброшен на парашюте в Калужской области. Приземлился он в лесистой местности, где в то время находилась прибывшая с фронта на переформирование одна из воинских частей 11 армии. Это обстоятельство создало ситуацию, повлекшую за собой непредвиденные осложнения для Меншикова и ошибочные действия некоторых должностных лиц. Перед Меншиковым встала непростая задача, как в данной обстановке осуществить свои намерения об явке с повинной в органы советской контрразведки, избежав при этом широкой огласки среди военнослужащих. К счастью, это ему удалось, хотя и пришлось выслушать нелицеприятные высказывания в свой адрес

со стороны отдельных офицеров, которые, находясь под свежим впечатлением фронтовой обстановки, воспринимали Меншикова как человека, перешедшего на сторону врага, не принимая во внимание его явку с повинной и не утруждая себя выяснением обстоятельств, при которых он стал агентом германской разведки.

Недавнее пребывание во фронтовой обстановке оказало влияние и на принятие скоропалительного решения руководством отдела контрразведки «Смерш» 11 армии. Вместо того, чтобы о явке с повинной Меншикова и полученных от него показаниях доложить в Москву, руководители отдела контрразведки, взяв группу автоматчиков, немедленно выехали в Томилино с целью арестовать Антонова и Нилова, к которым шел на связь Меншиков. Хорошо еще, что во время проезда через Люберцы им пришла в голову мысль заехать в горотдел НКГБ, где в связи с ожиданием курьера дежурили оперативные работники Центра. Не трудно себе представить, чем могло бы закончиться их самодеятельное появление на явочной квартире, где находилась засада. Но на этот раз все окончилось благополучно, если не считать того, что руководству отдела «Смерш» 11 армии пришлось, как говорят, стоя на ковре в кабинете начальника Главного управления контрразведки «Смерш», краснеть за свои опрометчивые действия.

В доставленной Меншиковым для Антонова и Нилова посылке оказалось 300 тысяч рублей, батареи для радиостанции, фиктивные документы и два комплекта обмундирования.

На допросе Меншиков вел себя откровенно, сообщил известные ему данные о деятельности германской разведки и назвал многих ее агентов. Показания Меншикова подтверждались показаниями других арестованных агентов.

Добровольная явка Меншикова в органы советской контрразведки и искреннее поведение на следствии послужили основанием предложить ему важное задание Родины — возвратиться обратно под видом агента, выполнившего задание, с целью внедрения в германский разведывательный орган, а также закрепления доверия немцев к радиоточке «Борисов».

Меншиков это предложение принял. Ему возвратили все изъятые у него при задержании документы, деньги, обмундирование и другие вещи и поселили в гостинице, оформив прописку по фиктивным документам, которые были выданы германской разведкой.

Вернули ему и посылку, предназначенную для Антонова и Нилова и поручили передать ее по назначению. Меншикову не сообщили, что радист Нилов используется в радиоигре, а поэтому

дали задание при передаче радисту посылки выяснить ряд интересующих советскую контрразведку сведений о шпионской деятельности Антонова и Нилова. Ему было сказано, что во избежание его провала Антонов и Нилов не будут пока подвергнуты аресту, а только взяты под контроль.

Перед направлением Меншикова на явочную квартиру там был поселен и радист Нилов, в задачу которого входило принять курьера, выяснить, какое задание он получил и что намерен делать дальше.

Комбинация прошла удачно. Как Меншиков, так и Нилов были убеждены, что каждый из них встретился с агентом, действительно работающим на германскую разведку.

Меншикову предложили составить подробный письменный отчет о своем пребывании в советском тылу и выполнении задания так, как он сделал бы это по возвращении в немецкий разведывательный орган.

После внесения соответствующих поправок отчет был одобрен. Меншиков получил подробные инструкции о том, как он должен себя вести в германском разведывательном органе, и в сопровождении оперативного работника был направлен к линии фронта по маршруту, рекомендованному противником. В пути оперативный работник подстраховал Меншикова, чтобы никто его не задержал, а также помогал ему лучше усвоить составленную легенду. Что касается таких вопросов, как приобретение железнодорожных билетов, организация отдыха и т. д., то решать их должен был сам Меншиков.

Переброска Меншикова через линию фронта к противнику прошла успешно благодаря хорошо продуманной, тщательно разработанной легенде. Меншиков был подготовлен таким образом, что ему не нужно было ничего выдумывать или заучивать, а достаточно было рассказать то, что имело место в действительности, опуская лишь факт задержания и перевербовки органами советской контрразведки.

По возвращении к немцам Меншиков обстоятельно доложил о выполнении задания. Его действия получили высокую оценку руководства германского разведоргана, он был назначен старшим преподавателем разведывательной школы. Пользуясь привилегированным положением (в разведоргане), Меншиков в течение длительного времени успешно выполнял задания советской контрразведки.

Таким образом, проведенная операция с возвращением Меншикова в разведывательный орган повысила в глазах противника авторитет радиостанции «Борисов», что дало советской контрразведке возможность и далее с успехом

осуществлять контрразведывательные мероприятия и продвигать гитлеровскому командованию военную информацию.

Операция по приему курьера Меншикова и другие проведенные по делу острые мероприятия требовали непосредственного участия в них по крайней мере одного из двух агентов, от имени которых осуществлялась игра с гитлеровской разведкой. Контроль за поведением Нилова, который привлекался к этим мероприятиям, показал, что он всегда действовал в соответствии с дававшимися ему инструкциями и более того проявлял инициативу в улучшении работы. Это обстоятельство и постоянное общение с Ниловым на протяжении длительного времени дали основание проникнуться к нему доверием.

В связи с этим перед руководством Главного управления контрразведки «Смерш» был поставлен вопрос об освобождении Нилова из-под стражи. Однако начальник Главка отклонил это предложение. При повторном обращении напомнил о случае с Орловым: «Хорошо, пусть будет по-вашему, но учтите, если что-либо подобное, как с Орловым, случится, то все ваши игроки будут сидеть».

Получив, наконец, санкцию на освобождение Нилова из-под стражи, его поселили в городе по документам военнослужащего, полученным от германского разведоргана.

В августе 1943 года в очередной радиограмме было сообщено немцам о том, что Нилов близко познакомился с девушкой, работающей на сортировочной станции Москва-Киевская, от которой уже удалось получить некоторые изложенные в радиограмме сведения.

Данное сообщение было основано на реальном знакомстве Нилова с девушкой после его освобождения из-под стражи. С этим знакомством связано следующее событие, заставившее нас изрядно поволноваться.

В один из дней Нилов не явился в назначенное место для проведения очередного сеанса связи с радиоцентром. Не оказалось его и на квартире. Более того выяснилось, что Нилов накануне дома не ночевал. Из беседы со знакомой Нилова стало известно, что не пришел он и на обусловленную с ней встречу.

Не дали положительных результатов проверки по военным комендатурам, органам милиции и моргам. Среди задержанных и потерпевших от несчастных случаев Нилов не значился.

Начальник отдела, докладывавший руководителю Главка об исчезновении Нилова, возвратился в крайне подавленном состоянии. Тревога охватила всех работников отделения. Рабочий день начинался с вопроса начальника отдела: «Ну как, нашли?», а у него с телефонного звонка начальника Главного управления,

разговор с которым еще больше взвинчивал нервы. После недели бесплодных поисков, было решено объявить Нилова во всесоюзный розыск. Хорошо помню, что в воскресный день у начальника отдела собрались все заинтересованные сотрудники для окончательного решения этого вопроса, а я, продолжая рыскать по местам, указанным в плане действий по розыску, продолжал в поте лица поиски исчезнувшего подопечного.

И счастье, наконец, улыбнулось. Оказалось, что Нилов, идя на вечернее свидание со своей знакомой, на одном из перекрестков был сбит автомашиной. А так как происшествие случилось во время пересменки дежурных по отделению милиции, то в журнал оно не было занесено.

Коль скоро Нилов имел документы военнослужащего, то его сразу отправили в военный госпиталь. Адреса в его записной книжке не было, телефон работника контрразведки был зашифрован, так что администрация госпиталя поставить в известность о случившемся нас не смогла. Сам Нилов позвонить был не в состоянии. Излишне говорить, что я, обрадованный «находке», тут же из госпиталя немедленно позвонил начальнику отдела. Звонок оказался ко времени: во всесоюзный розыск Нилов объявлен еще не был. Травма, к счастью, вскоре позволила продолжить работу.

На сообщение о появившихся у Нилова возможностях для получения разведывательных сведений через свою новую знакомую противник реагировал незамедлительно.

24 августа 1943 года от него последовал следующий ответ;

> «Поддерживайте знакомство с девушкой, работающей на сортировочной станции. Сообщение было бы очень ценным, если бы пришло вовремя».

Проявленный здесь германской разведкой интерес объясняется тем, что через сортировочную станцию Москва-Киевская осуществлялись военные перевозки в юго-западном направлении, где в то время развертывалось успешное наступление нашей Армии. На гитлеровцев один за другим обрушивались все более сильные удары, и германские войска вынуждены были отступать. Несколько позже, когда их отступление по существу превратилось в бегство, разведывательный орган радировал:

В дальнейшем, преследуя цель вызвать нового агента-курьера, было решено легендировать перед германской разведкой тяжелую болезнь, а затем смерть Нилова. Одновременно сообщили о намерении Антонова осуществить вербовку сменщика диспетчера подмосковной железнодорожной станции и просили

предусмотреть присылку необходимых для этого денег.

В ответ в разное время были получены две радиограммы:

> «Начальник нашего штаба фронта посмертно наградил Нилова золотой медалью «За храбрость». Мы вполне согласны с вашим предложением использовать для получения сведений сменщика диспетчера. Сообщите, сколько денег вам понадобится, чтобы с ним договориться».

К тому времени появились более веские причины для вызова нового курьера, связанные с изменениями в оформлении личных документов военнослужащих Красной Армии, о чем гитлеровцы не могли не знать.

Поэтому не стали настаивать на высылке денег и на последнюю радиограмму дали неопределенный ответ: «Сколько потребуется денег, чтобы договориться со сменщиком диспетчера, сказать затрудняюсь. По его поведению видно, что деньги он любит, но конкретно разговора с ним я еще не вел, продолжаю изучать».

Используя введение изменений в оформлении личных документов военнослужащих, в германский разведорган было послано следующее сообщение:

> «Срочная. Господину доктору. Случайно узнал, что введены какие-то изменения в документах военнослужащих. На гражданский вариант перейти не могу из-за непригодности документов. Намерен проживать нелегально у знакомой Нилова. Прошу немедленно изготовить новые документы с учетом введенных изменений».

В ответ противник радировал:

> «Предлагаем вам следующее. На старом месте сбросим документы, необходимые для перехода линии фронта под Ковелем. Спрячьте рацию у ваших знакомых. Приедете, отдохнете и с новым напарником отправитесь на работу. Отвечайте немедленно, принимаете ли вы наше предложение».

> «Не падайте духом, не страшитесь мимолетных неудач. Наши операции идут по плану, если даже мы и отдаем территорию. Привет».

Полученное сообщение было использовано как предлог для того, чтобы продемонстрировать преданность Антонова и Нилова немцам. В ответ была послана радиограмма:

> «Господин доктор! Ваша последняя радиограмма нас обидела. Неужели вы думаете, что после 15-месячной работы с вами на нас могли повлиять теперешние успехи Красной Армии? Нам отступать поздно. Что бы ни случилось, работать будем до конца».

В подтверждение заверения радиостанция регулярно выходила в эфир, в германский разведорган постоянно передавалась дезинформация, в том числе целевая, в обеспечение осуществлявшихся советскими войсками на фронте крупных операций. На некоторые из этих сообщений противник делал свои замечания:

> «Ваши сведения хорошие, но в них недостает номеров воинских частей».

> «Старайтесь узнавать, с какой целью и в какие пункты следуют эшелоны с войсками».

> «Благодарим за сведения». С диспетчером встречайтесь чаще, чтобы данные не запаздывали».

До февраля 1944 года продолжался обмен радиограммами с радиоцентром. Затем инсценировали ухудшение слышимости в связи с разрежением батарей и запросили от противника необходимую помощь. Вскоре из разведоргана был получен ответ:

> «Помощь готовится. Сбросим с самолета. Подыщите подходящее место, но не ближе чем в 100 км от Москвы». Такое место нашли. В ночь на 10 марта 1944 года были в указанном районе сброшены два металлических баллона с батареями для радиостанции, 230 тысяч рублей, фиктивные документы гражданского и военного образца, гражданское платье и военное обмундирование.

В дальнейшем, преследуя цель вызвать нового агента-курьера, было решено легендировать перед германской разведкой тяжелую болезнь, а затем смерть Нилова. Одновременно сообщили о намерении Антонова осуществить вербовку сменщика диспетчера подмосковной железнодорожной станции и просили предусмотреть присылку необходимых для этого денег.

В ответ в разное время были получены две радиограммы:

«Начальник нашего штаба фронта посмертно наградил Нилова золотой медалью «За храбрость». Мы вполне согласны с вашим предложением использовать для получения сведений сменщика диспетчера. Сообщите, сколько денег вам понадобится, чтобы с ним договориться».

К тому времени появились более веские причины для вызова нового курьера, связанные с изменениями в оформлении личных документов военнослужащих Красной Армии, о чем гитлеровцы не могли не знать.

Поэтому не стали настаивать на высылке денег и на последнюю радиограмму дали неопределенный ответ: «Сколько потребуется денег, чтобы договориться со сменщиком диспетчера, сказать затрудняюсь. По его поведению видно, что деньги он любит, но конкретно разговора с ним я еще не вел, продолжаю изучать».

Используя введение изменений в оформлении личных документов военнослужащих, в германский разведорган было послано следующее сообщение:

«Срочная. Господину доктору. Случайно узнал, что введены какие-то изменения в документах военнослужащих. На гражданский вариант перейти не могу из-за непригодности документов. Намерен проживать нелегально у знакомой Нилова. Прошу немедленно изготовить новые документы с учетом введенных изменений».

В ответ противник радировал:

«Предлагаем вам следующее. На старом месте сбросим документы, необходимые для перехода линии фронта под Ковелем. Спрячьте рацию у ваших знакомых. Приедете, отдохнете и с новым напарником отправитесь на работу. Отвечайте немедленно, принимаете ли вы наше предложение».

Надо сказать, Антонов до легендированной смерти Нилова в проводившихся по радиоигре мероприятиях непосредственно участия не принимал, и вопрос о его возвращении в германский разведорган не рассматривался. Посему на предложение противника ответили:

«Господин доктор! Очень благодарен вам за внимание ко мне, но ради отдыха бросать дело и рисковать при переходе линии фронта не стоит. Будет лучше, если напарник, о котором вы сообщаете, приедет

ко мне, привезет документы и останется для помощи. С воздуха на старом месте принимать опасно — там остались баллоны. Искать новое место трудно: идут полевые работы, везде много народу».

Согласившись с разумностью этих доводов, разведорган сообщил, что им готовится особо доверенный курьер, который доставит нужные документы, и просил указать место встречи или адрес.

Таким образом, возник вопрос о необходимости задействования Антонова во встрече курьера. Это вызывалось ухищрениями противника, который для определения, не работают ли радисты под диктовку органов советской контрразведки, стал практиковать передачу им через курьеров различных условностей или направлять не одного, а двух курьеров.

В последнем случае один курьер шел на встречу с радистом, а второй — контролировал обстановку.

С учетом этого Антонов был соответствующим образом экипирован и переведен из тюрьмы на явочную квартиру, в которой поместили также группу оперработников для осуществления задержания курьера. Планом операции предусматривалось также участие в ней хозяйки квартиры и наблюдение в районе дома.

Разумеется, все участники операции и особенно Антонов были тщательно проинструктированы.

Для того, чтобы проверить, насколько правильно будет действовать Антонов, на явочную квартиру под видом прибывшего курьера был послан оперативный работник. Антонов вел себя в соответствии с данными ему указаниями, но заметно волновался. Объяснив Антонову, что это была репетиция, дали ему дополнительный инструктаж. 28 августа 1944 года пришла радиограмма: «Друг» выехал. Желаем вам обоим успеха».

2 сентября 1944 года в 8 часов вечера к калитке дома подошел неизвестный, одет в форму военнослужащего Красной Армии и имел при себе вещевой мешок, чемодан и автомат ППШ. Неизвестный некоторое время постоял, затем нерешительно открыл калитку и направился к дому. На звонок вышла хозяйка квартиры и по его просьбе привела в комнату Антонова.

В неизвестном Антонов сразу же узнал обучавшегося вместе с ним в разведывательной школе Матвеева, который отличался рабской преданностью гитлеровцам и был известен как провокатор. Вначале Матвеев держался настороженно, от положенного им на стол автомата не отходил. Позже, когда

Матвеев успокоился, по предложению Антонова автомат, посылка и вещи курьера были убраны в шкаф.

Во время полуторачасовой беседы Антонов выяснил у Матвеева все интересовавшие советских контрразведчиков вопросы. Сведения, сообщенные курьером, оказались исключительно важными с точки зрения предохранения игры от провала. В частности, было выяснено, что для зашифровки последующих радиограмм противник дал новую ключевую фразу: «Работа — не волк, в лес не убежит», а в конце каждой радиограммы Антонов должен был обязательно ставить группу из пяти букв, двух произвольных и трех, являющихся позывными рации. Отсутствие этой условности свидетельствовало бы о том, что работа Антоновым ведется под принуждением. Закончив выяснение вопросов, Антонов предложил Матвееву перекусить, предварительно умывшись в соседней комнате. Находившимися там в засаде оперработниками Матвеев был задержан.

На допросе Матвеев показал, что в октябре 1941 года он попал в плен к гитлеровцам, служил полицейским в лагерях для военнопленных, добровольно вступил в так называемую «Русскую освободительную армию» (РОА), затем был завербован германской разведкой. При обыске у Матвеева были изъяты фиктивные документы, письмо и 50 тысяч рублей, предназначенные для вручения Антонову. В письме сотрудник германской разведки капитан Фурман, давая Антонову указания о том, как пользоваться фиктивными документами, писал:

> «О ваших наградах и повышениях командир передаст вам по радио. Если вы не решаетесь ехать в отпуск, то я вышлю хорошего напарника для совместной работы. С приветом от всех».

О прибытии Матвеева сообщили в разведцентр и от его имени просили разрешения на обратном пути при возвращении в разведорган заехать к семье. Согласие было получено. Таким образом, Матвеева удалось вывести из игры.

Спустя некоторое время, германский разведорган предложил Антонову перебазироваться в Вильно, чтобы вести наблюдение за движением воинских эшелонов на Запад. 25 сентября 1944 года установили радиосвязь из Вильно и сообщили о благополучном прибытии Матвеева в назначенное место, одновременно передав дезинформационные данные, якобы собранные агентом в пути. Чтобы вынудить немецкую разведку поторопиться с выброской напарника, через несколько дней в разведцентр была передана следующая радиограмма:

«Господин доктор! Ходить часто для связи с вами в город будет подозрительно. Знакомства завести пока не удается, русских здесь очень мало, а с литовцами трудно объясняться из-за незнания языка. Наблюдать за дорогой могу только несколько часов, работать одному тяжело. Прошу срочно прислать помощника, желательно литовца, а также деньги, продовольствие и питание для рации.

Привет».

Вызовом напарника, по национальности литовца, советской контрразведкой преследовалась цель направить радиоигру на выявление националистического подполья, оставленного немцами в городе Вильно при отступлении.

В ответ последовало указание:

«Мы не хотим, чтобы вы подвергались опасности. Поэтому для наблюдения за железной дорогой Вильно — Гродно уходите в лес, 90 км юго-западнее Вильно. У нас имеется человек, который знает эту местность. Ищите место, скоро пришлем напарника и необходимый груз».

В свете этого указания легендировали, что Антонов переместился в один из районов Гродненской области, откуда 14 октября 1944 года по радиостанции сообщили противнику координаты места сброски напарника и груза. В ночь на 25 октября над площадкой, где были зажжены сигнальные костры, появился самолет, от которого отделился парашютист. При приземлении он был сразу арестован. Им оказался агент германской разведки Климович.

Он был одет в форму офицера Красной Армии, вооружен автоматом ППШ, имел при себе 50 тысяч рублей денег, письмо, фиктивные документы для себя и для Антонова. На отдельном парашюте немцы сбросили батареи для радиостанции, два комплекта зимнего обмундирования, запас продуктов на 15 дней и другие предметы первой необходимости. С Климовичем разведорган прислал Антонову письмо, в котором сообщалось:

«Надеемся, что посылаемый помощник окажет вам хорошую поддержку в работе. Это очень надежный человек, доказавший преданность нашему общему делу… Местность, где вы находитесь, ему хорошо знакома, в некоторых местах ему даже нельзя появляться. При встрече он вам все расскажет. С

приветом.

Ваш лейтенант».

На допросе Климович показал, что с первых дней оккупации Гродненской области состоял на службе у гитлеровцев, выполнял различные задания германских спецслужб.

Вскоре после прибытия Климовича возникла обстановка, требовавшая воздержаний от передачи противнику дезинформации о воинских перевозках на участке железной дороги Вильно — Гродно. В связи с этим перед противником легендировали болезнь Антонова и сократили количество радиопередач.

Отсутствие систематической «информации» от Антонова вынудило противника направить к нему помощника для организации регулярной связи. Германский разведывательный орган сообщил:

«Для налаживания бесперебойной работы послали вам в помощь радиста. Он находится в лесу в двух с половиной — трех километрах южнее деревни Берестовицы и столько же западнее реки Котры. Связи с ним нет, по-видимому, испортилась рация. Пошлите к нему вашего друга. Наш радист одет в форму военнослужащего Красной Армии с погонами лейтенанта связи. С его помощью обеспечьте ежедневные донесения».

Радиста разыскать не удалось, о чем противнику послали следующую радиограмму:

«Друг вернулся с поисков. Искал 4 дня, все напрасно, никаких следов. Почему сбросили без предупреждения? Я чувствую себя по-прежнему плохо, нельзя выходить на улицу, боюсь скова свалиться. Все сообщения передавайте вслепую, я попробую слушать в квартире.

Привет».

После этого по радиостанции в эфир не выходили, а только принимали радиограммы разведцентра. Противник, продолжая вызывать Антонова вплоть до капитуляции Германии, работу прекратил.

В ходе радиоигры «Борисов» удалось создать у германской разведки видимость обеспечения успешной работы ее агентуры на стратегически важном направлении, вызвать и арестовать несколько агентов-курьеров, длительное время питать противника военной дезинформацией, внедриться, что очень важно, в германский разведорган и взять под контроль его

деятельность…

Не менее успешно прошла и другая радиоигра, условно названная «Находка». Радиостанция, с помощью которой проводилась эта игра, вначале находилась в районе Волоколамска, а затем в пригороде Москвы.

Радиопередачи велись от имени агентов германской разведки, заброшенных в наш тыл на самолете. Группа имела задание временно остановиться на жительство у родителей агента Костылева, проживавших в Волоколамском районе Московской области, а затем обосноваться в городе Волоколамске и собирать шпионские сведения военного характера:

— о дислокации воинских частей в районе Волоколамска, их наименовании и численности, вооружении и политико-моральном состоянии личного состава;

— о характере и масштабе воинских перевозок по железной дороге и шоссе;

— о всех новых приказах и распоряжениях секретного характера.

Агентам также вменялось в обязанность во времени каждого сеанса связи передавать в зашифрованном виде метеосводки с помощью имевшейся у них специальной таблицы. Агенты были экипированы в форму командиров Красной Армии, снабжены фиктивными документами военного образца, револьверами системы «Наган», портативной радиостанцией и имели 110 тысяч рублей.

Радиосвязь была установлена на третий день после выброски агентов. Сообщалось, что приземление прошло удачно. Чтобы не вводить в игру родителей Костылева, в двух других радиограммах сообщили, что агенты не смогли у них остановиться (причины не указывались), а обосновались в Волоколамске. После этого стала регулярно передаваться утвержденная Генеральным штабом Красной Армии дезинформация о воинских перевозках по железной дороге Москва — Ржев. Через месяц была получена следующая радиограмма:

> «Вы награждены медалями «За храбрость». Надеемся, что в дальнейшем вы проявите еще большую храбрость и верность нашему общему делу».

С целью проверки, действительно ли радиоточка пользуется у противника доверием, решили вызвать агента-связника. В немецкий радиоцентр направили радиограмму с просьбой прислать новые документы. Вскоре был получен ответ:

> «Готовим для вас новые документы. Если вы

согласны, сбросим все, что нужно, с самолета в указанном вами месте. Если для вас лучше, можем прислать курьера. Сообщите, когда и куда он должен прибыть».

Чтобы не вызвать у противника подозрений категорическим отказом от более безопасного способа доставки документов (сброска с самолета), ему сначала сообщили, что способ доставки будет указан после осмотра окружающей местности, а спустя неделю, радировали:

«Подходящую площадку не нашли. В лесу ведутся лесозаготовки. Согласны на присылку курьера, только, чтобы он не провалил нас. Наш адрес… Ждем».

Противник ответил:

«Все готово. С завтрашнего дня слушайте нас в послеобеденное время, чтобы мы могли сообщить вам, когда ожидать курьера. Тогда же передадим распоряжение о курьере».

Встречу курьера поручили радисту Махову, которого после соответствующей подготовки и инструктажа поселили на явочной квартире. 15 мая 1943 года противник сообщил, что курьер уже в пути, В радиограмме указывалось, что, вручив посылку, курьер сразу же должен вернуться обратно. В тот же день утром на явочную квартиру пришел неизвестный в форме офицера Красной Армии, Убедившись, что перед ним действительно Махов, пришедший заявил, что по поручению германской разведки он привез Махову посылку в двух вещевых мешках, которые находятся у его напарника, остановившегося в одном из домов около железнодорожной станции. Прежде чем пойти за посылкой, Махов предложил курьеру написать текст радиограммы:

«Добрался благополучно. Посылку передал. Все в порядке. Привет доктору.

Антонов».

После этого агент-связник и радист Махов направились в пристанционный поселок, где в одном из домов встретились с вторым агентом-связником. На обратном пути все трое были задержаны оперативными работниками, выдавшими себя за комендантский патруль. При обыске у агентов-связников изъяли предназначенные для передачи группе «Находка» бланки

фиктивных документов военного образца, батареи для радиостанции и 150 тысяч рублей. Агенты-связники оказались бывшими военнослужащими Красной Армии, попавшими в плен к гитлеровцам и завербованными германской разведкой.

Во время проведения очередного сеанса связи противнику передали радиограмму о благополучном прибытии курьеров, составленную Антоновым перед его задержанием, а от имени агентов-радистов сообщили о получении посылки и отъезде курьеров из Волоколамска.

Таким образом, результат комбинации по вызову агентов-связников показал, что противник радиостанции верит.

Так как оба курьера являлись ярыми врагами Советской власти, о привлечении их к работе и переброске обратно не могло быть и речи. Необходимо было вывести их из игры. С этой целью 28 апреля немецкому разведывательному органу от имени радиста передали радиограмму следующего содержания:

> «Вернулся Антонов, просит передать: в указанном месте переходить линию фронта не решился, на дорогах и в деревнях усиленные патрули. Где, каким образом удобнее пройти? Ждем указаний».

Легенда преследовала цель оттянуть время до истечения срока действия документов, полученных агентами-связниками специально для возвращения через линию фронта по намеченному маршруту, В ответной радиограмме был повторен ранее данный курьерам маршрут перехода через линию фронта и приказ немедленно возвращаться, так как срок выданных им документов уже истекал.

После этого противнику сообщили, что курьеры вновь отправились в путь, и будут следовать по указанному маршруту, несмотря ни на какие трудности. Таким образом, предполагалась ответственность за провал курьеров переложить на германский разведывательный орган. Это соображение оправдалось. Вскоре противник, оберегая радиостанцию от провала, дал указание агентам переменить место работы.

В течение некоторого времени был передан ряд радиограмм с дезинформацией о прохождении грузов по железной дороге из Москвы в сторону Волоколамска и обратно, а 20 июня 1943 года агенты затребовали новые документы и деньги.

В ответ им радировали:

> «Курьера прислать не можем. Там, где высаживался Антонов, срочно найдите удобное место для сброски приготовленного багажа. Ждем точных указаний.

Привет».

Так как получение посылки советскую контрразведку не удовлетворяло, было решено заставить немцев, изменить намерение и послать курьера. Сделано, это было так. Противнику сообщили, что площадка подобрана, и агенты ждут прибытия самолета. Договорившись с агентами о сигналах, обозначающих место сброски груза, германский разведывательный орган 4 июля 1943 года послал в назначенный район самолет, который прошел недалеко от указанного места. Сброска груза не состоялась, так как костры умышленно зажжены не были. На следующий день противник радировал:

> «Самолет у вас был. Почему не было сигналов? Слушайте ежедневно в 17 часов, пока не получите посылку».

В ответ орган советской контрразведки сообщил, что самолет действительно был слышен, но прошел где-то в стороне от назначенного места, и, видимо, сигналов не заметил. Одновременно, ссылаясь на то, что костры ежедневно жечь опасно, потребовали указать точную дату сброски. Когда в ночь на 11 июля 1943 года самолет вторично появился над условленным местом, костры также разложены не были. Каких-либо объяснений по этому поводу не давалось, так как самолет прибыл на место без предупреждений. 16 июля неприятель послал самолет в третий раз, но из-за отсутствия костров сброска опять не состоялась. На следующий день пришла радиограмма:

«Ночью летали. Почему нет сигналов? Так мы никогда не договоримся. Сбросим пакет, когда позволит погода. Слушайте ежедневно, когда дадим КГТ, то в эту же ночь сброска от 24 часов до часа ночи. Без больших костров найти нельзя».

В четвертый раз немецкий самолет появился в условленном месте 26 июля, но сброска по те же причинам не состоялась и на этот раз. Чтобы оправдать отсутствие костров во время полетов самолета, сообщили, что рядом с местом предполагаемой сброски груза пасся табун лошадей.

Проверив таким образом отношение к радиостанции и убедившись в стремлении немцев оказать агентам помощь, решили добиться вызова курьера. С этой целью 2 августа 1943 года была дана радиограмма, в которой говорилось, что агенты поссорились с радистом и ушли в деревню к родителям, а радист перебрался в Красногорск к знакомой. В ответной радиограмме противник советовал радисту не падать духом и обещал в ближайшее время прислать надежного человека со всем

необходимым.

Вскоре советской контрразведке удалось арестовать явившегося на подставленную квартиру в Красногорске агента-связника, доставившего радисту питание для рации, 100 тысяч рублей и различные фиктивные документы.

Радиоигра продолжалась до декабря 1944 года, систематически передавалась военная дезинформация, а на последнем этапе легендировались трудности в связи с заменой в Красной Армии воинских документов. Противник продолжал доверять агентам, о чем свидетельствовала полученная в ноябре 1943 года радиограмма о вторичном награждении их медалями «За храбрость» и присылка в декабре 1944 года нового курьера с документами и деньгами.

Дублеры

В целях получения более обширной и объективной информации о работе Московского железнодорожного узла, а также страховки от возможного захвата посланцев «Сатурна» органами советской контрразведки гитлеровцы направляют в Москву еще трех агентов с задачей создания двух самостоятельных радиоточек.

Оба радиста оказались жителями столицы, попавшими в плен к немцам во время пребывания в действующей армии. На сотрудничество с вражеской разведкой согласились для того, чтобы любой ценой вырваться из рук противника. После приземления на родную землю они сразу же явились с повинной в органы госбезопасности и дали подробные и правдивые показания.

Так возникли в Москве еще две радиоигры, условно названные «Контролеры» и «Развод». Первая радиоигра велась от имени радиста Ускова и его напарника, а вторая от радиста-одиночки Москвичева.

В течение первых двух месяцев по радиостанции «Контролеры» передавалась дезинформация о движении грузов по железным дорогам северного направления, а 2 октября 1943 года было сообщено, что агенты нуждаются в дополнительных бланках документов. Так как с момента отправки агентов прошло очень мало времени, сообщение-требование вызвало у немцев законное сомнение. Последовал запрос:

«Почему не пользуетесь бланками, взятыми с собой. Израсходовать все бланки вы не могли. Помните, что посылка курьера связана с риском для вас».

Такой вопрос не был неожиданностью для советских контрразведчиков, которые заранее составили ответ с учетом имевшихся у агентов документов и чистых бланков.

> «Срочная. Господину капитану. Мы получили по 6 бланков отпускных и 5 бланков командировочных удостоверений. По трем бланкам, заполненным при отъезде, мы прожили до 6 сентября, остальные заполнили сами, как нас учили, через 15 дней. Срок последнего бланка, заполненного 11 октября, кончается 26 октября. Командировочный бланк остался един на двоих. Шесть бланков использовали для выходов на вокзалы, три испортили, других документов нет, сами достать не можем. Выручайте. Ждем. Привет».

Противник ответил:

> «Предлагаем два варианта: найдите подходящее место для приема багажа или пришлите напарника, которого перебросим к вам с пакетом. Срочно сообщите ваше мнение».

Со вторым вариантом согласиться было нельзя, поскольку напарник радиста не внушал доверия. Поэтому орган советской контрразведки согласился принять помощь с самолета и указал место сброски в районе станции Александров Ярославской железной дороги. Воспользовавшись тем, что в этот период стояла нелетная погода и улучшения ее в ближайшее время не предвиделось, вражескому разведывательному органу сообщили, что агент может ждать самолет не больше 10 дней, так как у него кончается срок действия документов и позднее указанного времени возвратиться в Москву он не сможет, все эти действия преследовали цель заставить направить на советскую сторону агента-связника.

3 ноября 1943 года была получена радиограмма: «Сегодня ночью в 1 час 30 минут ждите самолет.

Сигналы должны быть заметными».

4 ноября, несмотря на облачную погоду, в условленном районе появился немецкий самолет, но из-за отсутствия костров сбросить груз не смог.

В последующие дни погода, как и предполагалось, не улучшилась, и противнику сообщили, что радист возвращается в Москву, где будет ждать помощи по указанному ранее адресу. Германский разведывательный орган продолжал настаивать на подборе места сброски где-нибудь в районе западнее Москвы. Но ему ответили, что это невозможно, так как у агентов нет документов, и они находятся на нелегальном положении, скрываясь у знакомых. В конце концов, немцы вынуждены были послать на явочный адрес двух агентов-связников, которые и были там арестованы.

Поблагодарив разведорган за помощь, агенты вновь приступили к «активной разведывательной работе», передавая рекомендованные Генеральным штабом данные о работе Московского железнодорожного узла.

Так продолжалось до начала 1944 года, а затем снова запросили батареи к рации, деньги и документы. 19 января 1944 года была получена радиограмма: «У нас есть надежный человек, который согласен привезти вам багаж и после короткого пребывания вернуться через линию фронта назад. Укажите адрес».

В Останкино противнику была предоставлена явочная квартира из двух комнат, кухни и темных сеней, занимавшая весь нижний этаж небольшого двухэтажного домика. В ней проживала только хозяйка. Днем она работала на заводе, а вечером уходила к знакомым. Вражескому разведывательному органу заранее сообщили, что радист проживает там нелегально.

Участвовавший в радиоигре Усков, проявивший себя положительно в работе, был действительно поселен на такой квартире и проинструктирован о поведении на случай прихода курьера с тем, чтобы обеспечить задержание и выяснение всех нужных вопросов.

Прошло 16 дней, а на квартиру никто не являлся.

Радиосвязь ввиду резких изменений погоды стала нерегулярной, и поэтому было трудно выяснить, послан курьер или нет. Наконец, 26 февраля 1944 года контрольный пост советской радиоконтрразведывательной службы, наблюдавший за радиоцентром немецкой разведки, перехватил радиограмму, переданную вслепую в адрес агента-радиста. В ней говорилось, что высланы два курьера, которые придут на явочную квартиру 27 февраля.

В связи с получением такого сообщения, ночью было решено послать на квартиру двух работников нашей контрразведки для контроля за обстановкой, а рано утром следующего дня организовать за квартирой внешнее наблюдение силами оперативной группы захвата.

Наступило утро 27 февраля. К калитке дома подошли два военнослужащих с набитыми до отказа мешками, у одного из них был автомат «ППШ».

Узнав в них знакомых по борисовской разведывательной школе агентов германской разведки Муркина и Гусева, радист вышел на крыльцо и жестом руки пригласил их зайти в дом.

Агенты вошли в сени.

— Давайте сюда, — сказал радист и показал на дверь комнаты, в которой должны было произойти задержание агентов.

Агенты переступили порог… и тут же были сбиты с ног работниками контрразведки. Последовала команда:

«Не двигаться!»

— Обыскать и связать, — распорядился старший по званию майор.

— Что, попали в дом для некурящих? — огрызнулся агент в форме старшины, когда из кармана его брюк вытащили пистолет.

— Не рассуждать, — сказал майор. — Володя, что ты стоишь, тащи веревки, — обратился он к радисту. Затем приказал: — А теперь наблюдайте за дорогой и обо всем подозрительном

немедленно докладывайте. Мы с капитаном будем здесь.

Когда радист вышел, майор, обращаясь к лежавшим на полу со связанными руками агентам, спросил:

— Ну, ребята, признайтесь честно, сколько привели энкавэдэшников?

— Кого, кого? — переспросил Гусев.

— Энкавэдэшников. Разве не слышишь или притворяешься, или не понимаешь, — строго сказал майор.

— Каких энкавэдэшников? — изумился Гусев.

— Энкавэдэшников, которые работают в НКВД, — пояснил майор.

— А вы-то кто будете? — спросил Гусев и продолжал, — скажите, в конце концов, куда мы попали, к своим или чужим?

Майор ответил: — Если вы пришли без «хвоста», то попали к своим, а если окажется «хвост», то пеняйте на себя, путь для вас один. — И майор похлопал по кобуре.

— Даем вам слово, что мы никого не привели, — заявил Гусев.

— Ладно, ладно, потом разберемся, — проговорил майор.

Наше дело такое, что на слово доверяться нельзя, — поддержал капитан и продолжал, — а если выяснится, что все нормально, то скажем спасибо и угостим как следует. Водки-то привезли?

Да, привезли, три литра, — ответил Муркин, до сих пор молчавший.

Обстановка немного разрядилась. Агенты заметно успокоились. Майор разрешил им подняться, сесть и предложил закурить.

Вскоре в комнату вошел радист Усков. Обращаясь к майору, он доложил:

— Пока все спокойно, ничего подозрительного не замечено.

— Хорошо, — ответил майор, — продолжайте наблюдение.

А тут же спросил: — Володя, ты их знаешь? Они правильно себя называют?

— Да, — подтвердил радист.

Ну, хорошо, идите и наблюдайте за дорогой, только внимательно.

— Напрасно, майор, волнуетесь, — заметил Гусев, — мы вам сказали честно, что все нормально.

— Ну, ладно, вы меня не учите, — сказал майор. — Я больше вас поработал в тылу «противника» и знаю, что надо делать. От того, что лишний час побудешь в таком положении, от тебя не убудет, а незначительный промах может провалить всю организацию. Расскажи-ка лучше, что нового в школе и как дела

на фронтах?

Агенты, поверив, что попали к «своим», которые только из-за предосторожности держат их связанными, разоткровенничались и начали отвечать на все вопросы.

Убедившись, что агенты успокоились, майор приказал капитану снять «наблюдение». К этому моменту прибыли другие сотрудники группы захвата. Когда все собрались, агентам развязали руки. Майор предложил им сесть и, подозвав радиста и капитана, заявил:

— Вам, друзья, сегодня надо сообщить разведоргану, что курьеры прибыли и завтра уйдут обратно. Поэтому присядьте и набросайте с Гусевым, что и как надо сообщить.

Как только текст радиограммы был готов, майор якобы в целях предосторожности предложил курьерам переехать на другую квартиру. Курьеры согласились. Выйдя из квартиры, они сели в автомашину, которая доставила их в тюрьму.

Операция по захвату шпионов была закончена. Остается только добавить, что исполнителями этой акции, кроме радиста Ускова, были автор этих строк, тогда майор, начальник отделения по радиоиграм и капитан Лебедев И.П. — пом. начальника отделения.

Сообщив противнику о полученной помощи и уходе курьеров «обратно», радиоточка вплоть до конца 1944 года вела передачу военной дезинформации. Однако к декабрю 1944 года в связи с передислокацией радиоцентра гитлеровской разведки вглубь Германии, радиосвязь с группой «Контролеры» заметно ухудшилась, и противник предложил радисту Ускову и его напарнику выехать из Москвы в Литву для того, чтобы вести наблюдение за движением воинских эшелонов по железной дороге на участке Вильнюс — Каунас. Одновременно он поручил агентам подобрать место для выброски груза в новом районе. Согласившись с этим предложением, наша контрразведка решила попытаться путем вывода из игры напарника радиста вызвать другого агента.

Было передано:

> «Нахожусь в Минске. Третий день ожидаю напарника, он отстал в Смоленске от поезда: ушел на рынок и, видимо, опоздал к отходу поезда. Плохо, что командировочные удостоверения и все чистые бланки находятся у меня. Очень за него беспокоюсь».

На эту радиограмму получили такой ответ:

> «Если напарника до сих пор нет, значит, с ним что-

то случилось. Немедленно выпишите себе новые командировочные. Направляйтесь в Каунас; на станции Ландварово, находящейся в 15 километрах западнее Вильнюса, сойдите и идите в лес. В этом лесу, южнее деревни Боллигопы, ожидайте нового напарника».

Однако выполнить данное обещание разведывательный орган противника не смог из-за ухудшившейся радиосвязи, которая вследствие приближения капитуляции фашистской Германии была прекращена совсем.

Действовавшая в столице радиоточка, условно названная «Развод», первоначально также использовалась для передачи дезинформации о работе Московского железнодорожного узла. А затем в целях проверки, доверяет ли вражеская разведка агенту-радисту Москвичеву, было принято решение попытаться вызвать в качестве напарника для него преданного противнику агента.

16 декабря 1943 года к немцам ушла радиограмма:

«Господин капитан, вы были правы. Обстановка показала, что мне нужен напарник, одному работать трудно. Направьте Гурова Михаила, который не выговаривает букву «Р». Раньше он был согласен со мной ехать. Парень надежный, знает город и имеет связи». Радиоцентр первоначально ответил:

«Напарник согласился и готовится к отъезду. Привет.

Капитан».

А спустя несколько дней сообщил:

«С напарником встретитесь при входе в метро между Октябрьским и Северным вокзалами. Ждите его там ежедневно с 9 до 11 часов и с 19 до 21 часа по московскому времени 4 дня подряд. О дне сообщим дополнительно. Привет.

Капитан».

Возник вопрос, как использовать Москвичева: дать ли ему возможность действительно встретиться с Гуровым или ограничиться его присутствием под соответствующей охраной только для опознания Гурова? В связи с тем, что Москвичев явился в органы советской контрразведки с повинной и в радиоигре зарекомендовал себя с положительной стороны, решили действовать по первому варианту.

Началась подготовка. Москвичев был экипирован в форму офицера Красной Армии, снабжен полученными им от своего разведоргана фиктивными документами, орденами, медалями, личными вещами и после соответствующего инструктажа 9 января 1944 года направлен на квартиру к своей матери. Появление «фронтовика», да к тому же такого, который согласно официальному уведомлению «пропал без вести», естественно, вызвало живой интерес среди соседей и знакомых. Вечером того же дня в квартире состоялось целое собрание. Проявление такого интереса было заранее предусмотрено. Москвичом получил соответствующие инструкции, и поэтому его ответы не вызвали ни у кого подозрений. Вскоре он полностью легализовался, прописался на жительство и вел себя в соответствии с указаниями, полученными от сотрудников советской контрразведки.

28 марта 1944 года он получил радиограмму:

> «Начиная с 29 марта встречайте друга три дня подряд в условленном месте. Привет.
>
> *Капитан».*

Утром 29 марта, за 30 минут до назначенного срока, посты наблюдения заняли свои места. Через 15 минут они отметили появление радиста Москвичева, остановившегося у входа в метро. Но ожидание было напрасным. Время, отведенное на встречу, прошло, а курьер не появлялся. То же самое повторилось вечером 29, утром и вечером 30 и 31 марта. Оставался еще один вечер 31 марта, даже не вечер, а только два часа — с 19 до 21 часа по московскому времени. Посты наблюдения вновь заняли свои места. Вскоре появился Москвичев. Прошло полчаса, еще полчаса, а к Москвичеву, как и в предыдущие дни, никто не подходил. Стрелки часов показывали 19 часов 45 минут, когда к Москвичеву подошел человек в форме офицера Красной Армии с погонами старшего лейтенанта. В течение трех минут они о чем-то разговаривали. Наконец, Москвичев подал сигнал, означавший, что подошедший человек — Гуров.

Спустя несколько минут, Москвичев и старший лейтенант пошли в направлении Садового кольца. Подходя к своему дому, Москвичев, обращаясь к Гурову, предупредил;

— Будь осторожен, не проговорись: тут никто «не знает, что я работаю на германскую разведку, все думают, что я действительно капитан Красной Армии и жду назначения.

— Ну что ты, разве я маленький или лыком шит, — ответил Гуров.

— Ты ведь знаешь, что я тоже стреляный воробей. Осторожность для нас — это главное.

Матери Москвичев представил Гурова как товарища по фронту.

Мать радиста пригласила их к столу. Когда они остались одни, Москвичев, предварительно убедив Гурова, что они в полной безопасности, приступил к выяснению необходимых вопросов.

Он подробно расспрашивал Гурова, как тот мыслит организовать работу, кого из своих московских знакомых думает привлечь, где намерен остановиться на жительство, какие указания получил по организации работы, какие ему дали поручения. Гуров рассказал также о всех новостях в разведывательной школе: кто из агентов отправлен в тыл Красной Армии, куда, с каким заданием, что слышно об их работе, кто вернулся с задания. Оставался не выясненным только один вопрос: какой знак Гуров получил для сообщения о благополучной встрече с радистом. Чтобы выяснить это, Москвичев спросил:

— Ну, Миша, завтра, пожалуй, надо сообщить Фурману, что у нас все благополучно. А то он, наверное, тоже волнуется. Как ты думаешь?

— Да, правильно, — ответил Гуров, — Фурман меня просил, чтобы не позднее 2 апреля мы ему обязательно радировали. А где ты работаешь на рации? — осведомился он у Москвичева.

— В лесу, больше нигде. Тяжеловато и неудобно, но ничего не поделаешь. Давай завтра съездим туда вместе, посмотришь, как я устроился. Кстати, ты-то не выучился? — спросил Москвичев.

— Нет, не выучился, хотя Фурман и предлагал.

— Жаль, — заметил Москвичев, — ну, а что мы сообщим в радиограмме?

Напарник вынул из кармана записную книжку и, подумав немного, написал:

«С напарником встретился 31 марта вечером. Все благополучно. Он доставил деньги и документы, чемодан потерял, два дня искал, не нашел — густой лес На поиски думаем выехать оба. Шлем привет. ГММ».

Прочитав радиограмму, Москвичев спросил:

— А что значит ГММ?

— Это мой пароль, — ответил Гуров, — Фурман сказал, что, если все будет нормально, то в конце радиограммы я должен обязательно поставить три буквы, обозначающие мои инициалы.

— Что же, выходит Фурман мне не доверяет? — обидчиво

спросил Москвичев.

— Нет, дело не в этом, — возразил напарник. — Просто необходима предосторожность, потому что в нашем деле всякое бывает. Могло, например, случиться так, что из-за меня арестовали бы и тебя. Рация попала бы в руки советской контрразведки, которая могла бы заставить тебя работать. Для того и дается пароль, чтобы наши могли знать, самостоятельно мы работаем или нет. Так что ты обязательно включи эти буквы, иначе Фурман подумает, что мы провалились, — закончил напарник.

На другой день, убедившись, что ничего принципиально нового напарник сообщить уже не может, Москвичев под тем предлогом, что у него оставаться опасно, назначил Гурову 2 апреля в 12 часов встречу у Большого театра. Проводив напарника за ворота, он подошел к стоявшей во дворе грузовой автомашине и сказал сидевшему там оперативному работнику, что напарник ему больше не нужен.

После этого решено было Гурова арестовать. 1 апреля, в 19 часов в углу Петровки и Колобовского переулка Гурова остановил капитан с красной повязкой на рукаве:

— Товарищ старший лейтенант! Комендантский патруль. Предъявите документы.

Рядом с капитаном стояли два сержанта, вооруженные автоматами. «Придравшись» к документам, капитан приказал автоматчикам доставить старшего лейтенанта в комендатуру. Тут же «нашлась» и дежурная машина. В комендатуре при обыске у задержанного обнаружили два комплекта документов на разные фамилии и большое количество чистых бланков. Задержанный был доставлен в органы советской контрразведки.

После этого работа радиоточки продолжалась в прежнем плане, и вражеская разведка, судя по ответным радиограммам, была довольна действиями агентов. Тем не менее, наша контрразведка решила, что этого недостаточно. И в июне 1944 года была направлена следующая радиограмма:

> «Обсудили с напарником наше положение, предлагаем следующий план. Для работы на рации нам необходимо постоянное место за городом, для этого надо купить дачу, на которой будут жить наши люди — мужчина и женщина пожилого возраста с гражданскими документами об их нетрудоспособности, а под видом дочери — специалист-радист. Сам я буду жить в городе, как инвалид войны, а для маскировки открою слесарную мастерскую: таких мастерских в Москве очень много. С

помощью заказчиков буду собирать сведения и передавать Гурову, а Гуров — на дачу радистке. Сообщите ваше мнение».

После нескольких уточняющих вопросов противник с предложенным ему планом согласился. Но 5 сентября 1944 года неожиданно для советских контрразведчиков радировал:

«Просим Гурова сообщить нам время, когда он вместе с Радловым и Бишофом сидел в тюрьме».

Гуров в то время был уже осужден и следовал к месту отбытия наказания на Дальний Восток. Так как никто, кроме него на этот вопрос ответить не мог, пришлось срочно его разыскивать. В тот же день установили, что эшелон, в котором находился Гуров, за несколько часов до получения радиограммы вышел из Читы. Гуров был немедленно снят с эшелона и доставлен в отдел контрразведки Забайкальского военного округа, где его тщательно допросили. На основании полученных данных была составлена и отправлена следующая радиограмма:

«Гуров передает, что вместе с Радловым он сидел в тюрьме с декабря 1942 года до середины I943 года, а с Бишофом — с февраля по март 1943 года, точных чисел не помнит. Зачем вам эти данные? Связь и так плохая, примите скорее меры к созданию безопасных условий для дальнейшей работы. Присылайте немедленно деньги и батареи.

Привет».

Очевидно, это была проверка радиста. Уверенный ответ Гурова, должно быть, убедил немцев, что у агентов все нормально, и вскоре в их адрес поступила депеша:

«Сообщите, где вас могут найти два курьера, которых мы намерены прислать с документами и батареями для рации. По какой фамилии они должны вас спрашивать? На запрос была направлена радиограмма с соответствующими данными.

В ноябре 1944 года на квартиру-ловушку противник прислал двух агентов, у которых при аресте были изъяты 300 тысяч рублей, большое количество фиктивных документов, батареи для радиостанции и письмо от небезызвестного уже Фурмана. В письме говорилось:

«С хорошо проверенными людьми посылаю вам кое-

какие вещи, в частности, документы, деньги и прочее. Надеюсь, что все присланное облегчит вашу работу. Радистка к вам приехать не может, так как она в другом месте, а подходящего заместителя нет, поэтому вы этот вопрос должны решить сами. Вербовку старайтесь развернуть широко, но вербуйте нужных людей, которые не были бы вам и нам в тягость. За вашу прошлую работу, которая оказалась очень полезной, выражаю признательность от имени высших органов. Подробности сообщу по радио. Старайтесь во что бы то ни стало расширить круг знакомых».

Эта радиоигра продолжалась вплоть до капитуляции Германии.

Эмиссары имперской безопасности

К Московскому железнодорожному узлу проявлял повышенный интерес не только Абвер, но и соперничавший с ним орган — ведомство Шелленберга, являвшегося начальником 6-го управления Главного управления имперской безопасности фашистской Германии.

Так, в ночь с 20 на 21 июня 1943 года в районе Егорьевска Московской области были сброшены на парашютах агенты германской разведки Северов и Жилин, которые сразу же после приземления явились в органы советской контрразведки.

Северов оказался советским гражданином, внедренным по заданию органов госбезопасности в фашистскую разведку, а Жилин — немецким кадровым разведчиком с довоенным стажем практической шпионской работы, завербованным Северовым для работы на советскую разведку во время их совместного пребывания в разведывательной школе «Цеппелин-Норд».

Желая быстрейшего направления в Союз, Северов и Жилин заявили руководству разведоргана немцев о возможности вербовки родственника Северова, занимавшего якобы ответственный пост в НКПС. Их план был одобрен высшей инстанцией гитлеровской разведки, и обоих агентов вызвали в Берлин. Там они прошли специальную подготовку, а затем были переброшены на самолете в район Москвы.

Северов и Жилин подробно рассказали о всех особенностях и структуре известных им органов германской разведки и СД (служба безопасности), доставили 18 фотографий официальных сотрудников и агентов германской разведки, 9 оттисков печатей и штампов, используемых фашистской разведкой, образцы подписей руководящих работников разведки, а также сообщили данные о 130 агентах, подготовляемых гитлеровцами для заброски и уже частично заброшенных на советскую территорию.

От германской разведки они получили задание: осесть в Москве, разыскать и завербовать ответственного работника НКПС Л. и через него собрать подробные данные о железнодорожном транспорте Советского Союза. Кроме того, они должны были информировать о политическом и экономическом положении в СССР, о состоянии московских промышленных предприятий, о выпускаемой ими продукции и т. д. Разведчики были снабжены портативной коротковолновой рацией, действовавшей от переменного тока электросети и ручной динамо-машины, советскими деньгами в сумме 100 тысяч рублей, фиктивными документами военного и гражданского образца, десятью

пистолетами различных систем и патронами к ним, географическими картами районов Москвы и другим снаряжением. Срок их пребывания на советской территории ограничивался полутора — двумя месяцами, после чего они должны были вернуться через линию фронта, предварительно согласовав этот вопрос по радио с отделом ЦЕТ-6 в Берлине.

Учитывая особый интерес фашистов к Московскому железнодорожному узлу, было решено начать радиоигру, которой дали условное наименование «Загадка».

Перед советской контрразведкой стояли две задачи: дезинформация противника и вызов на советскую сторону наиболее опытных фашистских агентов. В качестве радиста в игре использовался Жилин, В первой радиограмме было сообщено, что агентам удалось устроиться в Москве, но что Л., которого намечали завербовать, переведен на работу в Тбилиси. В связи с этим было высказано предположение о целесообразности поездки разведчиков в Грузию для привлечения к разведывательной работе Л., а, возможно, и его московских связей в НКПС. Противник согласился на поездку Северова в Грузию, а Жилину предложил оставаться на месте. По возвращении Северова из Тбилиси в Москву фашистам доложили о результатах его «поездки».

«С. вернулся из Тбилиси. Л. не верит в победу Германии, но убежден в изменениях в России под влиянием союзников после войны, поэтому С. отрекомендовался как представитель разведки союзников. Л. согласился работать на союзников с условием гарантии свободного проживания за границей после войны или в случае опасности и получения денег в устойчивой валюте (долларах). Л. очень озлоблен переводом в Тбилиси. Через свои связи добивается возвращения в Москву. Убежден, что это удастся. Нам нужны доллары, советские деньги, документы, запасные лампы для рации. Сообщите, когда ждать посылку, а мы укажем удобный адрес».

В ответ на это противник 24 октября 1943 года радировал;

> «Нужные вам вещи пришлем в ближайшую неделю. Укажите точно, какие документы и куда сбросить. Просим сообщить подробные сведения о положении в Москве и Тбилиси».

Спустя некоторое время противнику ответили, что необходима срочная помощь, так как «заболел» Жилин, а Северову трудно работать одному, кроме того, в Москву приехал Л., который подтвердил свое согласие работать на союзников, а поэтому ему нужно прислать американский паспорт.

Сначала немецкая разведка дважды пыталась сбросить посылку на парашюте, но плохая погода помешала осуществлению ее намерений. Наконец, 29 февраля 1944 года гитлеровцы сообщили:

> «Посылка прибудет с Гаммером. Точное время сообщим».

31 марта самолет сбросил в условленном месте сотрудника СД Гаммера, который и был там арестован. Немецкие разведчики прислали с Гаммером радиостанцию, оружие, чистые бланки фиктивных документов, штампы и печати, военную и гражданскую одежду, 500 тысяч рублей и 5 тысяч долларов, предназначенных для осуществления вербовки. Но американского паспорта не обнаружили. Выяснили, что Гаммер получил указание работать под руководством Жилина и Северова. Американский паспорт для Л. не выслан, потому что подделку паспорта легко обнаружить, так как фотография на нем прикрепляется механическим способом и должен иметься отпечаток пальца, но при необходимости Л. вышлют английский паспорт или вывезут его из Советского Союза на самолете.

После уведомления о благополучном прибытии Гам-мера и получения посылки немецкой разведке сообщили о состоявшейся «вербовке» Л.

> «С Л. о работе договорились. Вербовал Северов от имени американцев. Вручил Л. 5 тысяч долларов и 20 тысяч рублей. На его вопрос о документах ответил, что паспорт он получит при необходимости бегства из СССР. Вначале Л. отнесся к этому с большим недоверием, но доллары и рубли сделали свое дело».

24 апреля 1944 года немецкая разведка сообщила о своем намерении вывезти на самолете за линию фронта Жилина для доклада о работе и попросила найти хорошую посадочную площадку. Перед советской контрразведкой встала задача, как и каким образом провести операцию по захвату самолета.

В районе Егорьевска была найдена и оборудована площадка, а немецкому разведоргану сообщены ее координаты. Однако он стал затягивать практическое осуществление своих намерений и перешел на пассивный радиообмен, оставляя ряд вопросов агентов без ответа. Чтобы вынудить фашистскую разведку ускорить посылку самолета, была легендирована реальная возможность получения серьезных шпионских материалов о планах советского командования, имеющих стратегическое

значение. Для выполнения намеченных мероприятий по захвату самолета 15 июля 1944 года была передана следующая радиограмма:

> «У Л. есть план воинских перевозок на июль, август, сентябрь, по которому можно определить направление потока военных грузов, их характер и размеры, основные перевозки войск и т. д. После долгих разговоров Л. согласился, чтобы мы в его присутствии сфотографировали эти материалы, но с условием вручения ему 15 тысяч долларов наличными и чека на 15 тысяч долларов в один из американских банков. План у Л. будет находиться до 19 июля, 20-го утром он должен возвратить его руководству, и больше такой возможности может не представиться. Л. сказал, что по этому плану уже сейчас полным ходом идут работы. Немедленно пришлите нам доллары, чек, фотоаппарат для фотографирования документов, химикалии, пленки, тогда план будет в наших руках. Сбрасывайте там же, где сбросили Гаммера. Сообщите время и сигналы. Ждем вашего решения. Слушаем вас в 19 часов».

Как и следовало ожидать, это сообщение заинтересовало. В тот же день пришел ответ:

> «Все затребованное было сегодня заказано в Берлине. Мы крайне заинтересованы».

А в ночь с 19 на 20 июля 1944 года был сброшен на парашюте связник Закорлюк, которого сразу же после приземления задержали. Закорлюк получил задание доставить разведчикам посылку, после чего выехать в Ярославль для выполнения другого поручения. В посылке оказались: 50 тысяч рублей, затребованный чек на 15 тысяч долларов, 5 тысяч фунтов стерлингов, чистые бланки фиктивных документов, фотоаппарат и письмо для агентов.

Подтвердив получение посылки, противнику сообщили, что материал сфотографирован, и проба при проявлении дала положительный результат. Одновременно запросили, как поступить с человеком, доставившим посылку. Разведывательный орган дал указание отпустить его для выполнения другого задания.

В ночь с 14 на 15 августа 1944 года немецкие разведчики посадили свой самолет на площадку в районе Егорьевска, чтобы вывезти агента Жилина и добытые им фотокопии документов.

Планируя захват самолета, руководивший операцией заместитель начальника Главного управления «Смерш» приказал устроить траншеи-ловушки по типу тех, которые были применены в Калмыкии при захвате четырехмоторного Ю-290 (об этом будет рассказано дальше — Д.Т.). Расчет был на то, что самолет, застряв колесами в траншее, не сможет взлететь. Но на сей раз операция не удалась. Благодаря специальному устройству шасси, самолет благополучно проскочил по траншеям, а затем, усмотрев опасность, тут же взлетел и ушел на Запад.

Поэтому, чтобы рассеять возникшие у фашистов подозрения, легендировалось бегство агентов из Москвы по маршруту Рязань — Ряжск, Мичуринск — Воронеж.

17 августа 1944 года из Рязани было передано: «Находимся в Рязани. После приземления самолета мы услышали крики и были обстреляны. Самолет, вместо того, чтобы поддержать нас огнем, продолжал освещать прожектором. Потом пустил ракету, дал две очереди и улетел. Мы не думали, что из-за нескольких выстрелов нас бросят. Почему не было автоматчиков? Мы же просили их взять. Предполагаем, что нас могли выследить во время долгого ожидания самолета. Гаммср пропал. Возможно, захвачен. Я легко ранен в руку. Динамо-машину, одежду, погоны, газеты, литературу, личные вещи бросили. Уходим на юг, так как боимся оставаться близко от Москвы. Из-за отсутствия динамо-машины вынуждены работать в городах, что без надежных документов крайне опасно. Постараемся доставить фотодокументы сами, хотя бы для того, чтобы доказать их ценность. Просим прислать бланки красноармейских книжек, справки о нахождении в госпитале после ранения или контузии и направлении в запасной полк, требования для поездок по железной дороге, продовольственные аттестаты, красноармейское обмундирование, несколько аккуратно вскрытых русских индивидуальных пакетов и клей для упаковки материалов. Намереваемся проникнуть в части и перейти фронт. Ответ ждем в 17 часов или в крайнем случае завтра в десять часов, так как долго оставаться здесь не можем. Вместе с позывными сообщите, есть ли радиограммы, тогда вступим в связь. Измените позывные, частоту волн и время. Шифруйте радиограммы нашим запасным шифром. Мы тоже будем шифровать. Прилетел ли самолет и нет ли жертв среди экипажа?».

21 августа 1944 года установили связь из Ряжска. От него была получена следующая радиограмма:

«Признательны за осторожность и наблюдательность. Хотим сбросить документы, деньги,

рацию, продукты. Какие документы? Что еще? Назовите место сброски».

Позднее немцы подтвердили свое намерение забрать агентов и 30 августа 1944 года сообщили:

«Есть два варианта: или мы вам сначала окажем помощь или сразу же заберем, без оказания помощи. В любом случае вы должны попытаться всеми средствами продвинуться вперед, то есть пройти приблизительно 250 км к северо-западу, иначе мы не сможем вам помочь. Для посадки самолета наиболее удобный район — от Орла до Смоленска. Подыщите площадку, размеры те же. Если потребуется немедленная помощь, выбирайте место сброски, но не восточнее Орла. Привет».

12 сентября 1944 года была получена посылка, содержащая около 100 тысяч рублей, фиктивные документы, радиостанцию, оружие, патроны, гранаты, обмундирование, продукты питания и другие вещи. Было ясно, что германская разведка продолжает доверять агентам.

Воспользовавшись тем, что последняя посылка была сброшена в стороне от условленного места, гитлеровцам сообщили, что она не найдена. И получили ответ, что сбросят другую посылку, и предложил выехать для этого в Брянск. Однако из-за нелетной погоды сброска снова затянулась. Только с 3 на 4 февраля 1945 года немцам удалось осуществить задуманное и с самолета в районе Смоленска сбросить 5 тюков. 3 них оказалось около 95 тысяч рублей, оружие, фиктивные документы, две радиостанции и продукты питания. Одновременно с этим агенты получили приказ направиться в Москву и ждать указаний по дальнейшей работе. Однако указания поступили только 7 апреля 1945 года и сводились в основном к требованиям передавать сведения военно-разведывательного характера и, в первую очередь, о подготовке новых наступательных операций Советской Армии. Вскоре радиоцентр противника, видимо, в связи с приближающимся окончанием войны прекратил свою работу, и радиоигра «Загадка» была закончена.

«Дуэт» из Брайтенфурта

Вскоре после того, как Советская Армия сорвала расчеты гитлеровцев на успех блицкрига, и война приняла затяжной характер, политическое руководство фашистской Германии во главе с фюрером и его Генеральный штаб предъявили серьезные претензии к руководству своих разведывательных служб, обвинив их в неспособности дать объективную информацию о вооруженных силах и военно-промышленном потенциале Советского Союза. Шеф Абвера — адмирал Канарис заверил Гитлера в том, что положение с добычей достоверной информации о военно-промышленном потенциале СССР, особенно в районах Урала, Сибири и Средней Азии, имеющих стратегическое значение, в самое ближайшее время будет коренным образом изменено.

При этом Канарис, видимо, возлагал большие надежны на созданную Абвером разведывательную школу в Брайтенфурте (близ Вены), специализировавшуюся на подготовке шпионских кадров, главным образом для районов Урала, Сибири и Средней Азии, куда были эвакуированы основные оборонные предприятия из западных районов Советского Союза, и где успешно работала созданная за годы Советской власти тяжелая промышленность. Гитлеровцев интересовали все отрасли промышленности и в первую очередь авиационные, танковые и артиллерийские заводы.

К агентуре, направляемой для сбора шпионских сведений об оборонной промышленности, германская разведка предъявляла особые требования. Так, каждый агент должен был свободно разбираться в технических вопросах.

Поэтому кандидатов для учебы в Брайтенфуртской школе вербовали преимущественно из числа военнопленных, имевших специальное образование и работавших ранее на предприятиях оборонной промышленности в качестве инженеров и техников или служивших в специальных частях Красной Армии.

Обещание фюреру заставило Канариса форсировать подготовку «брайтенфуртцев», и осенью 1942 года выпускники этой школы были включены в строй действующих шпионских резидентур…

В ночь на 27 сентября 1942 года в районе деревни Долшнино Рязанской области были сброшены два первых выпускника Брайтенфуртской школы Кедров и Сагайдачный, снабженные двумя коротковолновыми агентурными рациями, деньгами в сумме 200 тысяч рублей, личным оружием и фиктивными

документами на собственные имена гражданского образца с указанием в них об освобождении от военной службы по состоянию здоровья. Они имели задание:

— создать базу для разведывательной работы в г. Уральске или Сарапуле с предварительным заездом Кедрова в Москву для сбора сведений о работе авиапромышленности;

— установить заводы авиационной промышленности и предприятия, связанные с выпуском самолетов, выяснить типы самолетов и авиамоторов, создаваемых этими предприятиями;

— собирать сведения о формировании и дислокации частей Советской Армии и аэродромов, о передвижении воинских грузов по железным и шоссейным дорогам;

— выяснять количество и типы вооружения, прибывающего из США и Англии;

— выявлять политико-моральное состояние частей Советской Армии и населения.

Благополучно приземлившись, Кедров и Сагайдачный добровольно явились в управление НКВД Рязанской области и были доставлены в Москву. В процессе работы с ними выяснилось, что они, будучи патриотами Родины, согласились на сотрудничество с вражеской разведкой исключительно из побуждений как можно быстрее возвратиться на родную землю и принять участие в борьбе народа против фашистов нашествия.

В ответной радиограмме от 7 июля 1943 года сообщалось:

«Стремлюсь послать вам нужные вещи. На это потребуется не меньше месяца. Нуждается ли Кедров также в документах или же только вы? Какой город предвидите? Как думаете насчет возвращения к нам?»

Выяснив таким образом, что немцы не имеют возможности немедленно прислать курьеров, было легендировано, что медкомиссия признала разведчиков годными к военной службе, и их мобилизовали в армию. Сагайдачный выехал в г. Чкалов и определен в училище зенитной артиллерии, а Кедров остался в Уральске, перейдя на казарменное положение.

В отправленной радиограмме Кедров попросил прислать радистку, которую он мог бы надежно укрыть. Не желая подвергать агентов риску, говорилось в ответ, послать в настоящее время радиста нет возможности.

Убедившись, что дальнейшую радиоигру из Уральска проводить бесполезно, 2 августа 1944 года от имени Кедрова противнику радировали:

«Меня, как специалиста по авиации, направляют в Москву в распоряжение НКАП, дальнейшее неизвестно. Выезжаю на днях. Если будет возможность, радиостанцию захвачу с собой или

перешлю Сагайдачному в Чкалов. Удастся ли установить связь, утверждать не могу. Все будет зависеть от обстановки. На всякий случай прошу меня вызывать. Очень сожалею, что не прислали радиста. Все было бы нормально».

31 октября 1944 года, снова установив связь с радиоцентром противника из Москвы, Кедров сообщил о надежном устройстве в столице и приобретении связей среди работников авиационной промышленности. Одновременно с этим, с целью заинтересовать противника, сообщалось о знакомстве с конструктором новых скоростных истребителей. Кроме того была передана радиограмма об имеющейся возможности сфотографировать чертежи этого самолета.

Противник проявил интерес к этим сообщениям, но довести игру до завершения намеченных нами мероприятий не представилось возможным, так как после взятия нашими войсками Вены вражеский радиоцентр работу прекратил.

Линия связи Урал—Вена

30 сентября 1942 года в районе железнодорожной станции Рузаевка противник выбросил с самолета на парашютах трех агентов: Федорова, Баранова и Бравина. Они оказались выпускниками Брайтенфуртской школы, как Кедров и Сагайдачный. Старшим группы был Федоров, а радистом — Баранов.

Агенты имели задание пробраться в г. Свердловск, обосноваться там на жительство и работу и приступить к сбору шпионской информации. Они должны были выяснить: противовоздушную защиту города, наличие зенитных батарей, прожекторных установок, аэростатов заграждения и истребительной авиации, число аэродромов, типы и количество базирующихся на них самолетов, летный состав, наличие английской и американской авиации, местонахождение и профиль работы вновь построенных и эвакуированных из западных областей заводов, численность, наименования и дислокацию воинских частей вновь формирующихся войск, работу железнодорожного транспорта. Особое внимание обращалось на необходимость выяснения производственной мощности и номенклатуры продукции заводов Уралмаш и Уралэлектромаш.

Собранные сведения агенты должны были передавать немцам по приданной им портативной коротковолновой радиостанции, работающей от электросети. Кроме рации агенты получили 200 тысяч рублей, револьверы системы «наган» и фиктивные документы военного и гражданского вариантов на каждого участника группы.

После приземления Федоров, Баранов и Бравин по договоренности между собой в тот же день явились с повинной в транспортный отдел НКВД ст. Рузаевка, откуда вскоре были доставлены в Москву.

На следствии они дали подробные показания об известных им разведывательных органах противника, о Брайтенфуртской школе, заброшенной, подготовленной и готовящейся к выброске на территорию СССР агентуре.

Учитывая добровольную явку агентов в органы госбезопасности, их патриотическую работу в тылу противника, все трое были освобождены из-под стражи с прекращением дела об уголовной ответственности за сотрудничество с вражеской разведкой.

Одновременно было принято решение начать от имени этой

группы радиоигру с задачей перехвата каналов связи германской разведки с ее агентурой, а также передачи дезинформации по интересовавшим немцев вопросам.

В соответствии с этим Федоров, Баранов и Бравин были доставлены в Свердловск, легализованы по документам, полученным от немцев, устроены на жительство на частные квартиры, и от их имени начата работа на рации.

10 ноября 1942 года радист Баранов, установив двухстороннюю радиосвязь с Веной, передал противнику первую радиограмму.

> «Прибыли благополучно. Друзья живут в пригороде, я нашел комнату на улице Уктусская (указаны номер дома и квартиры — Д.Т.). Подыскиваю работу».

В дальнейшем передавалась военная дезинформация, рекомендованная Генеральным штабом Красной Армии. Для придания большей правдивости работы агентов в числе дезинформационных данных был передан ряд общеизвестных сведений, отвечающих действительности: адреса штаба Уральского военного округа, артиллерийских казарм, спецшколы, академии ВВС им. Жуковского.

В связи с заинтересованностью противника состоянием противовоздушной обороны города, были переданы данные, из которых следовало, что посылка бомбардировочной авиации в данный район чревата серьезной опасностью.

С целью вовлечения противника в более активную игру в апреле — июне 1943 года было сообщено о переводе по службе Бравина в Нижний Тагил, а Федорова — в Челябинск. Предпринимая такой шаг, мы надеялись, что разведывательный орган проявит к этому интерес в плане создания новых радиоточек.

Однако вынудить его на решение указанной задачи не удалось, и радиоигра в конце 1943 года была прекращена.

Надежда господина инженера

Большой интерес представляет радиоигра, получившая условное наименование «Фисгармония». Она была начата в конце 1942 года в Новосибирске и велась от имени агента немецкой разведки Сальского, бывшего инженера по изысканию площадок для аэродромов штаба и частей ВВС Западного фронта.

После окончания разведывательной школы в Брайтенфурте Сальский 30 сентября 1942 года был сброшен на парашюте в районе станции Рузаевка, где его обнаружили и арестовали. Он имел задание осесть в одном из сибирских городов (Новосибирске, Омске или Красноярске), установить количество и характер продукции, выпускаемой авиационным заводом № 153, выяснить места расположения авиационных, машиностроительных и оборонных заводов Сибири и дать о них подробную информацию, а также собрать сведения о передвижении военных грузов на запад, политико-моральном состоянии бойцов Советской Армии и гражданского населения. Для передачи шпионских сведений Сальский был снабжен коротковолновой портативной радиостанцией, работавшей от электросети. На расходы, связанные с проведением шпионской деятельности, гитлеровская разведка выдала ему 100 тысяч рублей. Кроме того, он был снабжен фиктивными документами военного и гражданского образцов на свое имя, фиктивной печатью Ленинского райвоенкомата города Москвы и печатью ГУРКМ для паспортов. В процессе следствия Сальский дал откровенные показания, и поэтому его рацию включили в игру, начав с посылки радиограммы из Новосибирска. Одной из первых была:

> «Прибыл в намеченное место. Все нормально. С большими трудностями нашел временную удобную квартиру. Оформился на работу в транспортную организацию».

Для создания видимости активной практической деятельности ему стали передавать сведения, содержащие дезинформационный материал о промышленных объектах оборонного значения и железнодорожном транспорте, а также сообщили о привлечении к шпионской работе двух местных жителей.

Эту «информацию» противник принял за достоверную и дал положительную оценку действиям Сальского:

«Получил все наши радиограммы. Поздравляю с успехами в работе и желаю всего наилучшего. Подробности по 153 — важные. Приветствую. Ваш инженер».

После этого орган советской контрразведки, не прекращая передачу дезинформационных сведений, провел комбинацию по вызову курьера, направив 4 мая 1943 года радиограмму:

«Сейчас невозможно регулярно поддерживать связь. Всегда приходится опасаться соседей. Избежать этого можно покупкой домика под видом аренды, что можно сделать через знакомую. Требуются только средства. Сообщите свое мнение».

С мая по сентябрь 1943 года одновременно с переговорами о посылке помощи советская контрразведка продолжала передавать дезинформацию о работе железнодорожного узла и формировании частей Красной Армии в Новосибирске. Из четырех полученных от противника за этот период радиограмм в двух запрашивались данные об авиационном заводе № 153, о точном его расположении, приданных ему аэродромах, типах самолетов, фамилии главного конструктора и директора завода. Уклоняясь от выполнения полученного задания, советская контрразведка продолжала легендировать трудности в работе Сальского и в категорической форме требовала ускорить оказание помощи.

«Господин инженер, я удивлен, что моя просьба о помощи вами забыта. Я не в силах создать безопасные условия работы. Совершенно категорически заявляю, что если в ближайшее время помощь не придет, работу буду вынужден прекратить, ибо риск ничем не оправдан. Не сердитесь за резкость, но это так. Искренне уважающий вас Сальский».

Пытаясь успокоить агента, немцы несколько раз передали, что помощь задерживается из-за плохой погоды, а 6 февраля 1944 года сообщили:

«Первый вариант состоится от 3 до 11 февраля. Ваш знакомый уехал 24 января. Сердечный привет.

Ваш инженер».

И действительно, 24 января 1944 года в районе станции Занозная Московско-Киевской железной дороги был сброшен на парашюте агент Соколов, бывший командир противотанкового

взвода стрелкового полка Красной Армии. Добровольно явившись с повинной в орган советской контрразведки, Соколов показал, что он получил задание пробраться в Новосибирск, связаться с Сальским и вручить ему 375 тысяч рублей, ручные часы и новые шифры для работы. Одновременно с этим он должен был информировать Сальского о намерении фашистской разведки использовать его мощную радиостанцию в качестве промежуточного радиоцентра для поддержания связи с немецкими агентами, действующими в советском тылу и снабженными рациями ограниченного радиуса действия, а также передать Сальскому устную инструкцию о порядке работы с указанными корреспондентами. Необходимые радиоданные по связи с ними немецкий разведывательный орган обещал передать дополнительно.

Для поездки до Новосибирска Соколов имел фиктивные документы на имя Самойлова, начальника артиллерии 681 стрелкового полка 137 Смоленской стрелковой дивизии, командированного штабом в Новосибирское училище для прохождения дальнейшей службы. А для возвращения Соколова снабдили документами, якобы данными 35 запасным артиллерийским полком. Кроме документов, Соколов получил 25 тысяч рублей, орден Красного Знамени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», пистолет системы ТТ. Деньги для передачи Сальскому были опечатаны в пакете с надписью: «№ 0316. Совершенно секретно. Начальник штаба Сибирского военного округа».

Для подтверждения и подкрепления этой легенды Соколова снабдили удостоверением о том, что ему попутно приказано доставить начальнику штаба Сибирского военного округа пакет № 0316, После выполнения задания Соколов должен был вернуться в германский разведывательный центр через линию фронта.

Возвращение Соколова к гитлеровцам было наиболее надежным закреплением авторитета «Фисгармонии». Кроме того, осуществление этой комбинации позволило бы внедрить доверенное лицо советской разведки в разведывательный орган противника. Откровенные показания Соколова, его честное поведение при встрече с Сальским, организованной втемную для них обоих, положительные отзывы о нем знающих его людей — все это говорило о том, что Соколов надежный человек и сможет выполнить поставленные перед ним задачи. Но советской контрразведке пришлось отказаться от использования Соколова в намеченной операции.

Оперативно-транспортный отдел НКГБ Московско-Киевской

железной дороги, куда прибыл с повинной Соколов, несмотря на соответствующее предупреждение, оформил арест Соколова через тюрьму, где по существующим правилам его остригли наголо. Отправить Соколова к немецким разведчикам в таком виде было нельзя, а ждать несколько месяцев, пока у него отрастут волосы, не было возможности. Пришлось «поблагодарить разведцентр, извиниться за прежние неосновательные претензии» и сообщить об «отъезде» Соколова из Новосибирска.

В дальнейшем, в оправдание неявки Соколова к немцам, 14 августа 1944 года противнику радировали:

> «10 августа ко мне на квартиру неожиданно явился Анатолий и рассказал, что 8 марта при возвращении к вам на станции Гусино он попал под бомбежку, был сильно контужен и отправлен в госпиталь в город Барнаул Алтайского края. Из госпиталя выписался 5 августа. По состоянию здоровья ему предоставили 3 месяца отпуска. На вид он очень бледный и худой. Просит оказать помощь и о случившемся сообщить вам. Передает привет. Временно устроил его на даче у своей знакомой. Что с ним делать дальше?».

После получения указаний об оставлении Соколова в Новосибирске было принято решение попытаться создать новую радиоточку на Северном Урале, куда, якобы, срочно командируется по делам службы Сальский.

24 сентября 1944 года была передана радиограмма:

> «Господин инженер, выезжаю на Северный Урал. В силу сложившихся обстоятельств пришлось все передать Анатолию, который подробно проинструктирован по всем вопросам нашей работы. Обещал работать хорошо. Думаю, что я решил правильно, так как больше мне ничего не оставалось делать. Материалы о моей работе на Северном Урале по возможности будут переданы Анатолию. С сердечным приветом…»

Расчет был на то, что немцев заинтересует район Северного Урала, и они попытаются использовать возможности Сальского для создания самостоятельной радиоточки.

В дальнейшем германскому разведоргану от имени Соколова передавалась дезинформация о 153 авиазаводе, о передвижении войсковых грузов из Новосибирска на Запад. Иногда сообщались сведения о Северном Урале, якобы, добытые Сальским. Однако вынудить противника на организацию самостоятельной

радиоточки на Северном Урале не удалось. Видимо, немцам было уже не до этого: война приближалась к концу.

Северная эпопея

В ночь на 16 октября 1943 года на границе Харовского и Вожегородского районов Вологодской области противник выбросил группу агентов разведывательного органа «Цеппелин» в количестве 5 человек, прошедших обучение в диверсионно-разведывательной школе в местечке Печки (Эстонская ССР). После ареста агенты показали, что получили задание найти в Харовском районе удобное место для приземления группы диверсантов-парашютистов. Переброска их намечалась вслед за ними.

Агенты должны были обеспечить прием группы диверсантов и вместе с ними развернуть разведывательно-диверсионную и повстанческую деятельность в районе Северной железной дороги. Агенты были снабжены портативной коротковолновой радиостанцией, личным оружием, топографическими картами, фиктивными документами, советскими деньгами и имели пятнадцатидневный запас продовольствия.

Чтобы парализовать подрывную деятельность «Цеппелина» органы советской контрразведки привлекли старшего агентурной группы Соколова и радиста Серебрякова к работе и включили в игру изъятую у них коротковолновую радиостанцию, дав ей условное название «Подрывники».

20 октября 1943 года была послана первая радиограмма:

> «Приземлились благополучно. Долго собирались. Место подготовили. Ищите три костра, расположенные треугольником в условленном месте: в верховьях реки Вожега, в 20 км к юго-востоку от станции Вожега».

Противник ответил:

> «Ваша радиограмма ясна. О времени отправки главной группы сообщим. Костры потушите. Зажгите их только после указания.
>
> *Краус».*

27 октября получили подтверждение о сброске главной группы диверсантов:

> «Приземление главной группы ожидайте 28 октября. С этого дня с 20 до 21 часа по московскому времени жгите 3 костра».

Контрразведчики с нетерпением ждали 28 октября. Наконец, костры были зажжены. Наступил решающий момент: сбросят или нет? Однако прошло четыре дня, а вражеский самолет не появлялся. На пятые сутки немецкий разведывательный орган сообщил:

> «1 ноября сброшены 14 человек. Сообщите, встретили ли их. Ваших костров не видели. Остальные 3 человека и груз будут доставлены в ближайшие дни».

В тот же день от службы ПВО было получено сообщение о том, что в ночь на 1 ноября 1943 года в 40–50 км восточнее условленного места пролетел фашистский самолет Ю-252. В результате принятых мер были задержаны и арестованы 13 агентов, а четырнадцатый покончил жизнь самоубийством. При аресте у агентов изъяли радиостанцию.

На допросах выяснилось, что диверсанты имели задание установить связь с группой Соколова и, руководствуясь его указаниями, совершать диверсии, вести разведку, проводить среди населения антисоветскую агитацию и создавать антисоветские группы из враждебно настроенных по отношению к Советской власти лиц. Арестованные показали, что самолет сбился с курса и произвел выброску не там, где следовало. Воспользовавшись этим обстоятельством, как удобным предлогом для вывода арестованных диверсантов из игры, командование нашей советской контрразведки, проводившее игру, сообщило противнику, что в назначенное место никто из парашютистов не явился, а через три дня радировал, что поиски оказались безрезультатными. Одновременно, чтобы показать осторожность Соколова и закрепить доверие германского разведоргана, сообщили, что «на всякий случай» необходимо передислоцироваться в другое место. Это предложение противник одобрил, приказал группе отойти на 60 км в северном направлении и передал:

> «Сведения о себе давайте ежедневно. При первой же возможности и хорошей погоде будут доставлены оставшиеся люди и багаж».

11 ноября 1943 года выброска агентов состоялась. Они приземлились недалеко от костров и тут же были задержаны. В сброшенной посылке находилось 4 пулемета, 12 автоматов ППШ, 21 винтовка, 500 кг взрывчатки, ящик противопехотных мин, 18 ящиков патронов, 46 гранат РГД, радиостанция, около 400 различных бланков фиктивных документов, мастичный штамп и

две гербовые печати 391-го запасного стрелкового полка, 322 тысячи рублей, фотографические карты, различное воинское снаряжение, обмундирование и большой запас продовольствия. Показания арестованных и присланная помощь свидетельствовала о том, что радиостанции «Подрывники» противник верит.

После сообщения о благополучной встрече с агентами и доставке груза практическая работа группы легендировалась в соответствии с полученным ею заданием. Одновременно с этим орган советской контрразведки начал вспомогательную радиоигру, включив в нее рацию, изъятую у ранее задержанных диверсантов. Работа велась только от имени радиста этой группы Самойлова и трех диверсантов.

Об остальных десяти агентах сообщалось, что их судьба неизвестна, так как они приземлились на большом расстоянии от других диверсантов и их не удалось найти.

С помощью вспомогательной игры, условно названной «Подголосок», предполагалось отвести возможное подозрение от группы Соколова и укрепить ее положение. Не имея в течение нескольких дней сведений о судьбе 14 диверсантов, противник, естественно, обрадовался установлению связи с радистом Самойловым. На первую же радиограмму, ответил:

> «Очень рады установлению связи. В том, что вы сброшены неправильно, виноваты летчики. Будьте стойкими и осторожными. Скоро соединим вас с главной группой».

В свою очередь советская контрразведка сообщила о трудностях, якобы, переносимых членами группы «Подголосок» из-за отсутствия продовольствия, и потребовала немедленной помощи. Запросив о местоположении группы и дав указание относительно сигнальных костров, противник в ночь на 16 ноября 1943 года сбросил на парашютах 4 тюка с продовольствием, оружием, боеприпасами и медикаментами.

Так возникли две радиоигры: первая — основная, вторая — вспомогательная. Поставленная задача — избежать провала радиоигры «Подрывники» в связи с выводом из игры диверсантов — была выполнена. Поддерживая связь с обеими группами, противник дал им указание соединиться. После «объединения» групп радиоигру «Подголосок» прекратили, так как ее роль была исчерпана.

Чтобы создать впечатление, что проведенные мероприятия дали положительные результаты, сообщили ложные сведения об активизации практической работы группы, и в частности о

«совершении» двух удачных диверсий на Северной железной дороге, об организации наблюдения за движением военных транспортов.

Успешная практическая работа группы легендировалась в течение двух месяцев, после чего вновь была запрошена помощь. В ночь на 18 марта 1944 года прибыл самолет, с которого были сброшены агенты Антонов и Стахов, а также 28 тюков груза. Арестованные диверсанты оказались бывшими военнослужащими Красной Армии, в разное время попавшими в плен к противнику и окончившими разведывательно-диверсионную школу разведоргана «Цеппелин-Норд». В сброшенных тюках было около 300 килограммов взрывчатки, 700 капсюлей-детонаторов, 1000 метров детонирующего и бикфордова шнура, 9 автоматов ППШ, 6 винтовок, 50 гранат, 6 тысяч патронов; различное воинское снаряжение, ранцы, сумки, лыжи, сани, военное обмундирование, гражданская одежда — всего до 250 предметов; 40 пар нательного белья, аптечка, около двух центнеров продуктов и 180 тысяч рублей.

Диверсант Антонов имел задание вручить старшему группы Соколову письмо от майора Крауса. Это говорило о безусловном доверии противника к «Подрывникам».

Радиоигра продолжилась. Сообщив о благополучном приземлении диверсантов и получении груза, наши контрразведчики тут же передали, ложные сведения о связи агентов с бывшими кулаками, якобы проживающими в специальных «трудпоселках» в районе железнодорожной станции Явенга. Во время каждой радиосвязи по-прежнему передавалась военная дезинформация о передвижении войск, военной техники и других грузов по Северной железной дороге. Чтобы еще больше заинтересовать противника, легендировали, что в лесу, недалеко от базы агентов, находится лагерь для немецких военнопленных, в котором, якобы, содержится свыше тысячи бывших военнослужащих немецкой армии, занятых на лесоразработках.

Как и следовало ожидать, к последнему сообщению противник проявил исключительный интерес и направил в адрес своих агентов следующую радиограмму:

> «Оставьте наблюдение за железной дорогой, воздержитесь от актов саботажа. Все силы — на разведку лагеря военнопленных».

Дальше следовал длинный перечень вопросов, интересовавших германскую разведку: физическое состояние военнопленных, режим дня, питание, одежда и т. д. По характеру вопросов можно было предположить о намерении осуществить

операцию по освобождению военнопленных. Чтобы заставить решиться на это, в посылаемых радиограммах проводилась мысль о возможности осуществления такой акции. А вскоре советские контрразведчики, проводившие игру, обратились к противнику с просьбой прислать людей, владеющих немецким языком, якобы для непосредственного установления контакта с военнопленными. В ответной радиограмме германский разведывательный орган сообщил:

> «Готовим для отправки к вам двух знающих немецкий язык людей. Подыщите место для приземления».

15 сентября 1944 года в указанном месте самолет сбросил трех агентов и 5 тюков с грузом. Агенты были арестованы на месте приземления. Двое из них, Ястребов и Раскольников, действительно владели немецким языком.

Ястребов, сын полковника царской и белой армии, эмигрировавшего в 1920 году в Болгарию, в марте 1942 года добровольно вступил в германскую армию, служил в русском охранном корпусе в Сербии. В июле 19421 года его перевели в охранный батальон СС и там завербовали для разведывательной и подрывной работы в нашем тылу.

Раскольников — сын штабс-капитана белой армии, эмигрировавшего из России в Югославию в период эвакуации врангелевских войск. В 1942 году Раскольников служил в Сербии в войсках СС, где и был завербован германской разведкой. Третий агент, Куликов, бывший военнослужащий Красной Армии, был завербован в лагере для военнопленных. Все трое обучались в различных разведывательных школах, а специальную подготовку по подрывному делу прошли в главной команде «Цеппелин-Норд» в Риге.

Арестованные показали, что для группы «Подрывники» немцы намерены в ближайшие дни сбросить большой груз с оружием, боеприпасами, взрывчаткой, обмундированием и продовольствием. Задача группы оставалась прежней: вести наблюдение за движением войск и грузов по Северной железной дороге, совершать диверсии, продолжать работу по установлению связи с немецкими военнопленными и более активно привлекать на свою сторону лиц, враждебно настроенных к Советской власти. По замыслу германской разведки, антисоветские элементы должны были вовлекаться в якобы существующую профашистскую организацию «Национал-революционные силы России», угловой мастичный штамп и гербовая печать которой были изъяты у курьеров при аресте…

Во вражеский радиоцентр направлялись радиограммы с сообщениями, что группа развернула активную работу по привлечению на свою сторону антисоветски настроенных лиц, а новые участники, знающие немецкий язык, через приемщика лесоматериалов установили связь с одним из старших группы военнопленных, передали ему немецкие журналы и дали указание группировать людей на случай выступления.

В конце ноября 1944 года противник сообщил о готовящейся выброске людей и очередного большого груза и потребовал указать место выброски. Однако осуществить свои намерения ему не удалось вследствие успешного наступления наших войск на Запад и потери связи с радиостанцией.

В ходе игры «Подрывники» было вызвано на советскую сторону и арестовано 22 агента германской разведки. Противник пять раз сбрасывал вооружение, боеприпасы, взрывчатку, обмундирование, продовольствие и другие материалы.

Но главное заключалось в том, что немецко-фашистская разведка, веря радиостанции и рассчитывая на боеспособность группы диверсантов, не забрасывала в этот район новые агентурные группы. То, что группа Соколова пользовалась доверием, подтвердил впоследствии в своих показаниях и Е.А. Саруханов — бывший официальный сотрудник германского разведывательного органа «Цеппелин-Норд»…

1 марта 1943 года на территорию Ярославской области немецкая разведка забросила трех агентов-парашютистов, имевших задание вербовать антисоветски настроенных лиц. После создания надежных резидентур и опорных пунктов они должны были приступить к сбору шпионских сведений военного, политического и экономического характера, а также осуществлять диверсии на железнодорожном транспорте и военных объектах. В распоряжении агентов находились портативная коротковолновая радиостанция, оружие, боеприпасы, взрывчатка, топографические карты, фиктивные документы военного и гражданского образца и 150 тысяч рублей.

Изъятая радиостанция была включена в игру, под условным названием «Лесники».

Чтобы использовать полученное агентами задание для вызова на советскую сторону вражеских агентов, было сообщено, что разведчики после приземления временно укрылись у отца Маркова и уже приступили к работе. В последующих радиограммах говорилось о привлечении к сотрудничеству с немецкой разведкой отца Маркова и его знакомого, завхоза лесоучастка Сизова, у которого якобы удалось выяснить места укрытия дезертиров в лесах. Противник проявил интерес к

сообщениям и дал указание:

> «Попробуйте через завхоза лесоучастка связаться с дезертирами».

Через некоторое время на ту сторону сообщили, что агенты «установили» связь с группой дезертиров, и поэтому им необходимы документы, одежда и деньги.

Неприятельский радиоцентр ответил:

> «Благодарим за последние сообщения и радуемся вашим успехам в работе. Готовим деньги, документы, бланки документов для вас и ваших новых друзей».

Вскоре германская разведка сбросила с самолета в обусловленном месте четырех агентов-курьеров. У них при аресте было изъято 6 винтовок русского образца, 8 пистолетов с патронами, 460 различных фиктивных документов, ручные гранаты, 12 комплектов гражданской одежды, продукты питания, 437 тысяч рублей, батареи для радиостанции и чистые бланки документов, в том числе 10 паспортов, 33 военных билета, 23 удостоверения личности начальствующего состава Красной Армии, 26 трудовых и 6 вещевых книжек. Кроме того, обнаружили 19 гербовых и мастичных печатей различных учреждений и воинских частей, 9 мастичных штампов, пресс для штамповки фотокарточек к паспортам и специальные чернила для заполнения паспортов.

Советская контрразведка инсценировала благополучную встречу агентов-курьеров с группой «Лесники» и сообщила, что им там удалось привлечь на свою сторону 12 местных жителей, создать опорные пункты в Ярославле, Галиче, Костроме, организовать с помощью дезертиров надежную базу в лесу около районного центра Чухлома.

Активизация деятельности агентов требовала присылки дополнительного снаряжения. В ответ на просьбу прислать оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, деньги, зимнюю одежду противник радировал:

> «Шлем вам сердечный привет. Молодцы. Держитесь и дальше так. Все, что просите, пришлем. Укажите место, а потом договоримся о времени».

Чтобы заполучить вместе с затребованным грузом еще и агентов-курьеров, советская контрразведка радировала:

«Для удобства руководства созданными опорными пунктами думаю приехать в Ярославль. Остановлюсь на квартире Петина. Прошу вместе с грузом прислать людей, которые спрячут его в надежном месте, а потом явятся ко мне. Жду указаний».

Немцы радировали:

«Запрашиваемые вами вещи пришлем без друзей. Сообщите, куда надо сбросить груз и обозначьте это место тремя кострами в форме треугольника. После этого сообщим время. Свой план осуществляйте после получения посылки.

Краус».

Указав место для выброски груза, советские контрразведчики сообщили, что в ожидании груза агенты живут в лесу и с нетерпением ждут прибытия самолета. Однако из-за нелетной погоды ожидание затянулось. Затем была послана радиограмма:

«Господин майор! Ждать больше не можем. Если самолет не прилетит на этой неделе, вынуждены будем уйти. Помощь доставьте по адресу, который сообщим. С приветом».

Как и следовало ожидать, германский разведывательный орган дал положительной ответ:.

«В ближайшие дни самолет вылететь не сможет, постарайтесь остаться на месте. Если это невозможно, уходите. Посылку пришлем по адресу с друзьями. Сообщите о своем решении. Вызывайте нас, если возможно, ежедневно».

Чтобы у противника не закрались подозрения и, учитывая, что погода действительно была нелетной, и в ближайшее время не предвиделось ее улучшения, передали следующую ответную радиограмму:

«Уходить, не дождавшись помощи, не хотим. Сбрасывайте обязательно. Постараемся продержаться на месте еще пять дней».

В ночь на 28 февраля 1944 года, несмотря на плохую погоду, в обусловленном месте самолет сбросил четыре тюка с

продуктами, обмундированием и батареями для радиостанции.

В тот же день была получена радиограмма:

> «Костры горели хорошо, сброшены 4 тюка. Сегодня доставим остальные 18 тюков».

В ночь на 1 марта самолет появился вновь, но груз не сбросил. На другой день немецкий разведывательный орган сообщил:

> «Вчера самолет был на месте. Сброска из-за плохой погоды не состоялась».

По той же причине не смогли доставить груз и в последующие три дня. Советская контрразведка решила воспользоваться этим для вызова агентов-курьеров, направив радиограмму:

> «Четыре тюка нашли, благодарим за поддержку. Оставаться дальше здесь не можем. Остальное пришлите с друзьями, как условились. Привет».

В конце концов, германская разведка была поставлена перед необходимостью направить людей на связь с группой «Лесники».

Добившись присылки курьеров, командование советской контрразведки, проводившее радиоигру, сообщило противнику о «переезде» группы в город Ярославль и приступило к легендированию активной деятельности агентов по созданию опорных пунктов и проведению диверсионной работы. В разное время от их имени передавались рапорты о диверсиях, якобы совершенных группой (подрыв железнодорожной линии, организация крушений поездов, поджог складов и колхозных ферм и т. д.).

Сообщалось также и о том, что удалось создать вооруженный отряд из дезертиров, скрывавшихся в лесах около районного центра Чухлома, и привлечь на свою сторону в различных районах области несколько местных жителей. Под видом получаемых от этих лиц сведений систематически передавалась соответствующая дезинформация. Фашистская разведка к работе станции относилась с доверием, неоднократно передавала агентам поздравления и советовала быть осторожным. С помощью хорошо продуманных легенд об активизации деятельности агентов наши контрразведчики при проведении радиоигры «Лесники» сумели вызвать и арестовать еще 6 агентов-курьеров…

В Брянском лесу

В конце июня 1944 года противник забросил на территорию Навлинского района Брянской области большой отряд из 34 человек во главе с опытным разведчиком Хлудовым, бывшим лейтенантом Красной Армии, завербованным германской разведкой в 1942 году. После прохождения специальной подготовки по разведывательному и подрывному делу, Хлудов неоднократно выполнял задания германской разведки как в расположении наших войск так и на оккупированной территории, принимал участие в боях с партизанами, дважды награждался гитлеровцами медалью «За храбрость». Будучи арестованным, на допросе признался, что возглавляемый им отряд должен был разрушать железнодорожные пути и взрывать воинские эшелоны, идущие к фронту, подрывать железнодорожные мосты и другие военные объекты на железных дорогах, выводить из строя паровозный парк, организовать вооруженные налеты на автотранспорт и промышленные и военные объекты в районе своего действия. В распоряжении отряда находилось много вооружения и две портативные коротковолновые радиостанции.

Учитывая большое значение, которое противник придавал работе отряда, а также возникшую в связи с задержанием диверсантов возможность проведения важных контрразведывательных мероприятий, приняли решение о включении радиостанции отрада Хлудова в игру. Она получила наименование «Десант». На рации работал радист группы Борисов. В первых радиограммах сообщалось, что группа обосновалась в лесу, подобрала удобное и безопасное место для лагеря и ведет разведку ближайших районов. Вместе с этим передали, что испытывают недостаток в продуктах, особенно в хлебе. Получив координаты группы, противник сбросил на парашютах 4 тюка с продовольствием.

В ходе радиоигры легендировались широкие возможности создания надежной опорной базы с последующим развертыванием подрывной деятельности. Для этого отряду требовались люди, продовольствие, вооружение. В ответ на радиограмму с просьбой о помощи немецкий разведывательный орган сообщил:

«Готовим к отправке много питания, оружия, боеприпасов, обмундирования. Кроме того, вышлем еще группу в количестве 17 человек. Примерно через неделю ждите самолеты».

Однако прежде чем выполнить это обещание, противник, очевидно, в целях проверки, не работает ли рация под диктовку,

попросил Хлудова сообщить какой-либо пароль, которым тот пользовался два года назад. Очередную связь агенту назначили через пять часов… Хлудов, находившийся в то время в воронежской тюрьме, был немедленно подвергнут тщательному допросу. На основании полученных от него данных противнику передали следующую радиограмму:

«Я с вами работаю не первый день. Сейчас получается, что я из доверия вышел. Вы спрашиваете пароль. Тогда нашим паролем были слова «Дойче Вермахт», написанные на желтой повязке, которую я носил на левой руке. Привет», Своевременно переданный ответ успокоил. 2 сентября последовало сообщение о том, что 3 сентября между часом и двумя ночи будут сброшены с самолета диверсанты, оружие, одежда и продовольствие. На площадке в указанное время предлагалось зажечь два сигнальных костра, расположенных по линии восток — запад, а при приближении самолета размахивать горящим факелом. Для выброски подобрали удобную поляну в лесу, в центре которой заблаговременно сложили два костра из поленьев и хвороста. Факел изготовили из палки с намотанной на конце берестой.

Чтобы обеспечить безопасность участников операции на случай, если бы противник разгадал намерения советских контрразведчиков и решил уничтожить засаду, около костров были вырыты щели.

Для участия в операции привлекли пограничников, хорошо знавших друг друга в лицо. Сделано это было, потому что диверсанты тоже были в форме военнослужащих нашей армии.

Время выброски приближалось. На дорогах, ведущих к поляне, с вечера были выставлены патрули, которые должны были задерживать машины с зажженными фарами. В 23 часа пограничники оцепили поляну. На площадке осталась группа людей, по численности, равная хлудовскому отряду. Между отдельными секторами и центром площадки, где располагалась оперативная группа, была проведена телефонная связь. В 23 часа 30 минут были зажжены костры.

Опыт проведения аналогичных операций показал, что вражеский самолет появляется над площадкой точно в назначенный час.

Наступили минуты напряженного ожидания. Самолета слышно не было. Неожиданно, в 0 часов 10 минут, появился самолет противника и прошел низко над площадкой. Гул его моторов был услышан только за 20–30 секунд до появления. Сигнальщик даже не успел зажечь свой факел. Возможно, самолет подошел к площадке с заглушёнными моторами, чтобы выяснить обстановку. Во всяком случае, такое внезапное появление

самолета было несколько загадочным. Через 3–4 минуты самолет появился вновь, и над площадкой раскрылось восемь парашютов с грузом. Один из них упал около костров, остальные ветром отнесло в сторону. В следующие четыре захода с самолета были сброшены тридцать парашютов с грузом. При последнем заходе были сброшены тринадцать агентов-диверсантов.

Участники операции внимательно наблюдали за приземлением парашютистов, но мер к задержанию их пока не принимали, выжидая, когда самолет уйдет из района выброски. Такая тактика вызывалась тем, что противник для сигнализации о благополучном приземлении или о наличии засады мог дать кому-нибудь из сброшенных агентов ракетницу для сигнализации.

Наконец, самолет, передав приветствие световыми сигналами, улетел. Наступила абсолютная тишина, продолжавшаяся несколько минут.

Некоторые из агентов, отцепив парашюты, сразу же направились к кострам, где были разоружены и связаны. Другие, обращались к бойцам и, улыбаясь, говорили:

— Ну, вот, наконец, мы и прибыли. Ждали, наверное, нас?

Бойцы отвечали:

— Конечно, ждали, — и вели их к кострам. Диверсанты поняли, что попали в ловушку, только тогда, когда на окраине поляны завязалась перестрелка.

Некоторые из них на окрик: «Стой, сдавайся!», бросали оружие, поднимали руки и кричали:

— Что вы делаете? Ведь мы же свои!

Старший группы Павлов и два его помощника, оценив обстановку, оказали вооруженное сопротивление. В результате перестрелки трое сопротивлявшихся были убиты. Остальные — задержаны и арестованы.

Допрошенные на месте задержания агенты показали, что на следующий день после их выброски прибудет самолет с основным грузом и двумя сопровождающими. В следующую ночь противник действительно сбросил семьдесят два парашюта с грузом и двух агентов, которые сразу же были задержаны.

В сброшенных тюках (общий вес около шести тонн) находилось 10 ручных пулеметов, 19 автоматов, 73 винтовки и пистолета, миномет с боекомплектом, 260 ручных гранат, свыше 27 тысяч патронов, более 700 килограммов взрывчатки, бикфордов шнур, саперные ножницы, телеграфные когти, три телефонных аппарата, 11 катушек телефонного провода, различный строительный материал и инструмент, запасная радиостанция, бланки фиктивных документов, обмундирование

на 200 человек, большое количество продовольственных концентратов.

Перед отрядом Хлудова германская разведка поставила конкретные задачи, изложенные в письменной директиве:

— взорвать два железнодорожных моста через реку Десну в районе Выгоничи (для ориентировки были присланы карты местности и аэрофотоснимки);

— нападать на автомобильный и другой транспорт, идущий по грунтовым и шоссейным дорогам;

— посылать разведку в лесной массив южнее Могилева, чтобы установить возможность безопасного размещения там лагеря диверсантов;

— использовать присланные взрывчатые вещества для подрыва железных дорог и воинских эшелонов в радиусе 50 — 100 км от места расположения лагеря, диверсии проводить только на важных железнодорожных магистралях.

Спустя три дня после приземления агентов, противнику сообщили, что Павлов с группой диверсантов отправился на выполнение боевого задания. В последующих радиограммах о Павлове почти ничего не сообщалось, и лишь изредка указывалось на то, что его люди провели ряд успешных операций по подрыву железных дорог и нападению на воинские обозы, а еще через некоторое время радировали, что Павлов после удачного проведения трех диверсий на железной дороге Брянск — Рославль — Кричев пропал без вести. Это было сделано во избежание возможного проверочного вопроса, как в случае с Хлудовым.

Для подкрепления этой легенды по радиостанции «Дезертиры», находившейся в районе Гомеля, была передана радиограмма о том, что в октябре 1944 года какая-то группа «партизан» в составе 15 человек после совершения крупной диверсий на железной дороге Рославль — Брянск напала на воинский эшелон и в результате завязавшейся перестрелки с охраной поезда была полностью уничтожена… Видимо, легенде поверили, так как после этой радиограммы запросов о Павлове больше не поступало.

Чтобы еще больше закрепить авторитет группы Хлудова и создать условия для вызова и ареста новых агентов-диверсантов, радиоигру вели в направлении легендирования активизации деятельности отряда и организации на территории Брянских лесов надежных опорных баз. 23 сентября 1944 года противнику передали радиограмму о мероприятиях, намеченных Хлудовым на ближайшее время:

«Посоветовавшись, мы решили так: Козлов и шесть хлопцев уходят в разведку южнее Могилева. Им будет придан Васильев с радиостанцией. Прошин и еще двенадцать человек, взяв материал для подрыва, пойдут на железную дорогу Брянск — Рославль — Кричев — Орша. Узлова с пятью хлопцами отправим на разведку железнодорожного моста через реку Десну около Выгоничи. Ратова и четырех хлопцев пошлем на железную дорогу Брянск — Льгов. С остальными людьми останусь и для оборудования лагеря. Привет».

В ответной радиограмме действия агентов одобрялись, за исключением одного пункта:

«На линии Брянск — Льгов пока нападений не предпринимайте».

В разное время противнику посылались сообщения о том, что отрад совершил восемь больших диверсий на железнодорожных магистралях Рославль — Кричев, Могилев — Жлобин и на объектах, имеющих военное значение. Кроме того, легендировалось создание трех надежных опорных баз. Легендам верили, неоднократно специальными радиограммами выносили благодарность отряду за успешную работу и многих диверсантов наградили медалями «За храбрость». О задании подорвать железнодорожный мост через Десну противнику было сообщено, что имеющимися силами отряд выполнить этого не может, поскольку объект усиленно охраняется, Легендировать взрыв моста было нельзя, так как германское командование могло проверить мост с помощью воздушной разведки. А это грозило радиоигре провалом. Однако наши контрразведчики считали, что если противник настоятельно потребует взрыва моста, что можно будет попросить прислать еще людей для выполнения задания. Но пришло указание воздержаться от взрыва моста и основное внимание уделить организации диверсий на железных дорогах.

И все же нами прорабатывались условия вызова нового пополнения из наиболее рьяных агентов. В частности, от имени отряда сообщили, что в результате боевых операций потеряно 19 человек, в том числе старший одной из групп. Было высказано предложение вести антисоветскую пропаганду среди местных жителей для подготовки надежных опорных баз для последующей активизации работы отряда. А потому в радиограммах подчеркивалась необходимость иметь в отряде несколько надежных пропагандистов и соответствующую литературу. Противник радировал:

«Будьте 30 октября между 23 и 02 часами наготове. Прилетим с большим грузом. Очевидно, высадим также людей для ведения пропаганды. Сигналы будут те же, что и в начале сентября. Подтвердите немедленно вашу готовность».

!В назначенное время противник десантировал 12 агентов-пропагандистов во главе с Никулиным, которые были арестованы. Все они, за исключением радиста, являлись членами антисоветской террористической организации «Народно-трудовой союз» (НТС), принимали активное участие в издании и распространении антисоветской литературы среди населения на временно оккупированной фашистами советской территории.

Группа имела при себе фиктивные документы военного образца, два миллиона рублей, ручной пулемет, 12 автоматов, взрывчатку, походную типографию, ротатор и большое количество антисоветской литературы (устав «Народно-трудового союза», основные пункты программы «Национально-революционной трудовой партии», манифест «Комитета освобождения народов России» и т. д.).

Поскольку группа Никулина посылалась на связь с «Десантом» без предупреждения Хлудова о том, что она будет действовать по поручению НТС, советская контрразведка разработала легенду о якобы имевшем место вооруженном столкновении группы Никулина с группой «Десант». А потому надо было дать знать немцам, что в ходе столкновения было выведено из строя несколько агентов-пропагандистов и тем подтолкнуть их к направлению нового пополнения. Противнику была передана радиограмма:

«Сегодня рано утром на наши посты шла группа военных с оружием. Хлопцы крикнули: «Ваш пароль? но они ничего не ответили. Тогда хлопцы начали стрелять: убили 5 человек, 2 ранили и 5 захватили в плен. У нас убит Зеленин, ранены Чехонин и Савин. Пленные говорят, что ищут какой-то партизанский отряд. Послал их 12 декабря из Кракова Кузнецов. Командир группы Никулин. У них есть радиостанция, радист ранен. Все это очень подозрительно, не подосланы ли они НКВД? Ведь вы нас предупреждали о возможности таких случаев. Срочно прошу проверить и сообщить, что с ними делать. Мы теперь все наготове. Если будет еще что-то подозрительное, перейдем в запасный лагерь. Привет».

Ответ не замедлил прийти.

> «Не беспокойтесь, военные, напавшие на вас, не подосланы НКВД, а идут действительно из Кракова, как и вы. Проверьте их еще раз. Командир группы Попов Александр. Численность группы 12 человек. Радиосвязь трофейной радиостанцией не устанавливайте, батареи можно использовать. Когда прийти с грузом? Отвечайте немедленно. Пятерых пленных включите в вашу группу как равноправных членов. Привет всем».

Используя данное агентам-пропагандистам указание вести в тылу СССР антисоветскую пропаганду под лозунгами НТС, советские контрразведчики, проводившие игру, стали муссировать в радиограммах наличие противоречий между руководителями групп. От имени Хлудова сообщали, в частности:

> «Прибывшие пропагандисты доверия не внушают, ведут пропаганду за Россию без немцев, что отрицательно влияет на сплоченность и боевой дух отряда. Дайте указание, как поступить».

Тем самым преследовалась все та же цель: вызвать на территорию СССР особо доверенных агентов германской разведки или официальных сотрудников, способных уладить конфликт и возглавить руководство отрядом. В январе 1945 года была получена ответная радиограмма:

> «Через некоторое время пришлем несколько дельных пропагандистов. Привет всем».

Но присылку новых пропагандистов немцам пришлось оставить без исполнения: создавшаяся на фронте обстановка вынудила их изменить свои намерения…

8 марта 1944 года в районе Клинцы Брянской области германский разведывательный орган сбросил разведывательно-диверсионную группу в составе 9 агентов, получивших задание обследовать лесные массивы в районах Клинцы — Унеча — Сураж — Мглин с целью выявления дезертиров из Советской Армии, бывших немецких ставленников и «власовцев» и создания из них «партизанского» отряда для действия в нашем тылу. После приземления агенты трижды пытались установить связь с немецким разведывательным центром, но слабая слышимость не позволяла им сделать это, 11 марта 1944 года диверсанты при попытке оказать сопротивление были арестованы.

Группу возглавлял некий Грищенко, бывший военнослужащий Красной армии, плененный немцами в 1943 году. Находясь в лагере для военнопленных, он был завербован германской разведкой и направлен в Борисовскую разведывательную школу. После ее окончания Грищенко дважды успешно выполнял шпионские задания в расположении частей Красной Армии, за что немцы наградили его четырьмя медалями «За храбрость» и присвоили звание фельдфебеля германской армии, Грищенко, в прошлом вор-рецидивист, неоднократно судившийся и отбывавший наказание за уголовные преступления, и в расположении немецкой разведки продолжал заниматься своим ремеслом. Пока его жертвами являлись местные жители, гитлеровцы только посмеивались. Но после того, как Грищенко совершил крупную кражу в продовольственном складе разведывательного органа, они забеспокоились и поспешили направить его на советскую сторону с боевым заданием на длительный срок.

Включение изъятой у диверсантов радиостанции в игру представляло для органов советской контрразведки несомненный интерес. Это давало возможность провести рад операций против германской разведки. При допросе радиста выяснилось, что группа получила указание установить радиосвязь в течение первых пяти дней после приземления. Поскольку этот срок уже прошел, было решено до 26 марта 1944 года никаких радиограмм не передавать, а создавать видимость невозможности установления нормальной связи. Радист ежедневно выходил в эфир, вызывал центр противника, но сам заявлял, что ответа не слышит. Таким путем удалось убедить, что причиной отсутствия связи были технические неисправности. 29 марта немецкий разведывательный центр изложил:

> «У приемника смените лампы, проверьте анодные батареи, обратную связь поверните за точку генерации».

Продолжая ссылаться на плохую слышимость, советские контрразведчики заставили противника несколько дней передавать эту радиограмму и только после неоднократных повторений с «большим трудом» приняли ее. В ответ на радиограмму о выполнении указанных советов немецкий радиоцентр сообщил:

> «За настойчивость в работе выражаю радисту особую благодарность. Лампы пришлем с грузом.
>
> *Обер-лейтенант».*

После установления связи сообщили об «активной работе» агентов по вовлечению в свою группу «скрывавшихся» в лесах дезертиров, бывших старост и полицейских. Поверив, противник предложил агентам использовать завербованных для установления связи с оставшимися в лесах так называемыми «партизанскими группами РОА», которые должны были приступить к активным действиям по выполнению заданий немецко-фашистского командования:

> «Поздравляем с пополнением группы преданными людьми. Используйте их для возобновления связи с национальными партизанскими группами».

Советская контрразведка решила использовать создавшуюся обстановку для вызова наиболее подготовленных агентов:

> «Пополнение использую, но с людьми надо провести занятия, пришлите грамотных и надежных хлопцев. Требуется обмундирование, документы, оружие, продукты. Ждем».

Легенда оказалась очень удачной: только в апреле 1944 года противник три раза сбрасывал различные грузы. В первый рейс, 5 апреля, самолет доставил три тюка с оружием, обмундированием и продуктами. Кроме того, в посылке находилась запасная коротковолновая радиостанция, номенклатурная ведомость и личное письмо сотрудника германской разведки лейтенанта Стефана. Во второй рейс, 17 апреля, были сброшены четыре тюка с таким же грузом. В третий рейс, 20 апреля, немецкий самолет доставил двух агентов-курьеров — Дорофеева и Карпова, окончивших специальные курсы разведчиков в городе Борисове.

Агенты-курьеры имели задание доставить старшему группы «Уголовники», как она была наименована нами, пакет от Стефана, в котором оказалось 30 тысяч рублей, фиктивные документы, бланки документов, различные печати и штампы воинских частей Красной Армии и советских учреждений, письмо с благодарностью за проделанную работу и письменные указания о необходимости вести наблюдение за перевозками войск и техники по железной и шоссейной дорогам в сторону фронта.

Радиоигра представлялась перспективной, так как открывала широкие возможности для проведения советской контрразведкой различного рода мероприятий, направленных на парализацию подрывной деятельности противника.

Однако вскоре случилось непредвиденное, и радиоигру пришлось прекратить. Виной тому оказался Грищенко.

Содержался он в охраняемом помещении на облегченном режиме. По свидетельству сотрудников, которые работали с ним, он характеризовался положительно, проявлял заинтересованность в работе и своим поведением не вызывал никаких подозрений. Безупречное поведение Грищенко явилось причиной того, что контроль за его действиями со стороны оперативных работников был ослаблен. А это привело к тому, что однажды Грищенко, попросив у оперативного работника разрешения выйти из бани «подышать свежим воздухом», скрылся.

Его розыск шел в течение нескольких месяцев, особенно в прифронтовой полосе. Наконец, он был разыскан и арестован.

О своем побеге он рассказал следующее:

«Когда я вышел из бани, на улице стоял ясный и теплый весенний день. Воздух и земля были пропитаны запахами: весны. Вдохнув несколько раз свежий воздух, я очень захотел отправиться в лес, в поле, чтобы вдоволь надышаться весенними запахами. В это время мимо бани проезжала порожняя грузовая машина. Не знаю, какая неведомая сила подбросила меня к ней. Ухватившись за заднюю стенку кузова, я подтянулся на руках и забросил ноги в кузов. Прошло около часа, когда я пришел в себя, сначала хотел выскочить из машины и вернуться обратно, но было уже поздно: ведь мне все равно не поверят, что это был не побег, а мимолетный порыв, навеянный опьянившим меня весенним воздухом. И я решил бежать по-настоящему. Будь что будет»…

Подхватив в пути временную подругу жизни, он стал разъезжать с ней по разным железным дорогам, занимаясь спекуляцией продовольственными товарами. Перевязав руку бинтом, он выдавал себя за раненого красноармейца и при проверке документов брал горлом, обвиняя проверяющих в том, что они шкурники и напрасно пристают к человеку, пролившему кровь за Родину. Как это ни покажется странным, но долгое время он выходил сухим из воды и несколько месяцев безнаказанно жил в свое удовольствие, пока один милиционер, не испугавшись его ругани и угроз, не задержал его.

На этом карьера Грищенко была закончена. По совокупности всех преступлений, которые им были совершены, он был приговорен к высшей мере наказания…

Третья радиоигра на территории Брянской области была начата от имени заброшенных немцами 19 мая 1944 года в Комаричский район агентов. Они пошли с заданием организовать из числа дезертиров и бывших полицейских группу для совершения диверсий на шоссейных и железных дорогах в тылу Красной Армии. На следующий день после выброски, еще до

задержания агентов советской контрразведкой, радист связался с разведывательным центром противника и сообщил, что при приземлении потерял группу и нуждается в немедленной помощи. Ему приказали оставаться на месте и ночью жечь сигнальные костры, которые должны обозначать место сброски груза. 22 мая противник сбросил с самолета продовольствие, карту местности и письмо с указанием, где и как соединиться с остальными участниками группы.

25 мая советская контрразведка арестовала радиста. А вскоре были задержаны еще три участника группы. В период следствия и выяснения возможностей использования арестованных в игре радиосвязь с германским разведывательным центром не поддерживалась. Чтобы оправдать молчание и не вызвать у немцев подозрений, в обусловленном месте ежедневно разжигались костры. Предполагалось, что противник, обнаружив костры, объяснит себе потерю связи с радистом порчей радиостанции и сбросит новую рацию, которой можно будет воспользоваться, чтобы включиться в радиоигру.

29 мая над обусловленным местом появился немецкий самолет и сбросил тюк с продуктами и документами. Воспользовавшись этим обстоятельством, советские контрразведчики включили радиостанцию в игру, но до 14 июня в двустороннюю связь с вражеским центром умышленно не вступали, создавая видимость технической неисправности радиостанции. 14 июня, установив с противником двустороннюю связь, передали радиограмму:

> «У места выброски соединился с Николаевым, Мишей, Сашей (задержанные агенты), Бориса и Василия нет. Связь прекратил из-за обрыва контакта внутри передатчика. Едва нашел. Все время жжем костры. 29 мая получили письмо и продукты. Положение тяжелое. Вышлите продукты, деньги, документы на четверых, питание для рации, чемодан и новый передатчик».

Сообщению поверили и в первую же ночь сбросили с самолета все затребованное. В дальнейшем, показывая трудности работы из-за малочисленности группы, удалось вызвать и арестовать еще трех агентов, обученных подрывному делу.

Гриф «Особой важности»

Серьезное значение имела радиоигра «Туман». Она велась из Москвы от имени двух агентов германского разведывательного органа «Цеппелин» — мужа и жены Покровских. Покровский, сын крестьянина-кулака, расстрелянного красными партизанами в 1918 году, в 1940 году получил незаконным путем паспорт на вымышленную фамилию и устроился старателем в Туринскую геологоразведочную партию «Уралзолото». В 1942 году, будучи на фронте, перешел на сторону врага. Прибыв в лагерь военнопленных, он выдал себя за инженера, работавшего ранее в Магнитогорске.

После изучения личных качеств, биографии и политических настроений Покровского немецко-фашистская разведка решила использовать его для осуществления террористического акта в Москве в отношении Сталина. Покровский согласился.

Подготовке Покровского уделялось очень много внимания. Он прошел индивидуальное обучение в Берлине под руководством сотрудников разведоргана «Цеппелин» подполковника СС Грейфе и майора СС Скорцени, руководившего операцией по похищению Муссолини. В Риге с Покровским лично занимался начальник главной команды «Цепелин-Норд» майор СС Краус, Политическую обработку Покровского вел изменник родины Жиленков, хорошо знавший условия жизни и работы в Москве, где он ранее занимал ответственный пост. Гитлеровцы возлагали на Покровского большие надежды. Захваченный советской контрразведкой в конце войны бывший сотрудник главного управления имперской безопасности Джон показал:

> «…В кругах «Цеппелина» о Покровском говорили довольно много. Его считали «крупным номером», который должен обеспечить «Цепеллину» почести, отличия и большие полномочия в разведывательной деятельности. В разговорах между собой гаупштурмфюрер Бакгауз, штурмбаннфюрер Краус и унтерштурмфюрер Грейфе постоянно повторяли: «Представьте себе, к каким результатам это приведет, если Покровский выполнит задание».

Жена Покровского прошла курс обучения работы на рации и по прибытии в Москву должна была поддерживать связь с разведкой.

Дав согласие на выполнение задания, Покровский стал

капризничать и предъявлять немецкой разведке различные требования. Он категорически отказался прыгать с парашютом. И немецкие разведчики по его требованию специально переоборудовали заднюю часть самолета, чтобы при его посадке он смог выехать из самолета по особому трапу на мотоцикле.

Для выполнения задания Покровский получил от германской разведки:

— специальный аппарат «Панцеркнаке» (фаустпатрон) с 9 мелкокалиберными снарядами;

— пистолеты различных систем, в том числе и автоматический; многозарядный английского образца и 15 патронов к нему с разрывными пулями (при анализе этих патронов было установлено, что пули начинены сильнейшим кровяным порошкообразным ядом, вызывающими немедленную смерть);

— магнитную мину сильного действия с радиоприборами, предназначенную для производства взрыва по радиосигналу с расстояния нескольких километров;

— портативную коротковолновую приемо-передающую радиостанцию, условные таблицы, шифры, коды и средства тайнописи;

— медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Александра Невского, орден Красной Звезды, две медали «За отвагу», поддельные орденские книжки и фиктивные вырезки из советских газет с указами о присвоении ему, Покровскому, звания Героя Советского Союза и награждении его перечисленными орденами и медалями;

— большое количество фиктивных бланков документов, печатей и штампов различных учреждений;

— советские деньги в сумме 429 тысяч рублей.

В ночь на 5 сентября 1944 года Покровские на этом специально оборудованном самолете были переброшены в Смоленскую область. При посадке самолет потерпел аварию и взлететь не смог. Покровские на мотоцикле направились в Москву, но благодаря бдительности колхозников, наблюдавших неудачную посадку самолета и сообщивших об этом в органы госбезопасности, были задержаны недалеко от места высадки. После следствия по делу Покровских было решено включить изъятую у них рацию в радиоигру с использованием Покровской для работы на ключе. Связь с противником установили с большим опозданием, потому что Покровский вел себя на следствии неискренне, и для выяснения интересующих советскую контрразведку вопросов потребовалось значительное время.

Чтобы объяснить противнику причины столь длительного отсутствия связи, было решено создать впечатление, что Покровская давно пытается установить связь, но не может это сделать из-за слабой технической подготовки. Легенда выглядела вполне правдоподобно, так как там знали, что Покровская — неквалифицированный радист.

Упоминавшийся уже бывший сотрудник главного управления имперской безопасности Джон по этому вопросу показал:

> «Впервые связь с Л-4 удалось осуществить только через месяц после высадки. Радиосвязь осуществлялась с большим трудом, так как жена Покровского получила слишком слабую подготовку. Она неправильно включалась, путала код, передавала слишком медленно и длинные радиограммы».

Перед радиоигрой была поставлена задача вынудить врага на бездействие, чтобы он, веря обещаниям Покровского выполнить данное ему задание, не готовил и не направлял в Москву агентуру с аналогичной миссией.

Поэтому в ходе радиоигры «Туман» противнику внушалось, что Покровский принимает активные меры к установлению связей, чтобы с их помощью получить серьезную агентурную информацию и подготовить условия для выполнения задания. Немцы не сомневались, что Покровский действует в соответствии с полученными инструкциями и были уверены в успешном осуществлении задуманной акции. Об этом, в частности, свидетельствовали показания того же Джона: «После прибытия в Москву Покровский пытался установить связь со своими влиятельными друзьями и знакомыми, но в первое время не мог их найти. В дальнейшем он радировал, что нашел некоторых своих друзей, с которыми установил контакт. Покровский сообщил, что Краус не должен беспокоиться».

До самой капитуляции фашистской Германии противник был уверен, что Покровский работает на германскую разведку. Таким образом, поставленная задача была успешно выполнена.

Сводка погоды

После освобождения Симферополя частями Красной Армии в управление «Смерш» 4-го Украинского фронта явились добровольно два агента германской разведки Оганесян и Торлакян. Они рассказали, что оставлены в районе Симферополя германской разведкой для проведения шпионской работы в составе разведывательной группы в количестве 6 человек. Принятыми мерами розыска трое участников группы были арестованы, а четвертый участник, как выяснилось позже, бежал из Симферополя вместе с немцами.

Группа получила задание осесть в районе Симферополя и приступить к сбору шпионских сведений о частях Красной Армии, их дислокации, о наличии аэродромов в районе Симферополя и всего Крыма.

Для выполнения задания агенты были снабжены 4-мя портативными коротковолновыми радиостанциями, 240 тысячами рублей, запасом продовольствия на 3 месяца, личным оружием и необходимым запасом фиктивных документов.

Включив одну из раций в игру, условно названную «Филиал», по ней первое время передавалась военная дезинформация по заданию Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба Красной Армии. В дальнейшем сообщили, что участники группы установили связь с двумя бандгруппами общей численностью в 8 человек, состоящими из крымских татар, которые согласны работать, но нуждаются в помощи. На этой основе были затребованы документы, деньги, батареи для рации. Заинтересовавшись перспективой успешной работы, немцы в ночь с 22 на 23 декабря 1944 года на обусловленное место сбросили агента-связника германской разведки «Алиева» и 4 баллона с грузом, в которых находилось 527187 рублей, питание для рации, географическая карта Крыма, большое количество разных фиктивных документов.

В процессе дальнейшей радиоигры в начале февраля 1945 года противник неожиданно радировал:

> «С каждой радиограммой передавайте сведения о погоде: солнце, дождь или снег, небо ясное или на четверть, наполовину или на три четверти покрыто облаками, температура по Цельсию, при этом указывайте час установления температуры. Передавайте точно, ибо это очень важно для нас. Привет».

Этот запрос, несомненно, был вызван тем, что в Крыму в то время работала Конференция руководителей трех держав, и немцы вероятно, и хотели нанести бомбовый удар по дворцу в Ливадии, где происходили заседания.

Для пресечения намерений врага в течение всего периода работы Конференции немцам передавались сведения об исключительно плохой погоде (сплошная облачность, снег, ветер), расчет был такой: в такую погоду германское командование не рискнет послать в район Крыма авиацию.

Новая тактика

В сентябре 1944 года германская разведка забросила на территорию Смоленской области разведывательно-диверсионную группу в количестве 16 человек, которая должна была действовать в районе железнодорожной станции Нелидово. Группа была включена в радиоигру. Но так как передавать дезинформационные сведения из района станции Нелидово было нецелесообразно, советская контрразведка приняла решение провести комбинацию по перемещению группы в район Ржева. Необходимость этого объяснялась так:

«Приземлились неудачно, ветром всех сильно разбросало. Со мной 8 человек, где остальные, в том числе мой заместитель, не знаем, груз не найден. В целях предосторожности меняю район работы. Следующая связь с нового места».

Руководитель группы — изменник Родины Николаев и четыре других агента являлись участниками «Народно-трудового союза» (НТС).

Начиная радиоигру, условно названную «Янус», советская контрразведка ставила задачу перехватить каналы связи германской разведки и работавших на нее антисоветских организаций, вызывать на территорию СССР опытных агентов с целью их ареста.

С нового места — лесной массив юго-западнее железнодорожной станции Оленино, — было сообщено, что агенты, изучив обстановку, столкнулись с большими трудностями в работе и главным образом потому, что пропаганда взглядов НТС не находит поддержки у местного населения. Было также передано, что сложившаяся обстановка вынуждает группу отсиживаться в лесах и ограничиваться эпизодическими вылазками для совершения диверсий.

Тактика была рассчитана на то, чтобы заставить руководителей НТС раскрыть свои организационные связи в советском тылу или прислать в качестве пополнения людей, способных вести пропаганду новых идей. Замысел осуществился.

В ночь на 21 декабря 1944 года в условленном районе были сброшены 4 агента, неоднократно выполнявшие задания германской разведки, и груз, в котором находилось 4 пулемета, 4 автомата ППШ, 20 винтовок, 7 пистолетов, 14 ящиков патронов, 1300 кг взрывчатки, две тысячи экземпляров различных бланков фиктивных документов, 100 тысяч рублей, батареи для радиостанции, обмундирование и продовольствие.

Старший группы имел для Николаева два письма от

сотрудника германской разведки подполковника Арнольда и письмо от руководства так называемой «Советской социалистической партии». В последнем сообщалось, что в советский тыл с соответствующим заданием сброшен известный Николаеву по совместному обучению в разведывательной школе Васильченко, не сумевший по неизвестным причинам наладить радиосвязь.

Предполагая, что у Васильченко испортилась радиостанция, руководство ССП предложило Николаеву в определенные числа каждого месяца посещать почтамт в городе Минске, чтобы там по паролю установить личную связь с Васильченко и его группой. В действительности Васильченко и его группа уже были арестованы и находились под следствием.

Заслуживает внимания организация встречи и задержания сброшенных диверсантов. Она была осуществлена следующим образом. Группа захвата состояла из трех оперативных работников и десяти бойцов и офицеров батальона охраны управления контрразведки Московского военного округа.

Использовавшиеся в радиоигре старший агентурной группы Николаев и агенты-радисты Поляков и Крылов к участию в операции допущены не были. Это обстоятельство? естественно, усложняло задачу выяснения у прибывающих агентов интересующих советскую контрразведку данных: не встретив после приземления своих и оказавшись в окружении незнакомых людей, агенты заподозрят, что они попали в руки контрразведки, и потому могут вести себя неоткровенно.

Поэтому встал вопрос, как вызвать прибывающих агентов на откровенность, убедить их в том, что они, несмотря на отсутствие Николаева и других известных им участников группы, попали к своим? Прежде всего, необходимо было выяснить, имеют ли агенты условные пароли на случай провала группы Николаева.

Был разработан план проведения операции, который в основном был реализован.

В условленном месте и в заданное время зажгли костры. И вот над площадкой появился вражеский самолет Ю-252. Заметив сигналы, он снизился и прошел над кострами. Началась выброска. В первые два захода сбросил 60 тюков с грузом, а в третий заход — 4 агентов. После этого самолет сделал разворот и взял курс на Запад.

Агенты приземлились в 50 метрах от костров, на опушке леса, в секторах наблюдения постов № 7, 8, 10. Они тут же были задержаны. Вот как об этом рассказывает старший поста № 10:

«При третьем заходе самолет сделал крен над нашим постом. Вскоре я заметил, что от самолета отделился один парашютист,

затем другой, третий и четвертый.

Один парашютист приближался к земле в нашем секторе, остальных относило направо, к 7 и 8 постам. Я приказал сержанту Трошкину следовать за мной, и мы побежали к месту, где должен был опуститься парашютист. Как только парашютист упал, мы побежали к нему, и я скомандовал: «Руки вверх!». Трошкин наставил на него автомат. Парашютист сел и поднял руки вверх. На мой вопрос: «Кто? — он ответил: «Свои». Я спросил: «К Николаеву?». Парашютист улыбнулся и радостно сказал: «Да, да, к Николаеву, нас четверо». На вопрос о пароле парашютист ответил, что про пароль ему ничего не известно. После этого я стал обезоруживать парашютиста. Убедившись, что оружия у него больше нет, я предложил ему опустить руки и заложить их за спину. Когда он выполнил это, я связал ему руки. Парашютист сказал: «Зачем, мы же свои».

Я ответил, что это еще не ясно, потому что пароля он не знает и что в «штабе» во всем разберутся.

По дороге в «штаб» парашютист поинтересовался, здесь ли Николаев. Я ответил, что Николаева нет, но есть его заместитель. Таким образом, были задержаны и остальные диверсанты. Операция продолжалась 20 минут. В «штабе» связанные парашютисты были представлены руководителю оперативной группы, выступавшему в качестве заместителю Николаева.

— Старший есть? — спросил руководитель оперативной группы, обращаясь к парашютистам.

— Я, — ответил мужчина, одетый в форму офицера Советской Армии (с погонами майора), и выступил немного вперед.

— Фамилия?

— Горбатов, — последовал ответ.

— Все остальные — это ваши люди?

— Да.

— Они знают, кто их направил, куда и с какой задачей?

— Да, знают.

— Капитан, — обратился руководитель оперативной группы к стоящему рядом оперативному работнику, — разъедините этих людей и поговорите с каждым в отдельности: кто они, откуда прибыли, кто их направил. Кроме того, проверьте, выполнены ли мои указания о соблюдении осторожности к боевой готовности лагеря, выставлены ли дозоры. В случае опасности немедленно доложите. Я буду здесь.

— Есть! — ответил капитан и с помощью двух офицеров вывел парашютистов из «штаба».

Оставшись наедине с Горбатовым, руководитель оперативной

группы заявил:

— Ну, Горбатов, давайте разберемся во всем по порядку. Вы утверждаете, что Вы и Ваши люди являетесь нашими единомышленниками и прибыли как пополнение. Так ли это?

— Да, это так, — ответил Горбатов.

— Какой пароль вы получили для связи с нами?

— Никакого пароля нам не дали. Мюллер сказал, что Николаев знает все и ждет нас.

— Это верно, что мы вас ждали, — заметил оперативный работник, — но Николаев сказал мне, что прибывающие должны обязательно иметь пароль. Об этом Николаеву сообщили по радио. Поэтому странно, что вы не имеете пароля. Это очень подозрительно. Скорее всего, вы не единомышленники наши, а просто-напросто провокаторы. Прекратите-ка эту игру, все равно нас не проведешь!

— Я могу чем угодно поклясться, что мы те самые люди, которых вы ждали. С паролем произошло, видимо, какое-то недоразумение, — ответил Горбатов.

Оперативный работник продолжал:

— Согласитесь сами, Горбатов, что для нас было бы непростительной ошибкой, если бы вы верили каждому встречному на слово. Может быть, вы действительно наши люди, но все равно приказ начальника, в данном случае Николаева, является для меня законом. Поскольку вы не знаете пароля, я вынужден буду до прибытия самого Николаева держать вас и ваших людей под охраной. Кстати, лично Николаева вы знаете?

— Нет, лично Николаева я не знаю.

— Ну, вот, видите, вы даже не знаете Николаева, как же вам можно верить! — заметил оперативный работник и, подумав немного, спросил: — А кого же вы знаете из членов нашего отряда?

— Лично я никого из вашего отряда не знаю, но Лукашов и Шарипов из моей группы хорошо знают самого Николаева и всех остальных, — ответил Горбатов.

— Хорошо, все это мы выясним, с ними уже говорят на эту тему, — сказал оперативный работник. — Но чем же вы-то как старший группы можете доказать, что все прибывшие действительно являются нашими людьми?

Отвечая на этот вопрос, Горбатов стал подробно рассказывать о разведывательно-диверсионной школе, о подготовке его группы к заброске в тыл Красной Армии, назвал фамилии преподавателей, сотрудников германского разведывательного органа. Заканчивая, сказал:

— Если бы я не был там, то разве мог бы все так подробно

рассказать? Уверяю вас, что мы не подведем и опасаться вам нечего.

— Рассказ ваш действительно похож на правду, — заметил оперативный работник, — но, тем не менее, без Николаева я ничего сделать не могу.

Немного подумав, оперативный работник продолжал:

— Или вот что… завтра мы будем связываться с центром по радио, запросим инструкции, что прикажете передать от вас?

— Вот это хорошо, — оживился Горбатов, — сообщите, что мы прибыли и назовите наши фамилии, вам ответят, что мы вас не обманываем, и тогда все будет в порядке.

— Ну, а что вы лично должны сообщить по нашей радиостанции? — спросил оперативный работник.

— Об этом мне ничего не говорили.

— Среди вас есть радисты?

— Нет.

— Какая же задача поставлена перед вами?

— Мне и моим людям сказали, что нас забросят в расположение вашего отряда как пополнение. Наши конкретные задачи определит Николаев.

— И это все?

— Кроме того, мне было поручено доставить лично Николаеву три секретных пакета, которые у меня отобрали при обыске ваши люди, и сброшенный вместе с нами груз. Других заданий мы не имеем.

В конце беседы, когда все уже было ясно, оперативный работник заявил:

— Все это, Горбатов, хорошо. Я склонен верить, что вы не провокаторы. Но раз вы не знаете пароля, то без согласия Николаева я не могу разрешить вам и вашим людям находиться в нашем лагере на свободе. Чтобы ускорить выяснение этого недоразумения, мы попытаемся завтра связаться с центром, однако ответ может прийти не раньше, чем через 5 дней. Есть и другая возможность, завтра я отправлю нарочного с сообщением о случившемся. Если хотите, чтобы все выяснилось раньше, то напишите на имя Николаева личные рапорты с указанием, кто вы такие и почему прибыли без пароля. Эти рапорты нарочный передаст Николаеву, и я думаю, что дня через два вопрос разрешится. А пока я вынужден содержать вас под арестом. Поймите, это необходимо, и объясните своим товарищам.

— Ну, что же, раз так, то ничего не поделаешь. Я понимаю, что от вас это не зависит, в вашем положении я поступил бы точно также. Мы будем терпеливы.

На другой день прибывшие агенты написали на имя

Николаева рапорты, в которых для доказательства того, что они действительно агенты германской разведки, дали подробное описание разведывательно-диверсионной работы и школы, преподавательского и офицерского состава, обучавшейся агентуры и обслуживающего персонала. Вот рапорт одного из участников группы на имя Николаева:

«Я, Харьков Борис Вениаминович, псевдонимы мои — Попов Борис Васильевич и Терехин Иван Иванович, сообщаю о моем прибытии к вам. Всего нас прибыло четыре человека. Вылетая, мы были твердо уверены, что нас встретят как своих единомышленников, но оказалось, что нам не верят, спрашивают пароль. По чьей вине произошло это досадное недоразумение, я не знаю, но заверяю вас, что перед вылетом зондерфюрер Мюллер сказал, что мы летим в ваше расположение и никаких паролей не надо. В подтверждение того, что мы действительно те, за кого себя выдаем, я могу называть всех, кого знаю, а именно: подполковника Арнольда, у которого я был в штабе 28 октября, где совместно с зондерфюрером Зальпиусом писал письма для групп Хлудова и Каменева (радиоигра «Десант»). По Стрелкау я знаю Огнева, проводившего у нас занятия в Кирхдорфе, унтер-офицера Разанецкого, лейтенанта Боргина, капитана Павлова, Каюкова и других. О том, каким путем надо сообщить о нашем прибытии к вам, зондерфюрер Мюллер ничего не сказал».

24 декабря 1944 года в лагерь прибыли автомашины, чтобы перевезти парашютистов и груз в Москву. Задержанных предупредили, что Николаев из-за срочной работы сам явиться в лагерь не может, а прислал автомашины и требует перебазировать весь лагерь к нему. И только во внутреннем дворе тюрьмы агенты узнали, что они арестованы органами советской контрразведки…

На холмах Грузии

9 июля 1943 года германская разведка забросила на территорию Чиатурского и Амбролаурского районов Грузинской ССР, снабженных рацией 7 агентов-парашютистов, бывших военнослужащих Красной Армии и грузин по национальности. Прошедшие специальную подготовку в разведывательном органе «Цеппелин», они должны были наряду со сбором шпионских сведений в нашем тылу, принять активное участие в подготовке восстания на территории Грузинской ССР. Первоочередной задачей группы было проникновение в район Тбилиси, оседание там и развертывание работы по привлечению на свою сторону националистически настроенных лиц из числа местных жителей.

Прикомандированные к «Цеппелину» грузинские эмигранты рекомендовали руководителю группы Жоржу связаться в Тбилиси с одним профессором медицины. На его помощь агенты могли рассчитывать, потому что он в прошлом сочувствовал меньшевикам.

Включение радиостанции этой группы в игру позволяло вызывать на советскую сторону опытных агентов и эмиссаров германской разведки из числа грузинских эмигрантов.

В первой радиограмме сообщили, что агенты приземлились в скалистой местности. В результате двое ранены, один разбился, а судьба остальных неизвестна. Это сообщение, во-первых, оправдывало 15-дневное молчание, во-вторых, давало возможность просить о помощи. В ответной радиограмме немецкие разведывательные органы сами спросили, какая помощь нужна агентам. Ответив, что желательна помощь людьми, советские контрразведчики сообщили о намерении агентов добраться до Тбилиси, установить связь с профессором и воспользоваться его содействием в устройстве на лечение раненых членов группы. К тому времени нашим контрразведчикам стало известно, что профессор лояльно относится к советской власти. Чтобы окончательно убедиться в этом, решили послать к нему старшего группы Жоржа, явившегося сразу же после приземления с повинной. Жорж был соответствующим образом проинструктирован. В результате выяснилось, что профессор — надежный человек, и его можно использовать в радиоигре. После этого в германский разведывательный центр радировали, что агенты установили связь с профессором и заручились его поддержкой в устройстве членов группы на жительство. Положительную реакцию на это сообщение подтвердили перехваченные и расшифрованные

радиотелеграммы, которыми обменялись отдел «Цеппелина» Цет 6, возглавлявший разведывательную и подрывную работу против Советского Союза по линии СД, и его южная команда Цет-Зюд.

Из Осипенко в Берлин:

> «Согласно донесению Веры от 30 июля видно, что Сидоров прибыл в Тифлис. Поэтому вполне возможно, что Вера была неправильно сброшена и следует согласно плану. 15-дневное молчание Веры теперь объяснилось. Ежедневно она проходит по 10 км».

Из Берлина в Осипенко:

> «Относительно вашего № 50 от 17.08.43 г. Конечно, имеется возможность снабжения Веры-1 путем использования группы Веры-2. Один или два самолета прибудут для этой цели, по-видимому, на этой неделе. Подробности известны доктору Рёдеру.
>
> *Оберштурмбаннфюрер Грейфе».*

Чтобы заставить противника ускорить присылку помощи, было сообщено об «утере» агентами при приземлении второй рации, рации Сидорова, и запасного комплекта батарей. Немецкий разведорган дал указание:

«Берегите батареи. Шлем вам пополнение. О дне и часе сообщим».

> Встреча с прибывающими агентами должна была состояться в Тбилиси, в доме профессора. В целях конспирации агенты должны были явиться туда в часы приема больных.

26 августа 1943 года противник передал:

> «На следующей неделе пришлем пополнение. Люди имеют указание обратиться к профессору с паролем «Сулико». Сообщите об этом ему. Шлем продовольствие, деньги и батареи».

Через 5 дней противник сбросил с самолета 6 агентов. Все участники группы оказались бывшими военнослужащими Красной Армии, в разное время они попали в плен и обработаны грузинскими эмигрантами, состоявшими на службе у гитлеровцев. Они имели задание доставить профессору для группы Жоржа деньги, рацию и батареи, после чего

самостоятельно заняться шпионской и иной подрывной деятельностью в Грузии. От эмигрантов Картвелишвили и Вачнадзе группа получила прямое указание готовить восстание в Грузии, используя для этой цели антисоветские элементы, дезертиров и бывших участников бандитских групп. Руководитель группы Борис получил от эмигранта Вачнадзе явку к одному из бывших участников банды Чолокаева в селе Матани Телавского района Грузинской ССР.

Агенты были снабжены фиктивными документами гражданского образца, 6 пистолетами, 3 автоматами, 2 винтовками, портативной коротковолновой радиостанцией, 300 тысячами рублей и различными предметами первой необходимости. Кроме того, они получили от немецких разведчиков чемодан, предназначенный для передачи Жоржу, в котором находилось 400 тысяч рублей, батареи для радиостанции и письменную инструкцию.

В результате тщательного анализа показаний задержанных, а также материалов радиоперехвата был сделан вывод, что радиостанции верят. Включение в игру новой рации, переданной группе Бориса, могло бы больше заинтересовать противника перспективой работы агентов. Однако осуществить это не представлялось возможным, так как шифр, код и установочные данные по радиосвязи при приземлении были утеряны. Поэтому советские контрразведчики приняли решение включить группу Бориса в радиоигру, осуществляя связь с противником через профессора с помощью рации Жоржа.

16 и 19 сентября 1943 года в немецкий разведцентр от имени Жоржа были переданы следующие радиограммы:

> «Письма, батареи, деньги, оставленные кем-то 5 сентября у профессора, мне передали позавчера. Спасибо. Письма он прочитал. Принял хорошо. Поцеловал и сказал, что Федю, Фердинанда, он знает. Кто такой Фердинанд?»

> «9 сентября профессор в почтовом ящике на двери нашел письмо для передачи вам. Передаю. Веру-3 вместо Борчало сбросили в лесах, горах Башкичети. Радиста нашли мертвым, похоронили. Как быть? Кто Вера-3? Кто оставил письмо — не знаю. Что делать?

В ответных радиограммах противник сообщил о награждении членов группы Жоржа медалями «За храбрость» и передал, что слово Фердинанд является паролем для Жоржа и профессора. В отношении группы Бориса от немецких разведчиков была

получена следующая радиограмма.

> «Вера-3 — знакомые из Аушвитца. Оставьте профессору письмо. Отдайте ему ваши батареи с аппаратом для Фердинанда. Останьтесь с ним для связи, чтобы мы могли присылать вам дальнейшие известия и помощь. Привет от Гунна и камрадов».

В последующем противнику регулярно передавались радиограммы от имени Жоржа и Бориса. Одновременно с донесениями об активной работе группы Жоржа по подготовке «восстания» в Грузии противнику регулярно передавалась дезинформация военного и политико-экономического характера, а также сообщалось об активной работе группы Жоржа по насаждению в Тбилиси агентуры и организации опорных пунктов в близлежащих селах. В частности, было сообщено о привлечении к работе трех местных жителей. Кроме того, от имени Жоржа противнику радировали, что в некоторых сельских районах осуществлены вербовки агентов. От имени Бориса передавалась информация о создании надежных опорных баз в различных районах Грузии, установлении связи с националистами, дезертирами и бандами.

Для того, чтобы противник как можно скорее прислал группе Бориса агента-радиста, в передаваемых радиограммах сообщались только краткие сведения о про деланной работе. Фамилии и адреса, якобы, вновь завербованных агентов не указывались, так как радиограммы противнику передавшись через станцию Жоржа, с которым Борис отказался вступить в непосредственную связь.

Полученные сведения убедили немцев в наличии широких возможностей для проведения шпионской и иной подрьвной работы группами Жоржа и Бориса, и 17 января 1944 года они передали радиограмму:

> «Немедленно сообщите о подобранном месте для приземления парашютистов, адреса доверенных лиц и баз укрытия людей и груза. Помощь пришлем не раньше чем в конце февраля. Друзья доставят план и сообщение о военном и политическом положении».

В соответствие с разработанным планом противнику была послана радиограмма с указанием мест приземления парашютистов и груза, и явочного адреса. Сообщив требуемые данные, наши контрразведчики начали легендировать разряжение батарей, указав на опасность потери связи. Германский

разведцентр ответил:

> «В случае прекращения связи ни о чем не беспокойтесь. Помощь все равно будет оказана. Ждите в условленном месте».

7 марта 1944 года немецкий центр передал радиограмму:

> «Группа, которая доставит вам помощь, в дороге. О дне прибытия ничего не сообщаем — все зависит от погоды. Группа знает, как вас найти».

В ночь на 12 мая 1944 года неприятельский самолет сбросил на парашютах в условленном районе 4 агентов, у которых при аресте было изъято 780 тысяч рублей, 12 автоматов, 9 винтовок, 14 пистолетов, 3 тысячи боевых патронов и 30 ручных гранат. От своих хозяев группа получила задание — вербовать из местных жителей специальную агентуру и осторожно через нее проверить преданность немецкой разведке группы Жоржа. При положительных результатах связаться с ней, передать деньги, оружие, снаряжение и поступить в распоряжение Жоржа. Если же будет установлено, что Жорж работает под диктовку органов советской контрразведки, то группа должна сообщить об этом, и, не связываясь с Жоржем, самостоятельно развернуть антисоветскую работу на территории Грузии. Для выполнения задания группа была снабжена рацией, которую она потеряла при приземлении. Арестованные показали, что в связи с отдаленностью линии фронта от Грузии многие грузинские эмигранты считают дальнейшую заброску шпионских групп на территории Грузии бесцельной, так как в подобных условиях они обречены на гибель.

В целях предотвращения дальнейшей подрывной деятельности разведки противника в Грузии, перехвата ее канала связи с местной националистической агентурой, вскрытия возможных подпольных резидентур, а также для вызова и последующего ареста новых опытных агентов и эмиссаров было принято решение радиоигру «Разгром» продолжать. Противнику сообщили о бдагополуч ном прибытии пополнения. Получив такое сообщение, он в ответных радиограммах выразил благодарность агентам за преданность и хорошую работу и сообщил, что обещанная помощь, несмотря на создавшиеся трудности, будет оказана. Для еще большего укрепления авторитета радиостанции немцам послали сообщение, что агенты организовали дополнительную надежную базу в районе Кабулетти. Ввиду того, что линия фронта отодвигалась,

радиосвязь с вражеским центром стала нерегулярной, К тому же из-за плохой слышимости радиограммы приходилось повторять по нескольку раз. Радиосвязь могла прекратиться совсем. Учитывая это, немецкий разведывательный орган радировал:

> «С профессором держите крепкую связь. Батареи и лампы получите в начале сентября. Сообщите имена, фамилии и места работы вновь завербованных друзей».

Ссылка на укрепление связи с профессором показывала, что противник сомневается в возможности продолжения нормальной радиосвязи. Надо иметь в виду то, что радиоцентр германской разведки к этому времени передислоцировали в Дрезден. Чтобы не вводить в радиоигру новых людей и закрепить ранее подставленные германской разведке явочные адреса, было решено воздержаться от сообщения противнику других явочных адресов и легендировать невозможность передачи радиограмм из-за плохой слышимости. Такие меры в значительной степени облегчали организацию мероприятий по перехвату агентуры иностранной разведки и в случае ее явки по подставным адресам. Вскоре радиоигра была прекращена.

С Кораками па парашютах

Большой оперативный интерес представляла радиоигра, условно названная «Тростники», начатая от имени группы агентов-казахов по национальности. Они имели задание поселиться на жительство в городе Гурьеве Казахской ССР и среди лиц казахской национальности проводить агитацию за отделение среднеазиатских советских республик от Советского Союза, создание из них так называемого самостоятельного «Туркестанского государства». В задачу группы входило также собирание и передача шпионских сведений о Красной Армии, военной технике и промышленности. Группа была снабжена двумя приемно-передающими коротковолновыми радиостанциями, деньгами в сумме 200 тысяч рулей, антисоветской литературой, оружием и фиктивными документами.

Целью радиоигры была парализация подрывной деятельности немецких разведывательных органов на территории Казахской ССР. Противнику сообщили о благополучном приземлении агентов и о том, что они приступили к выполнению задания.

В ответ на предложенную помощь, чтобы не вызвать подозрений, пришлось сообщить:

> «Сейчас нам ничего не посылайте, помощь потребуется позднее. Подбираем нужных людей».

В последующих радиограммах сообщалось, что агенты «привлекали» «на свою сторону одного местного жителя, сторонника создания самостоятельного «Туркестанского государства», который имеет единомышленников в различных городах Казахской ССР, в том числе и в Алма-Ате. Легенда была рассчитана на то, чтобы заинтриговать возможностями осуществления намеченных «Цеппелином» мероприятий.

Разведка противника проявила большой интерес к работе агентов и дала указание создавать как можно больше надежных опорных пунктов в различных районах, чтобы в дальнейшем использовать их в качестве опорных баз для новых агентурных групп. Радиоигра приняла, таким образом, нужное для нас направление.

Первую попытку получить помощь наша контрразведка предприняла в апреле 1944 года.

> «Нузманов встречался со своими друзьями в Алма-

Ате. Нужна литература, особенно Коран. Все, что имели, израсходовали. Требуется помощь».

В ответ немецкий разведцентр потребовал сообщить адрес, куда могли бы явиться курьеры. После получения адреса явочной квартиры противник в ночь на 3 мая 1944 года в районе города Гурьева выбросил восемь агентов во главе с Алимовым. Все агенты, бывшие военнослужащие Красной Армии, в разное время попавшие в плен к врагу, где были затем завербованы германской разведкой и подготовлены для подрывной работы на территории Казахской ССР. Агенты имели задание установить связь с группой «Тростники» и, используя полученные от нее сведения о положении в районах ее пребывания, выбрать удобное место и приступить к самостоятельной работе по подготовке баз для организации вооруженного восстания на территории Казахстана. Они были снабжены фиктивными документами, радиостанцией, огнестрельным оружием, советскими деньгами, обмундированием, продовольствием и пр.

С помощью принятых оперативных мер, советская контрразведка полностью ликвидировала группу Алимова. В ходе операции 5 агентов, в том числе старший группы и старший радист, были убиты. Поэтому использовать группу Алимова в радиоигре не представлялось возможным. Учитывая это, в последующих радиограммах, переданных противнику через станцию «Тростники», как и прежде, подчеркивалась активная работа агентов, а о группе Алимова не упоминалось вообще. Не получив никаких известий непосредственно от группы Алимова, через две недели немцы прислали радиограмму:

«Сообщите срочно, приходили ли к вам с паролем наши люди?»

Ответили, что никто не приходил, и попросили разъяснить, чем вызван такой неожиданный вопрос, не случилось ли что-нибудь и неопасно ли агентам и дальше оставаться на старом месте. Противник, успокаивая агентов, сообщил, что скоро пришлет людей, которые принесут все необходимое для последующей работы.

Ждать пришлось недолго. В ночь на 11 июня 1944 года немецкий самолет выбросил в районе города Гурьева еще трех агентов-курьеров, имевших задание соединиться с группой «Тростники». После приземления один из агентов по заданию старшего группы отправился в город Гурьев для установления связи с группой, а двое других остались на месте приземления. Посланный курьер до явочной квартиры дойти не смог, так как в

пути был задержан патрулем. На допросе он сознался в принадлежности к немецко-фашистской разведке и указал местонахождение других агентов. При аресте у курьеров были изъяты 500 тысяч рублей, батареи для радиостанции, 100 экземпляров Корана и фиктивные документы. Все это предназначалось для передачи группе «Тростники».

В очередной радиограмме от имени агентов поблагодарили германскую разведку за помощь, В ответ противник пожелал успехов в совместной работе обеих групп. После этого удалось передать германскому разведывательному центру только несколько радиограмм, в которых сообщалось об успешной работе агентов по распространению Корана. Потом радиосвязь резко ухудшилась, а 28 августа 1944 года была совсем потеряна, так как радиоцентр противника переместился в город Дрезден…

Операция «Римская цифра два»

23 мая 1944 года в калмыцких степях в районе поселка Утта приземлился четырехмоторный самолет Ю-290. Он высадил отряд диверсантов в количестве 24 человек под командой капитана немецкой армии Кваста. К месту посадки были срочно вызваны истребительная авиация и вооруженные оперативные группы. Завязался бой, во время которого удалось поджечь вражеский самолет. При перестрелке 4 диверсанта и 3 военнослужащих немецкой армии из состава экипажа были убиты, а остальные взяты в плен.

Следствием по делу захваченных диверсантов было установлено, что отряд Кваста имел задание создать в калмыцких степях базы для намеченных к переброске воздушным путем 36 эскадронов калмыцкого корпуса доктора Долля и подготовить посадочные площадки для самолетов, организовать радиоцентр для приема сообщений от агентурных радиостанций германской разведки малой мощности, действовавших в восточных районах Советского Союза. Противник рассчитывал на то, что корпус Долля, опираясь на антисоветские элементы, сможет поднять восстание. Отряд Кваста был снабжен мощной радиоаппаратурой, оружием, картами Калмыкии, аэродромными фонарями, фиктивными документами и бланками, запасом продовольствия. Пулеметы, винтовки, автоматы, боеприпасы, деньги и обмундирование противник намеревался доставить 27 мая 1944 года вторым рейсом самолета Ю-290.

В день приземления первого самолета отряд диверсантов после неудачных попыток установить двустороннюю радиосвязь с германской разведкой передал вслепую радиограмму. Она согласно договоренности Кваста с немецким разведцентром, должна была свидетельствовать] о благополучной высадке десанта. С наступлением темноты самолет должен был возвратиться в Румынию. Радист немецкого самолета показал, что Ю-290 во время полета, боясь пеленгации советской радиоконтрразведкой, связь со своей базой не поддерживал, поэтому германская разведка никаких сведений о судьбе самолета и диверсантов не имеет.

Все это позволило принять решение о начале радиоигры и проводить ее от имени захваченных диверсантов и членов экипажа самолета.

Однако возникли два серьезных вопроса: кого привлечь для работы на рации — радистов диверсионного отряда или радиста экипажа самолета? Не рискованно ли использовать в радиоигре

официального сотрудника германской разведки Кваста?

Тщательно обсудив первый вопрос и проанализировав материалы следствия, приняли решение привлечь радиста экипажа старшего лейтенанта германской армии Гансена.

Это решение обосновывалось тем, что радистам отряда диверсантов Осетрову и Мусину разведывательный орган противника давал специальные рекомендации по радиосвязи. И хотя на допросе они заявили, что никаких условных паролей на случай провала у них нет, поверить им было рискованно, тем более на следствии они вели себя неискренне. Гансен, не имея других заданий гитлеровской разведки, никакого пароля на случай провала не получал, поэтому использовать его в качестве радиста можно было без особых опасений. К тому же к Гансену, офицеру германской армии, подданному Германии, сыну владельца торговой фирмы колониальными товарами в Гамбурге, противник должен был отнестись с большим доверием. Участие Гансена оказало положительное моральное воздействие и на руководителя отряда Кваста.

После соответствующей обработки Кваст и Гансен включились в радиоигру, получившую условное название «Арийцы». Радиоигру начали 29 мая 1944 года из поселка Яшкуль.

Кваст и Гансен находились в специально охраняемом помещении. Во время сеансов связи велось тщательное наблюдение за работой радиста, который был предупрежден, что в случае передачи сигналов о провале (открытым текстом или международным знаком) он будет привлечен к ответственности по советским законам военного времени.

30 мая 1944 года противник получил первую радиограмму:

> «В 4.55 по московскому времени — посадка. З 12.40 — атака русских истребителей. Ю. — уничтожен. Необходимое снаряжение спасли. Нет воды и продуктов. 7 человек убиты, в том числе радист Мусин, лейтенант Вагнер, обер-фельдфебель Миллер. Осетров ранен. Находимся в районе Яшкуль. Обстановка благоприятная, связались с партизанами, охрана обеспечена. Разведка калмыков узнала, что посадку Ю. заметили русские и прислали истребитель. Ошибка Ю. — посадка совершалась днем и была очень длительной, надо садиться ночью. Площадку готовим. До полного выяснения обстановки активных мер не принимайте. Слушаю вас по плану. Прошу указаний.

Кваст».

Несмотря на предупреждение Кваста, в первую же ночь над указанным районом нахождения отряда появился вражеский самолет Ю-252 и в течение часа кружился, подавая световые сигналы. Считая, что самолет был специально направлен фашистской разведкой для обследования района и проверки правильности полученного от отряда сообщения, советские контрразведчики не приняли никаких мер к уничтожению вражеского самолета. Это должно было убедить противника в том, что отрад Кваста действительно перебазировался в другое место и органами советской контрразведки не используется. Полученные на другой день радиограммы подтвердили это предположение. Вот их содержание:

> «Для Кваста. Поздравляем. Принимаем меры для развития операции. Исполним указания, которые ожидаем от вас. Операция «Римская цифра II» готовится. Сообщите начало операции.
>
> *Начальник органа».*
>
> «Ночью 30 мая у вас был Ю-252 для помощи. Вас не нашел. Собственные имена и названия местности необходимо шифровать два раза. С этого момента только нормальные часы связи. Вскоре подбросим радистов. Всем привет. Ни пуха ни пера!
>
> *Капитан».*

Операция «Римская цифра II» означала переброску в калмыцкие степи вооруженного калмыцкого корпуса. Завязка, таким образом, получалась весьма интересной. Продолжая сообщать о благоприятных условиях для развития операции, наши контрразведчики дали знать противнику, что отряд установил связь с пятью мелкими бандитскими группами и бандой Огдонова, действовавшей в степях, указал точное месторасположение отрада Кваста и потребовал помощь. В радиограмме немцам говорилось:

> «Благодарю за поздравление. Желательно, чтобы вы прислали радистов Захарова, Блока, Косарева, Майлера. Сложные условия связи требуют присылки наиболее квалифицированных радистов. Осетров ранен в живот,

находится без сознания, безнадежен.

Разведка встретила 5 мелких «партизанских отрядов» без боеприпасов. Огдонов имеет 85 плохо вооруженных всадников. Не мог собрать вокруг себя мелкие группы. Необходимо авторитетное руководство. Первым самолетом пришлите продукты, деньги, два комплекта посадочных фонарей, боеприпасы, оружие, радистов. Когда ждать самолет? Лагерь — в шести километрах северо-восточнее Бор-Цари в разрушенных постройках, рядом площадка.

Кваст».

Получив подробные данные о посадочной площадке и сигнальных огнях, 9 июня 1944 года противник прислал радиограмму:

«Самолет прилетит, вероятно, в ночь на 11 июня. Посадка — при соответствующем обозначении площадки. Опознавательный знак и окончательное решение последуют.

Капитан».

Днем 11 июня Арийцы получили сообщение об опознавательном знаке и предупреждение:

«Самолет ожидайте сегодня ночью».

И действительно в ночь на 12 июня 1944 года над указанным местом появился четырехмоторный самолет Ю-290. После обмена условными сигналами с самолета было сброшено на парашютах 5 агентов и 20 тюков груза. Затем, сделав заход, он пошел на посадку, чтобы принять на борт экипаж сгоревшего самолета. Сев на площадку-ловушку, самолет попал колесами шасси в замаскированные ямы. Обнаружив западню, экипаж самолета открыл стрельбу из орудий и пулеметов. Оперативная группа ответила пулеметным огнем. Вскоре самолет загорелся от ручной гранаты, брошенной одним из советских контрразведчиков. Сгорели правая часть самолета, два мотора, а также оставшийся в нем груз. Парашютист-радист Сампилов разбился при приземлении, остальные члены экипажа и сброшенные парашютисты были захвачены. На другой день в германский разведывательный орган была послана радиограмма: «Машина не прибыла. Почему? Кваст», Потеря второго самолета Ю-290

очевидно, заставила противника задуматься над вопросом: не работает ли от имени Кваста советская контрразведка. Чтобы проверить свои подозрения немцы передали радиограмму, на которую ответить мог только Кваст. Вот ее текст:

> «Немедленно составьте новый шифровальный лозунг из 31 буквы: имя вашей дочери, имя сына, первая К., место нахождения вашего отца, написанное с ТЦ, фамилия унтер-офицера в школе, еще раз имя вашей дочери.
>
> *Капитан».*

Сотрудники германского разведывательного органа считали, что без участия Кваста советским контрразведчикам не удастся составить новый шифровальный лозунг. В Квасте же они были уверены и исключали возможность использования его в игре.

Доверие было восстановлено, и радиоигра продолжалась. Германский разведывательный орган радировал: «Машина не вернулась. Очевидно, несчастный случай. Не исключена возможность пленения экипажа. На допросе может быть выдано ваше расположение и цель прилета. Предлагаю скорее передислоцироваться с помощью Огдокова, присутствие которого к тому же поднимает дух у людей. После сообщения о прибытии на новое место получите дальнейшие указания. Майор».

В германский разведорган посылались радиограммы с требованиями ускорить присылку обещанного груза. Но вместо оказания немедленной помощи немцы продолжали высказывать сочувствие Квасту, успокаивали агентов и просили держаться во что бы то ни стало. Можно было предположить, что фашисты боялись посылать новый самолет, да и в успех операции уже мало верили.

Чтобы выяснить, намерены ли они прислать немедленную помощь, радировали:

> «Начальнику центра. Положение очень тяжелое. Отряд Огдонова разбит, калмыки отказывают нам в помощи. Вынуждены, согласно договоренности, пробиться к повстанцам на Кавказ, а оттуда через Турцию, возможно, в Румынию. Больных и раненых вынужден оставить у калмыков, которым объясню, что направляюсь в Германию, чтобы лично добиться помощи. Прошу прислать ответ в течение 3 дней, так как больше ждать не могу.

Кваст».

Предложение «Кваста» приняли. 18 августа 1944 года наша контрразведка сообщила легенду об уничтожении отряда Кваста войсками НКВД.

> «Сегодня юго-западнее Бергина произошла стычка с отрядом НКВД. Мы без боеприпасов, спаслись только на конях. Мучает жажда и голод. В случае гибели позаботьтесь о наших семьях.
>
> *Кваст».*

А через день с «маршрута» следования отряда Кваста противнику послали сообщение:

> «Начальнику центра. Калмыки изменили, мы остались одни без боеприпасов, продуктов и воды. Гибель неизбежна. Предотвратить ничего не можем. Свой долг мы выполнили до конца.
>
> *Кваст».*

20 августа передача радиограмм была умышленно прервана, чтобы дать понять противнику, что с отрядом Кваста что-то случилось. Радиоигра закончилась.

«Трезуб» и «Антенна»

Важное значение разведывательные органы фашистской Германии придавали работе среди украинских националистов, надеясь на создание надежных опорных баз и вооруженных формирований, способных оказать гитлеровцам помощь в борьбе с Красной Армией.

Как происходило раскрытие замыслов противника и предпринимаемых им действий на территории Украинской ССР показывают радиоигры «Трезуб» в Житомире, «Антенна» и «Волна» во Львове. Полностью завершить их советским контрразведчикам не удалось в связи с капитуляцией Германии.

Радиоигра «Трезуб» была начата 28 ноября 1944 года в Житомире с использованием рации, приданной трем агентам немецкой разведки, выброшенным с самолета в ночь на 21 ноября в районе местечка Дзержинска Житомирской области.

Агенты имели традиционное задание: выявление бандитских групп УПА, установление с ними личного контакта и связи их с немецкой разведкой, обнаружения новых видов вооружения в Красной Армии, подготовки к химической войне и т. д.

Для выполнения задания агенты были снабжены приемно-передаточной радиостанцией, работающей от электросети (на случай работы в полевых условиях, разведгруппа была снабжена генератором), 3 револьверами системы «наган», 3 ручными гранатами и фиктивными документами на собственные имена.

Установив радиосвязь, сообщили о благополучном приземлении группы, надежном ее устройстве в Житомире и начале выполнения полученного задания. Было указано на возможность проникновения агентов в якобы существующую на территории Житомирской области антисоветскую подпольную организацию, связанную с боевыми группами националистов, которым необходима помощь оружием, боеприпасами и людьми.

Наряду с передачей дезинформационных материалов о месторасположении лагерей военнопленных немцев и о численности Житомирского гарнизона, в порядке завязки было сообщено:

> «Случайно встретился со старым знакомым, работает здесь бухгалтером в лесотресте. Человек очень надежный. Советской властью был недоволен до войны. Заявил, что знает много людей, которые борются за Украину без коммунистов. Советует и мне принять в этом участие. Думаю сказать ему все про себя. Как ваше

мнение».

На эту радиограмму 4 февраля 1945 года был получен ответ:

> «Вступите в связь с бухгалтером. Сперва, однако, надо быть особенно осторожным».

22 января немцам было сообщено, что агенты нуждаются в новых документах и деньгах. Была также затребована новая рация. 26 и 31 января противник ответил, что помощь поступит в марте, и запросил точный адрес агентов.

Сообщив явочный адрес в Житомире, советские контрразведчики, продолжая легенду о связи старшего группы с бухгалтером из лесотреста, 7 марта 1945 года радировали:

> «Знакомый из лесотреста является членом организации, борющейся за Украину без коммунистов. По его словам, организация проводит работу среди населения и в армии, а также с вооруженными группами, действующими в районах области. Эти группы немногочисленны, нуждаются в оружии, боеприпасах и командном составе. Срочно сообщите, как мне действовать в дальнейшем. Думаю вступить в организацию. Рассказать ли правду и какую помощь можно обещать».

24 марта 1945 года противник ответил: «Как называется местная организация. В каких районах находятся отряды. Дайте подробные конкретные данные относительно возможной поддержки».

Нужно было втянуть немцев в русло намеченных советской контрразведкой мероприятий. Активизировали радиоигру. 4 и 6 апреля 1945 года отправили радиограмму:

> «Организация называется «Национально-трудовой союз украинского народа». Боевые группы организации скрываются в районах и особенно активно действуют в районах: Андрушевский, Красноармейский, Городницкий, Алешский. Отряды пополняются за счет дезертиров украинцев и местных жителей, ранее служивших в украинской полиции. Для отрядов сейчас необходимо оружие, желательно автоматы, боеприпасы, обмундирование, деньги и опытные руководители из украинцев. Знакомому из лесотреста я дал согласие вступить в организацию, он обещал познакомить меня с

местным руководителем по имени Чернота».

После этой радиограммы связь больше установить не удалось, а с 12 апреля 1945 года вызовы радиоточки прекратились вовсе…

Радиоигра «Антенна» была начата 13 декабря 1944 года. Велась она от имени двух агентов германской разведки, мужчины и женщины, хотя группа состояла из четырех агентов.

Они имели задание: узнать отношение населения к Советской власти после ухода немцев. С этой целью должны были внедриться в украинские националистические организации и выяснить, какие они ставят перед собой задачи, как их поддерживает население и как на это реагируют органы Советской власти.

Для выполнения задания агенты были снабжены радиостанцией, работающей от электросети, динамо-мотором для работы в полевых условиях, каждый был вооружен пистолетом и имел по 50 тысяч рублей. Снабжены были также фиктивными документами военного и гражданского вариантов на собственные имена.

Так как два агента не внушали доверия, решили вывести их из игры с самого начала, в связи с чем 19 декабря 1944 года была передана следующая радиограмма:

> «Приземлились неудачно, лес, овраги, всех разбросало. Нечепурука и Марищука не встретили. Ярослава ушиблась при приземлении, крутить динамо не могла. Для связи с вами пришлось искать электричество. Находимся: во Львове. Что делать?».

На эту радиограмму противник 25 декабря ответил:

> «Оставайтесь так долго, как можете, во Львове, сообщите ваш точный адрес и в чем вы нуждаетесь для успешного проведения работы. Находится ли Львов в подчинении украинской или польской администрации. Желаю скорейшего выздоровления. Известно ли там о нашем успешном большом наступлении на Западном фронте. Сообщите тамошние отзывы».

30 декабря, отвечая на эту радиограмму, мы сообщили противнику явочный адрес и запросили прислать в помощь людей.

> «Пока живем ул. Иоганска (указаны номера дома и

квартиры). Квартира для работы не совсем удобна, вызывайте меня дополнительно еще и в 8 часов. Пришлите человека, который крутил бы динамо и руководителя, без них выполнить ваше задание нам с Ярославой трудно. Львов относится к Украине. О большом успешном наступлении здесь известно».

Одновременно передавались дезинформационные материалы о передвижении частей Красной Армии из Львова в сторону фронта, о дислокации Львовского аэродрома, о действиях УПА во Львовской области.

На все передаваемые материалы противник быстро реагировал, обещая удовлетворить просьбу агентов о присылке помощи. 9 марта 1945 года запросил сообщить место и пароль для встречи с курьерами, на что был дан ответ:

«Друзей могу встретить на квартире, юго-западная окраина г. Львова, ул. Иоганска (первый этаж), спросите Гирченко. Лозунг «Привет от Нины». Сообщите, кто придет и когда ждать».

21 марта 1945 года немцы сообщили, что друзья посланы без пароля. Однако на явочную квартиру никто не явился.

В целях закрепления авторитета радиоточки и повышения интереса к ней, советская контрразведка начала легендировать установление связи агентов с украинскими националистами.

Однако продолжить эту игру не представилось возможным в связи с окончанием войны.

«Коммерсанты» из Гродно

26 ноября 1944 года управлением контрразведка одного из фронтов была начата радиоигра «Коммерсанты», проводившаяся из города Гродно Белорусской ССР. Работа радиостанции велась от имени двух агентов германской разведки Герберта Торнича, немца по национальности, подданного Германии, и Павла Тацкана, молдаванина, гражданина СССР, бывшего радиста Красной Армии, попавшего в плен к гитлеровцам в 1941 году.

Торнич до отступления фашистских войск из Западной Белоруссии занимал должность начальника Радуньского отделения Германского центрального общества торговли с Востоком. Вернувшись в Германию, он в августе 1944 года предложил свои услуги «Цеппелину», который и завербовал его для шпионско-диверсионной работы на территории западных областей Белоруссии. Тацкан до декабря 1943 года находился в лагере для военнопленных в городе Зандберге, где представители «Цеппелина» завербовали его и направили на учебу в разведывательную школу.

Агенты имели задание осесть в районе Гродно и создать резидентуру из националистически настроенной польской молодежи. Резидентура должна была собирать шпионские сведения военного характера, выявлять настроения польского, населения и его отношение к Советской власти и информировать германскую разведку о деятельности польских националистических банд. Им вменялось также в обязанность устанавливать военнослужащих германской армии, скрывавшихся на территории западных областей Белоруссии, и оказывать им содействие в переходе линии фронта.

В целях успешного развертывания шпионской работы разведка противника рекомендовала Торничу широко использовать его связи в западных областях Белоруссии. На первое время Торнич намеревался остановиться у своей знакомой Шавинской, проживавшей в Гродненской области, или у некоего Драпарчука, жившего в Липске, расположенном в 30 километрах от Гродно. Для выполнения задания агенты получили походную генераторную радиостанцию, 100 тысяч рублей, 10 тысяч польских злотых и фиктивные документы.

Перейдя линию фронта, Тацкан сразу же явился в ближайший орган советской контрразведки. Вскоре с помощью Тацкана был задержан и его напарник — Торнич. Советская контрразведка привлекла Тацхана к участию в радиоигре. 2 декабря 1944 года было послано сообщение о том, что Торнич и Тацкан не смогли

остановиться ни у Шавинской, ни у Драпарчука, так как их дома переполнены эвакуированными из прифронтовой полосы, поэтому вынуждены были поселиться у Янковского, проживающего в Гродно.

16 декабря германский разведывательный орган радировал:

> «Радуемся, что у вас все благополучно. Удалось ли завербовать друзей, и кто они? Привет и горячие позравления».

20 декабря 1944 года последовало указание: «Срочно требуются военные сведения из районов Гродно и Белостока. Производится ли концентрация войск, предстоит ли большое наступление? Какие наблюдаются передвижения войск, откуда прибывают новые части?». Одновременно с этим «Цеппелин» запросил: «Сообщите на всякий случай адрес явочной квартиры. Нужна ли вам новая, лучшая рация? Если да, то укажите место выброски. Требуется ли пополнение?»

Чтобы не вызвать подозрений у противника от присылки пополнения отказались, но неоднократно сообщали о трудностях, встречавшихся в работе. Эти трудности объяснялись невыполнимыми требованиями — вести наблюдение за воинскими перевозками одновременно из нескольких пунктов.

Разведывательный орган противника, заинтересованный в получении необходимой информации и в дальнейшей активизации работы группы Торнича, еще раз затребовал адрес квартиры, намереваясь прислать пополнение. Передали адрес Янковского, отрекомендовав его как надежного человека, оказавшего содействие Торничу и Тацкану в легализации. После этого наши контрразведчики организовали тщательное наблюдение за квартирой Янковского, а также за домами Шавинской и Драпарчука.

В ответной радиограмме противник сообщил, что готовит для переброски группу агентов, которых Янковский должен принять по паролю «Привет от Елизаветы» и обеспечить надежным убежищем. Однако в связи с прекращением военных действий перебросить обещанную группу противник не успел.

Три радиоточки в Польше

14 февраля 1945 года в районе города Нове-Место (Польша) Управление контрразведки фронта включило в радиоигру агента-радиста Кожунова, оставленного противником в указанном пункте с напарником Орловым для сбора разведывательных данных о Красной Армии. Радиоигра получила условное название «Странники». В связи с быстрым продвижением наших войск на запад Управление передислоцировалось в район Познани. Это создавало большие трудности в проведении игры. Поэтому было решено перевести радиостанцию ближе к линии фронта. Немцам была направлена радиограмма следующего содержания:

> «Орлов похитил все деньги и ушел; думаю закопать рацию, пристроиться к частям Красной Армии, попасть на фронт и вернуться к вам. Сейчас направляюсь к линии фронта, нахожусь недалеко от Познани, жду указания».

Однако в ответной радиограмме радисту приказали возвратиться обратно и указали маршрут следования.

Зная маршрут, советская контрразведка решила использовать это обстоятельство и попытаться еще раз принудить неприятеля оставить агента в нужном для нее пункте, то есть в районе Познани. Для этого была разработана легенда об якобы имевшей место встрече агента в лесу около Познани с немецкими диверсантами, которые, по легенде, вышли из окружения советских войск. И 13 марта в разведцентр была направлена следующая радиограмма:

> «Недалеко от Познани встретил в лесу людей спецгруппы капитана Фолькерзама. В группе 5 человек, ушедших из Хонзальца 19 января 1945 года, с ними Малинин, с которым я вместе учился. Он намерен работать, подыскивает место для лагеря, приглашает остаться с ними. Прошу указания».

Агент германской разведки Малинин в то время содержался под стражей, поэтому его можно было использовать в радиоигре. На радиограмму противник ответил:

> «Приказываю составить крупный партизанский отряд, командование возьмите на себя, ведите энергичную разведку, разрушайте телефонную и

телеграфную сеть, железные дороги и по возможности мосты. Сообщайте о вашем местонахождении. Насчет оружия и боеприпасов мы уже отдали команду, документы возьмите у убитых и раненных. Указания последуют».

Таким образом, цель была достигнута, радиоигра приобрела большой интерес и приблизила советских контрразведчиков к осуществлению основного замысла — заставить противника прислать людей и материальную помощь. Вскоре на зажженные костры в обусловленном месте противник сбросил 12 тюков с грузом, в которых находилось оружие, взрывчатка, различное снаряжение, продукты питания.

Радиоигра продолжалась до капитуляции Германии…

Аналогичная радиоигра, условно названная «Туристы», были начата чуть раньше, 19 января 1945 года, от имени разведывательно-диверсионной группы в составе 8 агентов. Они были оставлены гитлеровцами при отступлении в 12 километрах северо-западнее Макус (Польша) с заданием пропустить наступающие части Красной Армии и, оказавшись в тылу, приступить к диверсионной работе на шоссейных и железных дорогах, вести наблюдение за движением воинских частей к фронту, совершать вооруженные нападения на мелкие группы военнослужащих, особенно на офицерский состав.

На следствии четверо арестованных участников группы; в том числе старший из них Алексеев, вели себя недостаточно откровенно, в связи с чем в одной из первых радиограмм было сообщено:

«Ночью 19 января, во время наступления советских войск, в результате артиллерийского обстрела погибли 3 человека. Алексеев тяжело ранен в живот, находится при смерти. Остальные живут в лесу, около той же деревни. Склад цел. Движение по дорогам большое. Жду указаний».

В последующих радиограммах сообщалось об активной работе оставшихся агентов, о смерти Алексеева и ранении одного из участников группы при «выполнении» боевого задания.

Положительно оценивая работу агентов, противник в одной из радиограмм указал:

«Генерал благодарит за верность. Желаем дальнейших успехов».

В связи с капитуляцией Германии радиоигра была прекращена…

Третья радиоигра, условно названная «Костры» первоначально была начата на территории Белоруссии в октябре 1944 года в районе города Мира Барановичской области. Работа велась от имени пяти германских агентов, которые пользовались у немцев большим доверием. По требованию советской контрразведки неприятель неоднократно сбрасывал для них с самолета грузы с продовольствием, обмундированием и другим снаряжением.

В декабре 1944 года немецкая разведка дала агентам задание проводить активную разведывательную работу по сбору сведений о передвижении наших войск и переброске военной техники к линии фронта. Конечно, никакой сколько-нибудь важной дезинформации передавать тогда было нельзя, так как готовилось крупное наступление войск на Центральном фронте. Исходя из этого, советская контрразведка решила изменить направление радиоигры:

> «Столкнулись с разведкой белорусских партизан из отряда, действующего в районах Бреста, Кобрина, Пружан; решили встретиться с командиром отряда. Сейчас нахожусь в пути к лагерю партизан».

В ответ вражеский разведывательный орган радировал:

> «Советую с большими группами не связываться и действовать самостоятельно. Положение требует вашего передвижения на запад. В лесу западнее узловой станции Черемха, расположенной в 60 км южнее Белостока, подберите место для сброски багажа, тогда же получите и новое задание».

Чтобы вызвать интерес к работе агентов, было решено сообщить о соединении группы «Костры» с «партизанским» отрядом Борисика, известного агента германской разведки. Борисик входил в состав группы диверсантов, возглавляемой бывшим майором Красной Армии Витушко, заброшенной в ноябре 1944 года на территорию Белоруссии. Через несколько дней после неудачного приземления Борисик и несколько других диверсантов были арестованы.

Для закрепления легенды через радиостанцию «Костры» от имени Борисика в разведывательный орган, готовивший его для работы, направили следующую радиограмму:

«Господин майор, очень рад, что с помощью новых друзей могу установить с вами связь и сообщить о положении. Сбросили нашу группу не в том месте, где было намечено, людей разбросало. Три дня искали майора Витушко и остальных, собрали только 5 человек. С места выброски двинулись на юг. В Медском районе к нам присоединились 17 дезертиров, несколько человек из разбитой группы «Завея», организовали свой отряд и действуем самостоятельно».

Одновременно сообщили о результатах активных действий отряда и затребовали для Борисика радиста, радиостанцию и материальную помощь. Как и предполагалось, разведка противника заинтересовалась работой агентов и доставила на самолете радиста и нужные материалы. В дальнейшем работа проводилась из района Белостока вплоть до капитуляции Германии.

«Братья» в Болгарии

3 января 1945 года на территории Болгарии была начата радиоигра от имени агентов Неро и Дио, заброшенных германской разведкой воздушным путем. Агенты получили задание установить связь с действовавшими в Болгарии подпольными фашистскими и повстанческими организациями и, оказывая им помощь средствами и вооружением, привлечь их к диверсионной работе и сбору шпионских сведений военного и экономического характера.

Перед советской контрразведкой ставилась задача использовать радиоигру для передачи дезинформации и вызова на территорию Болгарии германских агентов.

Чтобы заинтересовать противника сообщили, что агенты установили связь с двумя нелегальными националистическими группами под номерами 2 и 6, способными вести активную борьбу против Красной Армии, но нуждающимися в вооружении и боеприпасах.

23 февраля 1945 года в условленном месте противник сбросил с самолета 15 тюков груза. В них оказалось 10 ручных пулеметов и 230 дисков к ним, 22 автомата, 30 винтовок, 30 пистолетов, 60 гранат, 70 кг взрывчатки, более 5 тысяч патронов, 30 метров бикфордова шнура, 2 барометра, радиостанция с двумя комплектами батарей, 200 тысяч болгарских левов, 400 американских долларов и 15 комплектов обмундирования. В записке начальника разведывательного органа Бауэра, найденной в упаковке № 7, сообщалось:

> «Мы рады, что у вас все благополучно. Продолжайте в том же духе, но будьте осторожны. Я много думаю о вас и вашем здоровье. Привет от Грокмана, Вилли, Хорна и Хильденбранда. Всего доброго.
>
> *Ваш Боби».*

В день получения посылки противнику передали следующее:

> «Груз подбираем. Упаковку № 7 получили. Вашу заботу о нас оправдаем. Три дня будем заниматься организацией группы, вооружением и перемещением».

В дальнейшем советская контрразведка передавала радиограммы с военной и экономической дезинформацией,

легендировала успешную работу агентов по установлению связи с мнимыми повстанческими группами, а также их активную диверсионную деятельность в тылу Красной Армии. В частности, 19 марта 1945 года сообщили об установлении связи с якобы существующей организацией «Отец Паисий», насчитывавшей в своих рядах 37 участников. Разведывательный центр ответил, что работой агентов доволен и в ближайшее время пришлет помощь, вскоре после этого с самолета был сброшен груз с оружием и снаряжением.

Считая, что работа радиостанции не вызвала подозрений, наши контрразведчики передали радиограмму с просьбой прислать подготовленных людей, хорошо знающих Болгарию и способных возглавить диверсионные группы. В ответной радиограмме обещали прислать пополнение после соответствующего отбора и подготовки.

В ночь на 24 марта 1945 года немецкий самолет сбросил трех диверсантов (Гугучкова, Крачева и Дойнинова), имевших задание установить связь с агентами-радистами Неро и Дио.

Стремясь пресечь подрывную деятельность вражеских агентов в тылах Красной Армии, а также отвлечь внимание противника от подготовки новых агентурных групп для заброски на территории Болгарии, органы советской контрразведки своими сообщениями внушали немцам мысль об усилении работы группы «Братья», расширении района ее деятельности. С этой целью включили в радиоигру рацию вновь прибывших агентов. Обе радиостанции действовали вплоть до капитуляции гитлеровской Германии.

Операция экстракласса

Большой интерес представляла радиоигра «Приятели», проводившаяся на территории Румынии. Она велась от имени резидента германской военной разведки радиста Твена. Он работал на германскую разведку с 1940 года, а перед отступлением фашистских войск из Румынии был оставлен в Бухаресте.

Как выяснилось на следствии, основной причиной, побудившей Твена к сотрудничеству с гитлеровцами, была материальная заинтересованность. Убедившись в бесперспективности дальнейшей борьбы за идеалы фашизма, Твен по заданию советской контрразведки возобновил радиосвязь с германской стороной, связался со своими агентами, принял от них доклады и в соответствии с нашими указаниями проинструктировал их относительно направления дальнейшей деятельности. По ответным радиограммам можно было судить о том, что немцы об аресте Твена ничего не знали и потому некоторый перерыв в радиосвязи подозрений у них не вызвал. Это не замедлило сказаться и на результатах работы. 22 ноября 1944 года на квартиру к Твену явился нелегально прибывший из Германии сотрудник службы безопасности (СД) Поп. Из беседы с Попом Твен выяснил, что тот хорошо знаком с разведывательной службой Германии и прислан для того, чтобы попытаться возобновить работу шпионских и диверсионных групп, приостановленную после выхода Румынии из войны. Поп имел также задание установить непосредственную связь с центральным легионерским руководством.

Из последующих бесед с Попом Твену стало известно, что в Румынии нелегально прибыли крупный германский разведчик Шмидт и эмиссары лидера «железной гвардии» Хориа Сима — легионеры Петрашкану и Стойканеску. Поп рассказал Твену о подготовке крупного наступления гитлеровских войск на Трансильванию весной 1945 года и указал на необходимость развернуть к этому времени диверсионную работу в тылу Красной Армии. Поп условился с Твеном, что все сотрудники германской разведки, прибывающие в Бухарест, будут останавливаться у него. В аресте Попа до выяснения его связей не было необходимости и поэтому за ним было установлено наблюдение.

Через пять дней после встречи Попа с Твеном квартиру последнего посетил прибывший из Вены парашютист-легионер. Он сообщил, что с группой в 10 человек был сброшен в районе города Алъба-Июлия. 3 декабря 1944 года к Твену явился Поп с

военнослужащим румынской армии, которого назвал Бологой и представил как своего начальника. Из беседы выяснилось, что Болога работает в Румынии по специальному заданию СД. Он поручил Твену усилить шпионскую деятельность, обратив особое внимание на получение информации о деятельности румынского правительства, политических партий и иных организаций. Болога объявил Твену, что каждый месяц Твен будет получать 100 тысяч лей, и здесь же вручил ему деньги за один месяц.

Вскоре удалось выяснить, что Болога, он же Гунер Ральф, является майором войск СС и состоит на службе в Главном управлении имперской безопасности гитлеровской Германии, где числится под псевдонимами «62» и «Боб». В 1939 году Гунер был редактором немецкой газеты в городе Брашове. Окончив разведывательную школу в Берлине, он прибыл в Бухарест для работы по линии СД, До капитуляции Румынии Гунер служил помощником резидента СД, прикрываясь официальной должностью адъютанта германского авиационного атташе в Бухаресте генерала Герстенберга. За Бологой также было установлено наблюдение.

Таким образом, Твен сумел войти в деловой контакт с официальными сотрудниками германской разведки, находившимися на нелегальном положении в Румынии.

Германская разведка в Румынии направляла все усилия на то, чтобы восстановить свои старые связи, создать новую сеть, активизировать деятельность диверсионно-террористических групп, а также использовать возможности легионерского подполья в интересах фашистской Германии. Наряду с проведением этих мероприятий противник забрасывал в Румынию группы вооруженных легионеров, получивших специальную подготовку в разведывательно-диверсионных школах фашистской Германии. По замыслу германской разведки вооруженные десантные группы должны были составить ядро подпольной легионерской организации.

Однако осуществить свои замыслы им не удалось. 3 результате операций, проведенных в ходе радиоигры «Приятели», органы советской контрразведки выявили и арестовали 179 активных участников организации (шпионов, террористов и диверсантов), в том числе 43 человека из руководящего состава, а также захватили самолет с находившимися на борту руководителями легионерского подполья.

Положительные результаты дали и другие радиоигры, проводившиеся на территории освобожденных от фашизма стран, например, «Бега» и «Связисты» в Венгрии.

Подводя итог нашему обзору о работе советской

контрразведке в радиоигре с фашистской стороной, можно утверждать, что эта «большая игра», действительно, «стоила свеч»…

Завершив на этом документальный обзор, приступим к рассмотрению вопроса о том, как практически осуществлялись радиоигры, с тем, чтобы читатель смог убедиться, насколько многообразна, сложна и вместе с тем увлекательна эта работа. Ответ на поставленный вопрос дает публикуемый ниже художественно-документальный очерк, где автор выступает под именем Дмитрия Корбова.

Памятная дуэль

Шел тридцать третий мирный год после победоносного завершения Великой Отечественной войны. На подмосковной даче Сергея Николаевича Костина все было готово к торжеству по случаю шестидесятилетия со дня его рождения.

На зеленой лужайке, обрамленной со всех сторон зарослями кустарников и фруктовых деревьев, стояли накрытые столы с белоснежными скатертями, уставленные всевозможными яствами и напитками.

Хозяйка дома Ольга Павловна, со своей незамужней дочкой Верочкой, унаследовавшей внешность матери, продолжали хлопотать около стола, стараясь придать ему более впечатляющий вид. Им помогали две подруги Ольги Павловны. Сын Сергея Николаевича в паре со своей молоденькой супругой расставляли вокруг столов стулья, скамейки, табуретки. Их трехлетний малыш, единственный внук Сергея Николаевича, названный в честь деда также Сергеем, возился в песочнице с соседской девочкой такого же возраста.

Гости, одетые по-летнему в легкую, светлых тонов одежду, небольшими группками прохаживались по дорожкам сада, стояли у клумб, любуясь яркостью цветов или в уютных уголках отдыха играли в карты, шахматы, домино.

Сергей Николаевич, стараясь развлечь и занять их, заглядывал во все закоулки усадьбы, появляясь то в одной, то в другой компании и находя нужные слова для беседы с каждым из гостей.

Погода была словно по заказу: безоблачное голубое небо, щедрое солнце, теплынь, легкий освежающий ветерок. Все это в сочетании с пышной зеленью сада, птичьим гомоном, обилием разнообразных цветов, наполнявших воздух ароматами нежнейших духов, красотой местности, ведущей к большому пруду, создавало обстановку непринужденности и настоящего большого праздника.

В три часа дня хозяйка пригласила гостей к столу. Не спеша, все заняли свои места, и наступила та праздничная минута, когда гости, соблюдая такт и приличие, смиренно и тихо ждут начала торжества. Слышны были лишь негромкое перешептывание сидевших радом пар, предлагавших друг другу ту или иную закуску, шипение напитков при наполнении бокалов, легкое позвякивание приборов. Но вот справа от Сергея Николаевича поднялся его сослуживец, высокий, стройный, с пышной седоватой шевелюрой, шатен, и, окинув взглядом притихших

гостей, торжественно и четко густым баритоном произнес первый тост.

И застолье мгновенно пришло в движение: последовали поздравительные возгласы, чоканье бокалами, поцелуи и новые, новые тосты.

Поздравляя юбиляра, все подчеркивали его талант инженера-конструктора, добившегося получения степени доктора технических наук и лауреата государственной премии, большое трудолюбие, душевность, доброту, уважительное отношение к товарищам по работе, активное участие в общественно-политической жизни коллектива, счастливое супружество с Ольгой Павловной, благополучие и процветание крепкой и дружной семьи.

Часа через два, когда гости насытились, и порыв поздравлений утих, Сергей Николаевич объявил перерыв. Все стали расходиться небольшими группками по разным уголкам сада, предаваясь отдыху и излюбленным играм. Костин, взяв под руку одного из гостей, мужчину чуть выше среднего роста, с редкими седыми волосами, зачесанными назад, с правильными, тонкими, но уже заметно увядавшими чертами лица, предупредительно спросил:

— Как самочувствие, Дмитрий Петрович? Не устали?

— Спасибо, все нормально.

Они пошли по тенистой аллее вглубь усадьбы, где в укромном уголке под кронами трех разросшихся густых лип висел гамак. Устраиваясь в гамаке, бросив в рот таблетку валидола, гость заметил:

— Вот здесь, пожалуй, самое приятное место для отдыха, особенно для нашего брата-сердечника, когда требуется полное спокойствие.

— Что, плохо себя почувствовали? Может быть, пригласить врача? — встревожился Костин.

— Нет, нет. Не беспокойтесь, Сергей Николаевич. Валидольчик — это просто так, для профилактики.

— Ну, смотрите, только, пожалуйста, не стесняйтесь. Врача вызвать не трудно, да и среди гостей есть медики, могут посмотреть сейчас же.

— Благодарю вас, Сергей Николаевич, Самый лучший врач — это общение с природой. Полюбуешься на эту красоту, отдохнешь, подышишь кислородом, и все напряжение как рукой снимет. Так что вы, пожалуйста, не беспокойтесь, и идите к гостям, займите их, возвращайтесь, так сказать, к исполнению своих обязанностей.

— Хорошо, тогда отдыхайте. А когда закончится перерыв, я

зайду за вами. Приемлемо?

— Вполне, спасибо.

Гостем, о здоровье которого так беспокоился Костин, был я. Глядя на удаляющегося Сергея Николаевича, уверенно шагавшего, степенного, спокойного, довольно еще стройного и крепкого, я невольно мысленно обратился к прошлому, и передо мной, как наяву, предстала картина первой встречи с ним и весь ход последующего развития наших отношений. Я был на пять лет старше Костина. Когда встретились с ним, я являлся младшим лейтенантом госбезопасности, носил три кубика в петлицах, работал оперативным уполномоченным Центрального аппарата советской контрразведки. Теперь в звании полковника в отставке находился уже на заслуженном отдыхе.

Воспоминания настолько захватили меня, что, возвратившись домой, я тут же сел за письменный стол, сгорая от нетерпения изложить их на бумаге. Вот, как это было.

Закончив, как обычно, трудовой день в третьем часу ночи, я расстелил на диване в служебном кабинете постельные принадлежности и лег спать. По давней привычке взял в руки томик стихов Сергея Есенина, чтобы быстрее отвлечься от дневных забот.

Изумительная лирика поэта действовала успокаивающе, она мысленно уносила меня в родную карельскую деревушку на берегу живописного озера почти у самой границы с Архангельской областью. Здесь прошло мое детство и первые годы отрочества. Они были тяжелыми из-за постоянной нужды и трудно добываемых средств к существованию, но вместе с тем, незабываемо прекрасными на лоне на редкость чистой, девственной природы, окружавшей деревню. Затерявшаяся в глухом лесном краю, по существу ничем не примечательная, она представлялась мне до боли в сердце близкой и дорогой, покорявшей своей самобытностью, натуральностью, непритязательностью населявших ее простых, скромных тружеников с их радостями и печалями.

Мои воспоминания прервал телефонный звонок.

— Ты еще бодрствуешь? — услышал я несколько хрипловатый, усталый голос своего начальника отделения Барникова.

— Пока да, но уже в горизонтальном положении.

— Ну, коль не спишь, зайди, есть дело.

Я встал, быстро оделся, привел себя в порядок и направился к Барникову, кабинет которого находился на том же шестом этаже дома два но улице Дзержинского.

Барников сидел в привычной для него позе: несколько

ссутулясь и низко опустив над письменным столом, освещенном настольной лампой с зеленым абажуром, свою большую голову с солидными залысинами выше висков. На столе у него, как всегда, находилась большая стопка оперативных документов, которые он должен был рассмотреть к утру для раздачи работникам.

При моем появлении он оторвался на несколько секунд от бумаг, и, кивнув в сторону стула, промолвил:

— Садись, я сейчас.

Закончив чтение, он встал, подошел к висевшей на стене карте Московской области и, подозвав меня, сказал:

— Мне только что сообщили из областного управления, что в этом квадрате, видишь, где я поставил черный флажок, оперативная группа, направленная для прочески местности в связи с замеченным здесь прошлой ночью кружением немецкого самолета, обнаружила запрятанные под корягой два парашюта. Так что наверняка была выброска вражеских агентов. Для первичного расследования туда выехал начальник местного райотдела НКВД. Он опросит очевидцев, уточнит место обнаружения парашюта, проведет тщательное обследование участка и продумает мероприятия по организации розыска преступников с привлечением местного населения, не предпринимая до приезда оперативной группы центра никаких активных действий. Руководство операцией поручается тебе и оперработнику областного управления, специалисту по розыскной работе Смирнову, которого ты хорошо знаешь. С собой возьмете трех бойцов из внутренних войск и двух пограничников с собакой. Транспортом и всем необходимым обеспечивает областное управление, договоренность с руководством есть. Ваша задача — разобраться на месте в обстановке, расставить и проинструктировать привлекаемых к операции людей и принять меры к захвату преступников живыми с вещественными доказательствами, стараясь по возможности сохранить факт их задержания от широкой огласки. О ходе операции докладывайте по телефону, как всегда кратко, используя условности. Выезд назначен на 5 часов утра с Малой Лубянки. О деталях договоритесь со Смирновым. Задача понятна?

— Все ясно, Владимир Яковлевич.

— Тогда, ни пуха, ни пера! Действуйте! Барников проводил меня до выхода из кабинета, крепко пожал мне руку и на прощание сказал:

— Только, пожалуйста, будь осмотрителен, не проявляй торопливости и нервозности, не подвергай неоправданному риску ни себя, ни людей.

Поблагодарив Барникова за напутствие и распрощавшись с

ним, я направился к своему коллеге, тоже оперативному уполномоченному Климу Владимирову, с которым у нас была договоренность о взаимозаменяемости по ведению дел на случай командировок. Клим был моложе меня на один год, носил в петлицах одну шпалу, что означало тогда лейтенант госбезопасности. Работая в одном подразделении, мы быстро сошлись, нашли, как говорится, общий язык и стали неразлучными друзьями.

— Ты что, полуночник, бродишь, сам не спишь и другим не даешь? — пробурчал Клим, когда я постучал в дверь его кабинета и заставил подняться с дивана.

— Да, вот был у шефа, только от него.

— Сам напросился или вызвал?

— Вызвал. Предстоит срочная прогулочка. Так что мои дела — опять твои дела. Вот тебе ключ от сейфа, держи!

— Когда, куда и на сколько, если не секрет?

— Секрета нет, отбываю через час с Сережей Смирновым из области на ловлю «небесных ласточек» на юго-восток Подмосковья.

— Да, ну! Неужели стервятники и здесь появились?

— Похоже, что так, сигнал очень серьезный.

— Ну, что ж, успеха тебе, на дорожку посошок бы надо, но где его возьмешь.

— Ладно, это не обязательно. Будь здоров!

— Погоди, погоди… один момент…

Клим открыл дверку письменного стола и вытащил завернутый в бумагу кусок колбасы.

— Вот тебе вместо посошка, вчера отоварил карточки. Бери, бери, не отнекивайся. Там не найдешь, пригодится.

— Спасибо, Клим, до встречи!

Я крепко пожал ему руку и пошел готовиться к отъезду. Времени было уже в обрез. Договорившись обо всем по телефону со Смирновым и уложив в свой походный чемоданчик самое необходимое, вышел на улицу. В пять часов утра, как было условлено, встретился с оперативной группой.

Когда погрузили все необходимое, обтянутая брезентом полуторка с семью пассажирами на борту взяла направление с Малой Лубянки на Егорьевск.

Столица уже просыпалась, но небольшой туман и надвинувшаяся на город пелена низкой облачности создавали впечатление продолжавшейся ночи: было темно, зябко, неуютно.

Бессонная ночь, усталость и тепло, идущее от мотора, быстро разморили меня, я сразу же уснул и очнулся лишь при приближении к Егорьевску.

В райотделе нас ожидал проводник. Усадив его в машину, двинулись по шоссе в направлении Спаск-Клепики. Остановились, не доезжая полтора километров до реки Цна. Я приказал водителю поставить машину на обочину шоссе, и, создав впечатление какой-либо неисправности, вести вместе с одним из бойцов тщательное наблюдение за дорогой с целью выявления подозрительных лиц.

Остальные участники группы, построенные по принципу цепочки, углубились в лес. Впереди шли я, проводник и пограничник с собакой. Замыкал цепочку Смирнов.

Идти было приятно, природа, пробудившись от длительной зимней спячки, словно ликовала. Радовали первая зелень, разноголосица птиц, пряные весенние запахи, чистый бодрящий воздух.

Примерно через полтора часа встретились с товарищами из райотдела. Они успели обследовать местность в районе найденных парашютов на довольно значительной площади, но нашли лишь два окурка от сигарет иностранного происхождения.

С начальником райотдела договорились о расстановке людей с расчетом прикрытия выходов из лесного массива и о мерах розыска шпионов на возможных путях передвижения и в населенных пунктах. Этим должен был заняться его аппарат и привлеченные райотделом лица из числа местного населения. Нашу группу решили оставить в лесу для более тщательного обследования местности, используя опыт пограничников и собаку. Договорились также о порядке поддержания связи с райотделом.

Не теряя времени, сразу же приступили к работе. Проводники собаки — бывалые пограничники, старшина Григорий Матвеев и сержант Николай Степанов подвели ее к коряге, где лежали парашюты и приказали взять след. Собака долго крутилась вокруг, фыркала, но через некоторое время рванулась в сторону и пошла по краю ложбины в направлении к шоссе. При внимательном осмотре пройденного ею расстояния кое-где четко просматривались отпечатки следов от сапог двух человек, шедших почти след в след. На третьем километре пути обнаружили признаки привала — утоптанная земля, примятая травка, пустая консервная банка, очистка колбасы, окурки, пепел от сожженной бумаги, несколько сломанных веток на рядом стоявших деревьях.

Собрав обнаруженные вещи, двинулись дальше. Минут двадцать собака шла спокойно, но, войдя в чащобу молодого подроста смешанных пород, среди которого возвышалась старая покосившаяся сосна, стала с остервенением разрывать лапами

землю между корнями у самого ее основания.

Там обнаружилась нора, она была прикрыта еловыми ветками, забросанными сверху землей и мусором, а в ней завернутый в непромокаемый мешок чемодан. Примерно на уровне головы человека на сосне была сделана небольшая зарубка.

В чемодане оказалась портативная коротковолновая приемопередаточная рация с комплектом батарей, антенной, ключом для передачи, рабочими кварцами, наушниками, блокнотом чистой бумаги и пачкой карандашей. Судя по корешку блокнота, три листа было вырвано. На оставшемся сверху четвертом листе просматривались следы давленки от письма, в тексте которого удалось прочесть только «приземлились» «после устройства»… «привет»… Но и этого было достаточно, чтобы сделать безошибочный вывод: мы имели дело с заброшенными в наш тыл вражескими агентами, которые по всей вероятности, уже выходили в эфир с отчетом о своей первой удаче — благополучном приземлении.

Положив чемодан с рацией обратно в нору и замаскировав ее как прежде, я приказал Смирнову и двум бойцам остаться в засаде на случай прихода шпионов за рацией, а сам с пограничниками пошел за собакой по их следам дальше. Проплутав еще минут сорок по лесу, собака вывела нас почти к самому берегу реки Цна, а вскоре и на шоссе недалеко» от перекинутого через нее моста. На этом следы были потеряны, собака крутилась, взвизгивала, но вперед не шла. Было ясно, что шпионы воспользовались попутными машинами и скрылись в неизвестном направлении. Дальнейший поиск их в лесу был бессмысленным.

Голодные и усталые от длительной ходьбы по лесу, мы присели на бугорок около шоссе передохнуть. Матвеев спросил:

— А закурить можно?

— Можно, — ответил я, переводя взгляд на Степанова, еще моложавого, чем-то смахивающего на одного друга моей юности, тоже Николая. Он держал за поводок собаку, которая лежала на боку, тяжело дыша и беспрерывно высовывая язык.

Я достал из полевой сумки блокнот и написал записку начальнику райотдела, проинформировав его о ситуации, В конце просил обо всем поставить в известность Барникова. Отправив записку с водителем оставленной у шоссе машины, возвратились к месту обнаружения рации.

Вместе со Смирновым внимательно осмотрели окружающую местность и выбрали удобное место для наблюдения, надежно замаскировав его ветками елового подроста. Условились, что в

засаде круглосуточно будет находиться три человека, сменяемые поочередно, каждые четыре часа, а четверо — на базе отдыха в пятистах метрах от засады.

На первую вахту заступил Смирнов с двумя бойцами. Я, пограничники и третий боец занялись устройством базы. Раскинули палатку, в целях маскировки обложили ее молодыми деревцами, внутри настелили еловых веток, В стороне от палатки под кроной густой елки устроили небольшой очаг, закрытый со всех сторон ветками, где бы можно было вскипятить чайник, разогреть консервы или сварить суп и кашу. Условились зажигать костер только в тихую погоду и очень сухими ветками, чтобы было как можно меньше дыма, и он уходил вверх, теряясь в кроне дерева. Пробный костер, на котором Матвеев приготовил наш первый лесной обед, выдержал испытания — он не дымил и не был виден со стороны.

После отдыха я, Матвеев и Виктор Петренко, так звали находившегося с нами бойца, вышли на первое дежурство, сменив Смирнова и его партнеров.

День уже угасал, солнце клонилось к закату, становилось прохладно, постепенно наступала какая-то трудно выразимая словами торжественная тишина, при которой б лесу как бы все замирает и каждый шорох вызывает настороженность.

— Ну, как самочувствие? — шепнул я в ухо лежавшему рядом Григорию.

— Хорошо, я как будто снова на границе, просто душа радуется. Плохо только, что курить нельзя.

— Ничего, потерпи, это только на пользу. Виктор лежал с другой стороны. На такой же мой вопрос ответил с заметным украинским акцентом: «Та ничого, усе в порядке». Чувствовалось, что его, жителя степной, раздольной Украины, лесная экзотика волновала меньше всего.

Вахта прошла без происшествий. Сменившие нас Смирнов, пограничник Степанов и боец по имени Семен Антонов заняли наши места. Мы отправились на отдых, чтобы через четыре часа снова быть в состоянии боевой готовности, встав на смену товарищей.

Так начались тревожные часы ожидания, и по мере того, как безрезультатно проходили первые, вторые, а затем и третьи сутки, настроение участников группы заметно падало. Тревожно было на душе и у нас со Смирновым, невольно возникали вопросы: А что, если не придут? В чем причина? Не спугнули ли их мы своими неосторожными действиями?

Отягощенный такими думами, я с Матвеевым и Петренко в восемь часов утра начавшихся четвертых суток заступил на

очередную вахту. Накануне вечером прошел небольшой дождичек, было пасмурно, сыровато и прохладно. Но вот подул ветерок, тучки рассеялись, солнце поднялось выше и вскоре все вокруг преобразилось.

Было ровно одиннадцать, до смены оставался один час.

— Да, товарищ старшина, видно, опять придется нам уйти не солоно хлебавши, — тихо произнес я, обращаясь к Матвееву.

Но он, чуть привстав, вытянув по-гусиному шею и приложив правую руку к уху, еле слышно произнес:

— Тихо, мне кажется, кто-то идет, слушайте! Все насторожились.

— Точно, идет! — повторил он.

И действительно, через минуту совершенно отчетливо послышались шаги приближавшегося к месту засады человека. А вскоре сквозь ветки, прикрывавшие наше укрытие, показалась и его фигура. Он был среднего роста, нормальной комплекции, в форме военнослужащего Красной Армии с перекинутым через правое плечо заплечным мешком. Неизвестный шел с опаской, как бы крадучись, часто оглядываясь по сторонам. Подойдя к чащобе, где стояла сосна, он остановился, прислушался, осмотрелся, пролез к основанию сосны, достал из норы чемодан, и, выйдя на открытое место, закурил. Сделав несколько затяжек, погасил сигарету, затоптал ее ногами, закинул на плечо вещевой мешок, взял в правую руку чемодан и собрался уходить.

В этот момент мы молниеносно выскочили из засады, держа в руках оружие — у меня пистолет «ТТ», у Матвеева и Петренко — автоматы «ППШ». Я скомандовал: «Руки вверх, ни с места!»

От неожиданности неизвестный обомлел, он уронил на землю чемодан и мешок, поднял кверху трясущиеся руки и замер на месте с выражением на лице полной растерянности и беспомощности. По моему приказанию Матвеев произвел обыск задержанного, но кроме документов и сигарет в карманах ничего не было.

— Где оружие? — спросил я.

— В мешке, — прерывистым голосом ответил неизвестный.

— Что именно?

— Наган и финский нож.

— А ампула с ядом?

— Я ее выбросил.

Он был бледен, временами его бил озноб, и на лице выступал холодный пот. Опасаясь, как бы он не впал в шоковое состояние, я распорядился дать ему сигарету. Постепенно бледность на его лице стала исчезать, и когда он чуть оживился, я спросил:

— Где Ваши партнеры, сколько было вас?

— Двое, только двое: я и мой командир.

— Он тоже должен придти, когда?

— Нет, мы условились встретиться в Москве.

— Когда?

— Через неделю.

— Он — радист.

— Нет, разведчик, старший группы.

— Если он возглавляет группу, значит, с вами еще кто-то был. Почему скрываете?

— Клянусь, говорю правду. Он главный, поэтому я назвал его старшим группы.

— Что у вас в мешке, кроме оружия?

— Деньги, второй комплект документов, чистые бланки документов, личные вещи, продукты.

В это время появились Смирнов, Степанов и Антонов, пришедшие принимать от нас очередную вахту.

— Все, Сережа, ожидание наконец-то закончилось, — радостно заметил я, кивая в сторону задержанного. — Пошли в палатку, надо составить акт о задержании и опись изъятых вещей.

Задержанный шел рядом со мной в окружении пограничников и бойцов, держа в руках мешок и чемодан. Связывать ему руки при наличии такого сопровождения я посчитал излишним, тем более, что во всем его облике и особенно поведении отмечались робость и податливость, исключавшие возможную агрессивность.

В палатке Смирнов приступил к составлению акта и описи, а я продолжил разговор с задержанным, предварительно ознакомившись с изъятыми у него личными документами.

— Костин Сергей Николаевич — это ваши действительные данные?

— Да, это мои настоящие фамилия, имя и отчество.

— Где и когда вы родились?

— Я родился 2 июля 1918 года здесь, в Егорьевском районе Московской области, деревня М-ка.

— Русский?

— Да.

— Кто ваши родители?

— Крестьяне. Отец Николай Матвеевич, был инвалидом первой империалистической войны, умер от тифа в 1920 году. Мать Пелагея Васильевна, все время жила в деревне, там же оставалась, когда я уходил на фронт, ей 56 лет.

— Чем занималась?

— Она колхозница, работала скотницей, что делает сейчас, не знаю.

— Как вы оказались здесь?

— Меня выбросили с самолета на парашюте немцы.

— С кем и с какой целью?

— С напарником, о котором я говорил, для ведения разведки.

— Вы хотите сказать для проведения шпионской работы в нашем тылу, так?

— Да, правильно.

— Когда вас выбросили?

— Шестнадцатого мая: ночью в ноль два тридцать.

— Что было дальше?

— Мы собрали вещи, спрятали парашюты и ушли с места приземления в направлении примерно на три километра. Сели отдохнуть, позавтракали. В восемь ноль-ноль напарник приказал мне развернуть рацию, продиктовал текст радиограммы, в котором сообщалось о благополучном приземлении, выражалась благодарность летчикам за точность выброски, указывалось, что дальнейшая связь после надежного устройства. Телеграмму зашифровал и передал я. Делать это мне не хотелось, но зная свирепость напарника и его преданность немцам, пришлось уступить, чтобы не обострять отношений и не вызвать подозрений в отношении моего намерения порвать с ним.

— Вашу радиограмму приняли немцы?

— Да, связь была двусторонней, прием радиограммы подтвердили.

Далее Костин рассказал, что они нашли место для тайника под старой высокой сосной, вырезали ножом на ее стволе метку, спрятали рацию и вышли на шоссе. Здесь они расстались, напарник на попутной грузовой автомашине уехал в сторону Егорьевска, а Костин — тоже таким же способом, — в обратном направлении до населенного пункта Рязановский с намерением пробраться в родные места.

На этом беседу пришлось закончить. Прибыл курьер из райотдела, и нужно было уезжать. В палатку пригласили Матвеева и Петренко, участвовавших в операции по задержанию для подписания акта и описи изъятых вещей. Свои подписи поставили также я, Смирнов и Костин. Документы были датированы двадцатым мая 1942 года.

Закончив сборы, вышли на шоссе. Там стояла наша полуторка, на которой прибыл курьер, Костина посадили в кузов в окружении пограничников и бойцов под наблюдением Смирнова. Я сел рядом с водителем.

В Егорьевске я зашел в райотдел, проинформировал о сути дела начальника, договорился с ним об установлении матери и других родственников Костина, прекращении дальнейшего розыска агентов и позвонил Барникову, сообщив о завершении

операции и отъезде группы в центр.

На Малой Лубянке, где остановилась машина по прибытии в город, из приемной управления НКВД по Московской области я связался по телефону с Барниковым, спросил, какие будут распоряжения.

Барников приказал — пограничников и бойцов отпустить в свои подразделения, а вместе со Смирновым и задержанным подняться к нему. — Пропуска будут на центральном подъезде, — предупредил он.

Поблагодарив участников группы и попрощавшись с ними, мы со Смирновым и Костиным направились к Барникову.

В приемной находилась одна секретарь-машинистка Маша.

— Заходите, — сказала она, — он ждет.

При нашем появлении Барников вышел из-за стола, поздоровался с нами и, глядя в упор на Костина, строго сказал, указывая на стул в углу кабинета:

— Садитесь вот сюда.

Костин сел, осмотрелся. В его больших голубых глазах, обрамленных, как у искусной косметички, густыми длинными ресницами, была заметна явная тревога. Он беспрерывно облизывал небольшие, пухлые, четко и изящно выраженные губы, стараясь преодолеть сухость во рту. Правильные, тонкие черты лица, высокий лоб и вьющиеся темно-русые волосы придавали его облику завидную привлекательность.

Я достал из полевой сумки акт о задержании Костина, об изъятых у него вещах, и передал их Барникову.

— Вы читали эти документы? — обратился он к Костину, после их просмотра.

— Да, читал.

— Обстоятельства Вашего задержания изложены правильно?

— Да, правильно.

— Значит, Вы собирались выполнить задание вражеской разведки, так?

— Нет, я шел с намерением явиться в Егорьевске в органы НКВД с повинной.

— А оказались в лесу и даже прихватили рацию, как это понимать?

— Я хотел принести все, чем меня снабдили немцы, рация — это главное.

— Но Вы, как меня информировали, уже использовали эту рацию для установления преступной связи с противником.

— К несчастью, да, 16-го числа в день выброски напарник заставил меня передать немцам радиограмму о благополучном приземлении.

— О напарнике наши товарищи поговорят с Вами особо. Постарайтесь припомнить все подробнейшим образом. А сейчас скажите, какой разведывательный орган перебросил Вас, где Вы проходили подготовку?

— Я закончил разведывательную школу немцев в Борисове. Она находится в ведении абверкоманды-103, штаб которой дислоцируется в Красном бору под Смоленском. Выброска нас была осуществлена со смоленского аэродрома. Инструкции по работе давал капитан немецкой разведки Фурман.

В это время раздался телефонный звонок. Барников взял трубку. Звонил начальник отдела Тимов.

Попросив Смирнова выйти с Костиным в приемную, Барников, обращаясь ко мне, сказал:

— К сожалению, я должен уйти. Идите к себе, подготовьте служебную записку и отправьте задержанного во внутреннюю тюрьму, завтра оформим документы для представления прокурору.

— Главное сейчас — напарник. Его нельзя упустить. Выясните у Костина все, что он знает о нем.

По уходе Барникова я тут же в кабинете написал служебную записку начальнику тюрьмы, попросил Машу сразу же ее отпечатать и передать через секретаря отдела на подпись Тимову, а сам со Смирновым и Костиным перебазировался в свой кабинет. Не успели мы расположиться, как явилась Маша.

— Держите, вот Ваша записка, все в порядке.

— Спасибо, Машенька, за оперативность, считай, что мы твои должники.

— Ловлю на слове, учтите, — улыбнулась она и вышла из кабинета.

Я тут же позвонил дежурному тюрьмы и вызвал вахтера. Вместе с ним проводил Костина до приемного изолятора, предупредив дежурного, чтобы его поместили в отдельную камеру и ни в коем случае не стригли. Возвратившись в кабинет, попрощался со Смирновым, попросив его проследить за установкой родных Костина.

Оставшись один, я почувствовал сильную усталость. Выпил немного воды и прилег на диван. Но отдыха не получилось. Предстоявшие заботы, не выходили из головы, невольно заставляя ворошить в памяти все события только что пережитого в свете многих вопросов: можно ли Костину верить, правду ли он говорит, что имел намерение явиться в органы госбезопасности с повинной, чем это можно доказать и, главное, можно ли и как именно использовать его в мероприятиях против вражеской разведки. Эти думы заставили меня встать. Часы показывали

девять вечера, хотелось есть и я пошел в буфет, предварительно позвонив Климу, но он не отозвался.

Наспех съеденный винегрет, какая-то крупяная запеканка и стакан чая несколько взбодрили меня. Возвращаясь к себе, я заглянул в приемную Барникова, его еще не было, а Маша разговаривала со своей подругой Аней из другого отделения. Увидев меня, она поинтересовалась:

— Ну, как отправили?

— Конечно.

— И вам не жалко, такого красавца и в тюрьму.

— Что поделаешь, Машенька, он сам посадил себя.

Придя в кабинет, я позвонил дежурному тюрьмы, попросив привести Костина.

После тюремной обработки — фотографирование, дактилоскопия, переодевание, душ, ознакомление с правилами и режимом содержания он показался мне более грустным.

— Вас покормили? — спросил я.

— Да, благодарю.

— Тогда давайте работать. Протокол пока вести не будем. Вот Вам бумага и ручка. Напишите подробно о своем напарнике: кто он, как оказался у немцев, что известно о его шпионской деятельности, его приметы, черты характера, физические данные, ну и так далее, короче говоря, все, что Вы знаете о нем, а также где и когда Вы должны встретиться с ним в Москве. Понятно?

— Ясно.

— Если возникнут вопросы, не стесняйтесь, спрашивайте.

— Хорошо.

— Взяв карандаш, Костин задумался, потер лоб, почесал затылок.

— Что, не пишется? — спросил я.

— Не могли бы Вы дать мне сигарету, — робко попросил он, — голова что-то не варит.

— К сожалению, я в этом деле не партнер, не курю.

— В моем мешке, кажется, должна быть еще пачка.

— То, что в мешке, это уже попало в опись, это уже неприкосновенно, так что придется потерпеть.

— Жаль.

Он тяжко вздохнул и склонился над листом бумаги, собираясь с мыслями.

Видя его страдания, я позвонил в соседнюю комнату Алеше Горбенко. Тот принес пачку «Беломорканала». Костин с жадностью сделал несколько затяжек. Голова у него, очевидно, закружилась. Он сжал ее ладонями, облокотившись на стол. Так сидел минуты три, затем, точно очнувшись потряс головой, потер

виски, извинился и спросил:

— Кому я должен адресовать это?

— Адресуйте НКВД СССР.

— Благодарю.

— Посидев в раздумье еще несколько минут, Костин наконец приступил к работе. Писал быстро и сосредоточенно.

— Вот, пожалуй, и все, — заметил он спустя полтора часа, передавая мне четыре листа рукописного текста. Он начинался вступлением:

> «Довожу до Вашего сведения, что 16-го мая сего года в ноль два тридцать на территории Егорьевского района Московской области с немецкого самолета Ю-52 были сброшены на парашютах два агента германской разведки, получившие задание вести шпионскую работу в тылу Красной Армии, передавая добытую информацию по приданной им коротковолновой рации. Одним из них, обученных по программе радиста, являюсь я — Костин Сергей Николаевич, 1918 года рождения, уроженец указанного выше района. Другим — мой руководитель, подготовленный по программе разведчика, ответственный за сбор шпионской информации — Лобов Петр Федорович, 1914 года рождения, выдающий себя за капитана Красной Армии».

Далее шли ответы на поставленные мною вопросы. По свидетельству Костина, Лобов появился в Борисове за полтора месяца до отъезда в Смоленск. Числился в школе как Лосев Федор. Его настоящие фамилия, имя и другие биографические данные Костину не известны. У администрации школы Лобов пользовался большим доверием, всегда выступал как ярый противник советской власти. За выполнение каких-то заданий был награжден немцами двумя медалями. Среди курсантов ходили слухи, что его надо опасаться, что он якобы перешел к немцам добровольно, в лагерях военнопленных выявлял советских патриотов, где-то служил полицейским, участвовал в карательных операциях. В одной из бесед, будучи под хмельком, он говорил курсантам, что у него давние счеты с советской властью из-за репрессированного отца, который в годы НЭПа был владельцем крупного магазина. По внешним данным Лобов высокого роста, крепкого сложения, лицо продолговатое с приплюснутым носом и массивным подбородком, лоб низкий, волосы черные, жесткие, глаза карие глубоко посаженные, взгляд угрюмый, неприятно колючий. Особая примета — татуировка на груди с изображением стрелы, пронизывающей сердце с

инициалами «Л.В.». Он обладает большой физической силой, неуравновешенным, склонным к авантюризму характером, по натуре злой и мстителен, способен на любые действия. Хорошо стреляет и владеет приемами различной силовой борьбы. В умственном отношении является человеком посредственных способностей, образование в пределах семи классов. Любит деньги, вино, карты, женщин, расчетлив и жаден.

Костин был познакомлен с Лобовым капитаном Фурманом в Красном бору за две недели до переброски в тыл Красной Армии, в течение которых они проводили совместные тренировки по ведению разведки, обработке материалов в виде составления текстом радиограмм, их зашифровке, а также по работе на рации с соблюдением мер безопасности применительно к боевым условиям.

В Москве Лобов и Костин условились встретиться 23 мая в 15.00 у входа в метро станции Комсомольская.

Текст рукописи Костина заканчивался словами: «Сообщая о вышеизложенном, настоящим заверяю НКВД СССР в своем полном чистосердечном раскаянии и обязуюсь дать подробные и правдивые показания по интересующим органы государственной безопасности вопросам».

— Устали, — спросил я, видя, что Костин несколько раз зевнул.

— Да, устал.

— Ничего, сейчас взбодримся. Видите, чайник уже пыхтит, хлебнем горяченького чайку. Вот вам чашка, держите, и приложение — пара сухариков и кусочек сахару. Других деликатесов, к сожалению, нет.

— Большое спасибо.

Во время чаепития в кабинет зашел Барников. Часы показывали начало второго ночи. Я встал, вслед за мной поднялся и Костин.

— Садитесь, садитесь, — заметил шеф, подкрепляя свои слова жестом руки, и, подойдя вплотную к Костину, продолжал:

— Чаевничаете? Это хорошо. Ну, а как работается?

— Нормально, Владимир Яковлевич, — ответил за Костина я, передавая ему его рукопись, заключил, — вот, пожалуйста, первые плоды.

Барников сел, внимательно прочитал показания Костина.

— Что ж, начало и концовка мне нравятся, одобряю. Сами додумались или он, — Барников кивнул в мою сторону, — подсказал.

— Сам.

— Отлично. Тогда давайте условимся строго придерживаться

этой линии во всем, А то бывает и так: на словах одно, а на деле другое. Договорились?

— Да.

Ну, а теперь скажите, по какому принципу немцы подбирают агентов в группы?

— Откровенно говоря, никогда не думал об этом.

— Возьмем, к примеру, вас и Лобова. Судя по вашему описанию, он довольно яркая фигура, убежденный идеологический противник социализма, до мозга костей предан гитлеровцам. По логике вещей у него должен быть и соответствующий напарник. Так ведь?

Костин стушевался, пожал плечами.

— Право не знаю, что сказать.

— Как же так? Если Лобов выбрал вас, значит, он уверен, что вы не подведете, а если немцы рекомендовали ему вас, значит и они уверены в вашей надежности. Другого нет. Чем-то вы их, видимо, прельстили. Давайте уж на откровенность.

— Ну, я думаю, — помявшись, начал Костин, — это объясняется, во-первых, тем, что я хорошо знаю радиодело. До войны был радиолюбителем, а на фронте — радистом. Это немцам очень нравилось. Меня всегда в школе хвалили за успехи. Во-вторых, как в плену, так и в разведывательной школе я вел себя очень сдержанно, не ввязывался ни в какие споры, диспуты, полемики, строго соблюдал все предписания, ни на что не жаловался. Поэтому у немцев и у Лобова обо мне могло сложиться вполне положительное мнение. Других причин я не вижу.

— Лобов вооружен?

— Да, у него был автомат «ППШ», наган и финский нож.

— Где он мог остановиться в Москве?

— Этого я не знаю.

— Говорил ли он что-либо о своих московских связях вообще?

— Перед расставанием со мной он сказал только, что в Москве у него есть «дружки», которые помогут надежно устроиться, а кто именно не назвал.

— А вы не поинтересовались, кто они?

— Нет, я считал, что такой вопрос может насторожить Лобова, а это не входило в мои планы. Мне хотелось побыстрее с ним расстаться, чтобы быть независимым и осуществить свою мечту о явке в ваши органы.

— К этому вопросу мы еще вернемся. А на сегодня, я полагаю, хватит. День, как у вас, так и у нас, прямо скажем, был нелегким, надо отдохнуть.

Я вызвал вахтеров, пока они шли, Барников поинтересовался

биографией Костина. Она оказалась очень краткой, как капля воды похожей на биографии незаурядных молодых людей, выходцев из рабоче-крестьянской среды, перед которыми советская власть широко распахнула двери для творческого проявления их способностей и талантов. Из двадцати четырех лет, прожитых Костиным, четырнадцать ушли на получение образования — сельская школа, школа крестьянской молодежи, техникум, институт, И все эти годы, за исключением учебы в сельской школе, он находился на полном обеспечении государства. Война застала Костина на номерном заводе, где он, имея диплом инженера-конструктора с отличием, активно включился в производственную деятельность, внес ряд предложений по усовершенствованию технологического процесса производства, был на хорошем счету, отличался трудолюбием и настойчивостью, много работал над повышением своих знаний, мечтая о получении ученой степени кандидата технических наук. В коллективе, по его словам, пользовался авторитетом, являлся членом бюро цеховой комсомольской организации.

Когда Костина увели, Барников спросил:

— Ну, как считаете, можно ему верить.

— Я думаю, Владимир Яковлевич, что можно. Правда, это только первое впечатление, предстоит еще многое выяснить.

— То-то и оно.

Прохаживаясь по кабинету, Барников продолжал:

— Главное взять Лобова, тогда станет все намного яснее. А вот как это сделать лучше, предстоит еще подумать. Лучшим вариантом было бы пустить на встречу с Лобовым Костина, чтобы узнать, кто его «дружки», но боюсь, что руководство не пойдет; он ведь не сам пришел, хотя и говорит, что имел такое намерение, а был захвачен с уликами на месте приземления. В этих случаях изве стная тебе директива, принятая в условиях осадного положения Москвы, требует проведения быстрого расследования и передачи дела в военный трибунал, который по законам военного времени, как правило, выносит суровый приговор, вплоть до высшей меры наказания, приводимый в исполнение публично в районе захвата шпионов. Поэтому ситуация здесь сложная, тем более, что нам еще неизвестно, где Костин находился в течение трех суток после приземления, с кем встречался, что делал. Все это предстоит еще выяснить, а время поджимает. Сегодня началось уже двадцать первое, до двадцать третьего, когда выйдет на место встречи Лобов, осталось, можно сказать, всего ничего. В общем, так: сейчас отдыхайте, а утром оформляйте документы на арест Костина и приступайте к его допросу. Сосредоточьте внимание на выяснении главных

вопросов: как попал в плен, когда, где и при каких обстоятельствах был привлечен к сотрудничеству с гитлеровской разведкой, выполнял ли какие-либо ее задания ранее, где находился, с кем встречался и что делал в период с 16-го по 20-е мая, то есть с момента приземления на территории СССР до задержания.

Впрочем, я не исключаю, закончил Барников, что руководство может принять решение о передаче дела в следственный отдел.

— Но как же тогда, Владимир Яковлевич, с основным вопросом — привлечением Костина к участию в наших мероприятиях? Мне думается, что дело весьма перспективное. Первая радиограмма уже ушла. Немцы успокоились, будут ждать результатов работы. Да и агентам, судя по всему, они верят.

— Все так, все правильно, но решать уравнение со многими неизвестными при наличии ограниченного времени тоже не резон. Таких возможностей еще будет много. Короче, давайте отдыхать, утро вечера мудренее.

По уходе Барникова я незамедлительно лег спать. Несмотря на насыщенность минувшего дня событиями, сильно будоражившими сознание, усталость взяла верх, и я сразу же крепко уснул.

Проснулся в начале восьмого, откинул шторы с окна, открыл форточку и снова лег на диване. Вставать не хотелось. Ворвавшийся в окно солнечный луч упал на висевшую на стене карту, осветив район Петрозаводска. Невольно в памяти всплыли картины прошлого, связанные с жизнью и учебой в лесном техникуме этого города в тридцатые годы. Но стоило лишь перевести взгляд на письменный стол, как все эти видения моментально исчезли, уступив место мыслям о проблемах, связанных с делом Костина, которые надлежало решать сегодня. Пришлось быстро вставать, привести себя в порядок и наскоро перекусить в столовой и приступить к работе. Прежде всего, написал проекты постановлений об аресте Костина и избрания в отношении его меры пресечения — содержание под стражей, — исключающей возможность уклонения от следствия и суда. Передав их Барникову, позвонил дежурному тюрьмы и попросил доставить Костина на допрос. Оставшись с ним наедине, предложил ему сесть, взял бланк протокола допроса и как можно внушительнее сказал:

— Сегодняшний разговор, Сергей Николаевич, будет носить характер официального допроса. Поэтому прошу отнестись к нему со всей серьезностью и ответственностью, ибо то, что «записано пером, не вырубишь топором». Мы искренне хотим, чтобы вы были предельно откровенны и правдивы, рассказывали

все начистоту, ничего не скрывая и не утаивая, какой бы горькой не была для вас та или иная история; говорю это из самых хороших побуждений, желая вам только добра. Ясно ли вам это?

— Вполне, спасибо.

Ответы Костина на вопросы анкетной части протокола полностью совпали с его прежними утверждениями, высказанными на предварительных беседах. Они не содержали никаких компрометирующих данных ни на Костина, ни на его родственные связи, и это обстоятельство радовало.

Закончив с анкетной частью, я, как советовал Барников, приступил к выяснению обстоятельств пленения Костина немцами и привлечения его ими к сотрудничеству с разведкой.

Они тоже оказались для меня не неожиданными, достаточно хорошо известными по делам захваченных ранее других вражеских агентов.

Рассказывая о пленении, он сообщил:

— Произошло это так. В первых числа июля 1941 года в районе Смоленска, наш батальон, входивший в состав 54-й дивизии, получил задание следовать в направлении станции Рудня и обеспечить ее оборону. Но достичь этой станции нам не удалось, так как на пути появились немецкие части, с которыми пришлось вступить в бой. Под давлением превосходящих сил противника мы были вынуждены отступить, потеряв связь со штабом своей дивизии и присоединившись к другим воинским подразделениям Красной Армии, также отходившим на восток. 10 июля стало известно, что мы попали в окружение. К концу июля, продвигаясь с боями в восточном направлении, батальон занял линию обороны в районе деревни Семеновка в 50 километрах севернее Смоленска. Немцы бросили против нас танки и предприняли мощную атаку с воздуха, разорвали нашу оборону и вынудили к беспорядочному отступлению. Со мной вместе оказались старшина из нашего радиозавода и два пехотинца. В окрестностях этой деревни в лесу мы отсиделись до вечера, а затем направились на поиск своих, плутали три дня, 30-го июля наткнулись на немецких автоматчиков. Ими и были взяты в плен. Сдались без всякого сопротивления, так как из-за длительного скитания без пищи и моральной подавленности, связанной с паническим отступлением, еле держались на ногах.

Слушая эту исповедь, я легко представил весь трагизм положения Костина, по существу еще только оперившегося молодого человека, начавшего самостоятельную жизнь, Трагизм, вызванный не только сложностью сложившейся вокруг него обстановки, но и тем психологическим шоком, который на первых порах внезапного нападения гитлеровской Германии на нашу

страну глубоко встревожил сердца и души советских людей.

— Понимаете — заключил он, — войну мы, я имею в виду себя и моих товарищей по взводу, представляли только теоретически, поэтому оказались не обстрелянными, как-то сразу растерялись, даже можно сказать струхнули. Позже, уже находясь в плену, было горько и обидно сознавать это, но факт остается фактом.

Убедительными показались мне и объяснения Костина об обстоятельствах его привлечения к сотрудничеству с вражеской разведкой. Они полностью совпадали с известными нам данными о практике вербовочной работы абверкоманды-103.

— 29 октября 1941 года, находясь в лагере военнопленных в Бобруйске, — рассказывал Костин, — я был вызван в комендатуру. Там со мной беседовали двое мужчин в форме командиров Красной армии — один майор, другой — капитан. Говорили по-русски, но с акцентом, особенно майор. Они задали мне ряд вопросов установочного характера — фамилия, имя, где и когда родился, кто родители, образование, партийность, профессия, кем был в армии, когда и где пленен. Мои ответы сверяли с учетной карточкой, которая имеется в лагере на каждого военнопленного. Когда они смотрели ее, я заметил, что слово «радист» было подчеркнуто жирной красной чертой. Обратив внимание на нее, капитан спросил: «Сколько знаков в минуту принимаете и передаете?» Услышав мой ответ: «Сто двадцать — сто тридцать», он повернулся к майору и сказал по-немецки «Зер гут». Затем меня спросили, хочу ли я работать по данной специальности. От неожиданности я растерялся. Работа в лагере была физическая, изнурительная, условия содержания тяжелые, питание скудное, военнопленные ходили как тени, свирепствовали болезни, многие умирали. Перспектива быть радистом, чтобы изменить эту кошмарную обстановку, мне представлялась как великое благо, и я, не раздумывая, согласился.

Вечером меня вызвали в комендатуру. Там был тот же капитан и четыре человека из числа военнопленных, тоже бывших военнослужащих Красной Армии, специалистов по связи. В сопровождении двух автоматчиков капитан довез нас на машине до вокзала, а затем железной дорогой через Минск доставили в Борисов. Здесь, как выяснилось позже, на северо-западной окраине, на территории бывшего колхоза «Маяк социализма», дислоцировались вербовочный пункт немецкой разведки и школа по подготовке разведчиков. Весь комплекс немецкой разведки и школа по подготовке разведчиков занимал четыре здания, гараж и ряд подсобных помещений. Штаб находился в здании бывшей

конторы колхоза, одноэтажном рубленом доме с пятью комнатами. В трех комнатах другого здания — бывшего клуба колхоза — размещались разведчики (общежитие с устройством спальных мест в два яруса), преподаватели школы и охрана. Третий одноэтажный рубленый дом был оборудован под школу, там проводились занятия с разведчиками. В четвертом домике находилась кухня, столовая и кладовая. В гараже, обшитом досками, стояло 4–5 машин. Здесь же была небольшая ремонтная мастерская.

По прибытии в этот комплекс нас принял в здании штаба немецкий офицер в чине майора, среднего роста, плотный, 45–47 лет бритоголовый с кошачьими, презрительно смотрящими глазами и заметно отвисшим животом. На мундире у него была ленточка, свидетельствовавшая о награждении железным крестом. Это был, как мы узнали впоследствии, начальник вербовочного пункта Альбрехт. Через переводчика он объявил, что мы отобраны для работы в разведке и нам предстоит пройти курс обучения по программе радистов. Дело сугубо добровольное, если кто не хочет, может отказаться и уехать обратно в лагерь. За отказ ничего не будет. Но надеюсь, что вы будете благоразумными и не откажитесь. Вы должны помнить, что вам оказано большое доверие, и это надо ценить.

— Вы на своем опыте убедились, — продолжал он, — в силе немецкого оружия, победа наша близка, и вы в ней не должны сомневаться. Сейчас доблестные войска фюрера штурмуют советскую столицу, а вслед за ее падением начнется грандиозное наступление по всему фронту, и большевистская Россия будет вынуждена капитулировать. Вам предоставляется счастливая возможность участвовать в этой битве, и я надеюсь, что вы оправдаете оказываемое вам доверие. Успешное выполнение предстоящих заданий сулит вам высокие награды, поощрения и счастливое будущее. Итак, согласны ли вы?

Все промолчали, никак не отреагировал и я. Возвращаться в лагерь было равносильно смерти, а сказанное Альбрехтом было еще загадочным и требовало серьезных размышлений.

— Что же, молчание, как говорят русские, есть знак согласия. Поэтому будем считать вопрос решенным.

— Давали ли вы какие-либо письменные обязательства? — спросил я.

— Нет, этого не требовали немцы. Они заполнили лишь анкету на меня, записали биографические данные, приметы, отобрали отпечатки пальцев и сфотографировали.

— Данные о себе вы указали действительные?

— Да.

— Следовательно, ваше желание работать на немцев было искренним?

— Откровенно говоря, я тогда действовал механически, не отдавая отчета в серьезности происходящего. Я был рад, что вырвался из лагеря, и это для меня было главным. Что касается данных моей биографии, то они были уже известны немцам из учетной карточки в лагере, поэтому менять что-либо было рискованно.

Задав Костину еще ряд вопросов, я закончил допрос, дал ему подписать протокол и отпустил его на обед. Затем позвонил Барникову.

— Владимир Яковлевич, я хотел бы показать протокол допроса Костина, когда можно?

— Думаю, часа через два. Впрочем, пока без протокола…

Барников проводил совещание с работниками группы розыска, которых в шутку мы называли «шерлокхолмсами». Старшим группы был Салынов Николай, энергичный, волевой крепыш, небольшого роста, инженер по образованию, только что отметивший свое тридцатилетие. Помощниками у него были примерно такого же возраста волгарь из Кинешмы Федоткин, тоже Николай, трудно привыкавший к чекистской работе после отрыва от речного дела на любимой реке и Мартин Розен, высокий симпатичный латыш, бывший политический заключенный, освободившийся из застенков тюрем в буржуазной Латвии в 1940 году после установления там советской власти. Обсуждался вопрос об улучшении розыскной работы в связи с усилившейся активностью немцев по заброске в наш тыл агентуры, прошедшей обучение в разведывательных школах.

— Вот вам еще свежий пример, — заметил Барников. — О нем вкратце доложит товарищ Корбов, а вы постарайтесь взять на заметку все то, что надлежит учитывать в организации розыска, как можно извлечь уроки из этого дела для совершенствования нашей практики.

После обеда я продолжил допрос Костина. На вопрос о том, где он находился, что делал и с кем встречался после приземления на нашей территории до момента его задержания, Костин ответил не сразу, он замялся, забеспокоился, чувствовалась в его поведении какая-то тревога.

— Я жду, Сергей Николаевич, вопрос, мне думается, понятен, да и времени прошло не много, забыть вы ничего не могли.

— Да, конечно… Но рассказывать-то собственно нечего, — начал он, потупившись. — Расставшись с Лобовым, я на попутной машине доехал до Середникова в Шатурском районе, а потом не торопясь, следуя строго на юг, добрался до Рязановской и

пробрался в родные места. Ночь с шестнадцатого на семнадцатое провел в лесу. В расположении родной деревни оказался только к вечеру семнадцатого. Не доходя до нее полутора километров, снова заночевал в стоге сена. Весь день восемнадцатого наблюдал издали за деревней в надежде увидеть мать, так как наш дом стоял несколько на отшибе на краю крутого обрыва и хорошо просматривался. Но из моих попыток ничего не вышло, и ночь с восемнадцатого на девятнадцатое я опять провел в стоге сена. Девятнадцатого, понаблюдав еще немного за деревней, увидел мать, страстно хотелось зайти, но боясь ее растревожить, решил вернуться обратно к месту приземления, чтобы забрать рацию и идти в Егорьевск в райотдел НКВД. Ночь с девятнадцатого на двадцатое провел в лесу, недалеко от Шарапово. Потом встретился с Вами, вот и все.

Закончив рассказ, Костин несмело посмотрел на меня и тут же отвел глаза в сторону, он был явно возбужден, краснел, часто облизывал губы.

Усомнившись в правдивости ответа, я выждал две — три минуты, пристально смотря на него, а затем спросил:

— Значит, Вы утверждаете, что все так и было и, следовательно, можно это записать в протокол?

Костин промолчал.

— Что молчите? Если допустили ошибку, лучше признавайтесь сейчас. Повторяю: то, что будет записано пером, не вырубишь топором. Потом будет уже сложнее, ибо «единожды солгавший, кто тебе поверит!» Надеюсь, слышали это изречение?

Костин продолжал молчать, опустив свою курчавую голову, тяжело вздыхая и продолжая облизывать губы.

— Ну, хорошо, будем протоколировать, — заметил я, беря ручку и бланк протокола.

— Не надо, гражданин следователь, — чуть слышно вымолвил Костин.

Он поднял голову, в глазах у него стояли слезы, лицо было красное, потное.

— Извините, пожалуйста, я сказал неправду. Забудьте это.

Я дал ему воды, разрешил закурить, просил успокоиться. А когда почувствовал, что можно продолжать допрос спросил:

— Ну, рассказывайте, как было в действительности?

— Вначале все правильно. А дальше было так. Семнадцатого числа я действительно дошел до своей деревни, отдохнул в стоге сена, дождался темноты и, соблюдая меры предосторожности, пробрался к своему дому. Было тихо, где-то залаяла собака. Я поднялся на крыльцо и постучал. Через несколько минут услышал голос матери: «Кто там?» На мой ответ, мать быстро открыла

дверь и увлекла меня в дом.

Сказав это, Костин зашмыгал носом, снова прослезился и, смущаясь своей растроганности, сказал:

— Извините, пожалуйста. Я сейчас.

Выпив глоток воды, немного успокоившись, он продолжал:

— В доме матери я находился с вечера семнадцатого до утра девятнадцатого мая. Никуда не выходил и ни с кем не встречался. Рано утром девятнадцатого ушел с намерением сдаться органам НКВД. Ночь с девятнадцатого на двадцатое провел в лесу недалеко от Шарапово, а двадцатого уже был задержан Вами, В пути туда и обратно ни с кем не встречался.

— Чем был вызван Ваш заход в деревню?

— Единственной целью моего захода в деревню было желание увидеть мать. Я боялся, что после явки в НКВД сделать это будет уже невозможно. Немцы внушали нам, что тех, кого захватят органы НКВД или кто сдастся им добровольно непременно ждет смертная казнь.

— Вы рассказали матери, что являетесь агентом немецкой разведки и прибыли сюда для выполнения се задания?

— Да, рассказал. Вначале я хотел скрыть это, что было легко сделать, так как немцы мне изготовили документы на мое настоящее имя. По ним я значусь лейтенантом Красной Армии, прибывшим в отпуск сроком на две недели или в командировку от воинской части, нужно было только заполнить соответствующий бланк — отпускное удостоверение или командировочное предписание. Мать очень обрадовалась моему появлению и хотела пригласить знакомых, тем более что меня считали без вести пропавшим, о чем имелось официальное уведомление. Опасность огласки стала неминуемой. Поэтому во избежание ее я вынужден был изменить свое решение и рассказать матери правду.

— Как отнеслась мать к Вашему признанию? Костин снова расстроился, долго не мог успокоиться, а потом сказал:

— Лучше не вспоминать. Это была жуткая сцена. Я думал, что мать не выдержит, умрет у меня на руках. Она была в таком отчаянии, что мне стало страшно, Я долго не мог ее успокоить и только тогда, когда сказал, что намерен сам явиться в органы НКВД, постепенно стала приходить в себя. А когда приступ отчаяния миновал, стала уговаривать меня, чтобы я взял ее с собой в Егорьевск для явки в НКВД. Мне с большим трудом удалось убедить ее в ненужности этого шага, и то лишь после того, как я поклялся выполнить обещание о добровольной явке в райотдел НКВД перед памятью отца, поцеловав его фото.

В этот момент позвонил Барников, просил зайти с

протоколом допроса. Сообщив, что у меня в кабинете подследственный, договорились встретиться через 15–20 минут.

В ожидании вахтеров, вызванных мною сразу после звонка Барникова, я задал Костину вопрос о причинах, побудивших его скрыть от следствия его встречу с матерью.

— Немцы нам внушали, — ответил Костин, — что органы НКВД при захвате агента привлекают к ответственности не только его самого, но и всех тех, кому было известно о принадлежности его к разведке. Поэтому я опасался, что могут быть неприятности матери и, чтобы не допустить этого, решил утаить факт ее встречи со мной.

— Матери Вы давали какие-либо поручения, просили ее о чем-нибудь?

— Нет, я рассказал Вам все как было, ничего не скрывая. Мне очень стыдно, что я допустил неискренность, но сделал я это не из злого умысла, а только из желания не причинить вреда матери.

На этом я прекратил допрос, пожелал Костину хорошо отдохнуть. Уходя, он сказал:

— Спасибо, что помогли мне. С меня свалилась точно гора. Тяжесть была невероятной. Она теснила мне грудь и сжимала сердце.

Перед уходом к Барникову я позвонил в областное управление Смирнову: — Сережа, привет. К тебе большая просьба. Завтра кровь с носу, а чтобы мать Костина была здесь. Позвони в Егорьевск, узнай, что они копаются.

Барников был один. Предложив мне сесть, сказал:

— Вот Ваши постановления, они утверждены руководством и санкционированы прокурором. Передайте в спецотдел для оформления процедуры ареста.

Прочитав мои протоколы допросов Костина, Барников заметил:

— Выходит, абверкоманда-103 не перестроилась, действует теми же методами. Что ж, это хорошо. Нам легче. Хотя от этой лисы полковника Герлица (начальник абверкоманды. Прим. авт.) можно ожидать любой пакости. Надо глядеть в оба. Ну, а как ведет себя Костин. Какое впечатление?

— Особых замечаний в его неискренности у меня нет, создается впечатление, что для наших мероприятий это неплохая кандидатура. Но надо еще работать, так как был один момент, который все-таки настораживает.

— А именно?

— Пытался скрыть от следствия свою встречу с матерью.

— Я этого не заметил. В протоколе вроде все гладко.

— Я не отразил указанный момент.

— Почему?

— Когда хотел запротоколировать ответ, он признался, что сказал неправду и просил не записывать:

— Выходит, пожалели.

— Нет, не в этом дело. Если бы Вы видели его в тот момент, думаю, сделали то же самое. Парень тяжело пережил, и это пойдет ему на пользу. Да и решать вопрос о включении его в наши мероприятия будет легче.

— Но где гарантия, что он будет откровенным в других вопросах, более серьезных, которых мы не имеем возможности проверить.

— Такой гарантии сейчас, конечно, дать нельзя.

— Вот то-то и оно. Кстати, надо срочно допросить мать, важно, что покажет она. Кроме того, постарайтесь найти характеристики на него по институту.

— Ясно, в отношении матери я звонил уже Смирнову. Может быть, завтра ее доставят сюда.

— Хорошо, с этим пока все. Теперь о Лобове. С Салыновым еще не обсуждали плана операции?

— Нет, Владимир Яковлевич, не успели. Будем заниматься после ужина.

— Давайте, давайте, время поджимает. В принципе, я думаю, надо разработать два варианта. Один — с участием Костика, другой — без него. Если с Костиным, то надо уже сейчас подыскать подходящую квартиру, где он якобы устроился на жительство и откуда может вести радиопередачи. Для этой цели лучше всего подойдет загородный дом или дача. Посоветуйтесь с товарищами из областного управления, у них, наверняка, есть такие возможности.

На этом беседа с Барниковым закончилась. По выходе из кабинета в приемной столкнулся с Машей и Аней. Маша загородила мне путь к выходу, но я, улыбаясь, вежливо отстранил ее и вышел в коридор, став невольным слушателем такого диалога, дошедшего до меня через неплотно прикрытую дверь.

— Не на того короля ставишь, Маша, — заметила Аня, он же женатик.

— Подумаешь, они все женатики, но живут-то холостяками.

— Да и не до нас им теперь, ты приглядись, аж высох он, одни косточки торчат.

Маша ничего не ответила. Прикрыв дверь, я направился в столовую.

После ужина зашел к Салынову. Просидели до двух часов ночи. Разработали принципиальную схему операции по захвату Лобова в двух вариантах, как советовал Барников.

Возвратившись к себе, я приготовил постель и лег спать. Но напряженность дня давала себя знать, сон не приходил, вспоминался допрос Костина, его расстроенный, беспомощный вид. Припомнились основные вехи его жизненного пути. Они почти дублировали мою личную биографию. Рос тоже полусиротой, оставшись на руках у матери в возрасте восьми месяцев с трехлетним братом. Отец, мобилизованный в русскую армию в августе 1914 года, ушел на фронт, где и погиб в бою с немцами. Потом трехлетняя сельская школа, четвертый класс в соседнем селе, школа крестьянской молодежи в районном центре, техникум в Петрозаводске и, наконец, институт в Ленинграде. И тоже такой же отрезок жизни в общежитиях на полном обеспечении государства, И почему-то от сознания этой общности в биографиях стало жаль Костина и в то же время досадно за его попытку скрыть встречу с матерью, захотелось как можно объективнее разобраться в обстоятельствах его дела. С этими мыслями я и уснул.

Проснулся от телефонного звонка. На проводе был Сергей Смирнов. Он сообщил, что мать Костина направлена к нам, должна быть не позднее десяти утра. Просил заказать пропуска и встретить.

Я быстро встал, привел себя в порядок, зашел к дежурному по управлению за пропусками, отнес их на подъезд и направился к Барникову, доложил о предстоящем приезде матери Костина, на что он ответил:

— Допрашивай обстоятельнее, я может быть подойду позже, а сейчас должен идти к начальнику отдела.

— Хорошо бы, Владимир Яковлевич, подключить стенографистку. Допрос очень важный, и тут имеет значение любая деталь. Поговорите, пожалуйста, с Петром Петровичем, может быть, он согласится дать Раю. Это займет не больше часа.

— Ладно, — ответил Барников, доставая из сейфа пухлую папку с грифом «Для доклада».

Только успел я открыть дверь своего кабинета, как позвонил Смирнов.

— У нас все в порядке.

— Тогда поднимайтесь ко мне, пропуска на подъезде. Минут через пятнадцать, показавшиеся мне необычно длинными из-за необъяснимого внутреннего волнения, в кабинет вместе со Смирновым вошла пожилая женщина среднего роста, довольно еще стройная, в темной юбке, шерстяной поношенной кофточке, повязанная простеньким ситцевым платком. Она поклонилась и сказала «здрасте».

Ответив на приветствие, я встал, поставил стул около стола и

предложил ей сесть. Смирнов расположился на диване.

— Как доехали? — спросил я.

Спасибо, хорошо.

— Вы догадываетесь о цели вашего вызова?

— Да, догадываемся, — уверенно ответила она и после небольшой паузы добавила:

— К вам пошел мой сын Сережа. У него очень серьезное дело. Так, пожалуй, поэтому и вызвали. Скажите, он тута?

— Да, у нас.

— Слава богу, — радостно произнесла она.

— Почему же слава богу?

— Да как же, отлегло на сердце-то. А то ведь всяко бывает. Идти-то к вам не каждый может, боязно, — бесхитростно ответила Костина, перекладывая платок с головы на плечи. Она разрумянилась, волосы у нее, не по годам густые, темно-каштанового цвета, не потерявшие еще приятного блеска, были уложены в пучок. Тонкие, правильные черты лица, такие же большие, выразительные, как и у сына глаза свидетельствовали об ее несомненной былой красоте. Она сидела на краешке стула прямо, не опираясь о спинку, скрестив на коленях обветренные, натруженные руки. Вошла стенографистка Рая. Я посадил ее у приставного столика и приступил к допросу. Костина отвечала охотно, подробно, безбоязненно. Вот запись ее рассказа об обстоятельствах встречи с сыном и состоявшихся между ними разговорах, откорректированная стенографисткой:

— Семнадцатого мая, поздно вечером, когда я легла спать, послышался стук в наружную дверь.

Я спросила, кто там? Неожиданно услышала:

— Мама, открой, это я — Сергей.

Ноги у меня подкосились, сердце упало, и я не помню, как открыла дверь. Бросилась ему на шею, расплакалась. Он стал успокаивать меня. Вошли в дом. Я зажгла лампу. Он спросил:

— А окна завешены?

— Да, Сережа, — ответила я, — мы закрываем ставнями.

Я схватилась за самовар, стала собирать на стол, засуетилась, не зная, что и делать, потом достала бумагу, в которой сообщалось, что он пропал без вести. Подошла к нему.

— Вот, Сережа, что мы получили, думали, что тебя уже нет в живых, я все извелась после этого известия, но в душе верила, что ты вернешься. Слава богу, что так и вышло.

Да, ты что стоишь-то, раздевайся, садись, сейчас самовар вскипит, позовем соседей, устроим встречу, хоть угощать-то особенно и не чем. Но картошка-то есть, хлебушка тоже. У соседей корова, молочка и маслица дадут.

— Не надо мама никого беспокоить, ночь ведь, люди спят.

— Ладно, тогда утром.

— И утром не надо, вообще не надо никому ничего обо мне говорить.

— Как же так, Сереженька, радость-то ведь какая.

— Я зашел повидать только одну тебя, у меня очень ограниченный срок и важное дело, завтра, в крайнем случае, послезавтра, я должен вернуться в часть.

— Ну, хоть самых-то близких позовем, а то будут обижаться на меня. Да тут и твоя симпатия сейчас в деревне, Оленька. Она приехала помочь матери посадить картошку. Вчера забегала ко мне, спрашивала, нет ли вестей от тебя. Вот обрадуется-то!

— Мамочка, я еще раз очень прошу тебя никому и ничего не говорить обо мне. Если ты этого не сделаешь, я сейчас же уйду.

Мне стало не по себе, показалось, что с ним что-то случилось. Ведь он такой был раньше внимательный, ласковый, обходительный со всеми, а тут не захотел никого видеть. Я стала умолять его, чтобы он не таился, а рассказал, что его беспокоит.

— Ну, ладно, мама, скажу только тебе, но будь мужественной, крепись.

Костина тяжело вздохнула, вытерла набежавшие на глаза слезинки кончиком платка и продолжала:

— И вот он рассказал, что его послали к нам немцы шпионить. В груди у меня похолодело, тело все как будто сковало, в голове зашумело, и я упала, очнулась, когда он прикладывал мне на лицо примочки, растирал руки и ноги, дал воды.

— Ну, успокойся, успокойся, что ты так разволновалась, не выслушав меня до конца. Я согласился на эту работу только потому, чтобы уйти от фрицев, выбраться на родную землю, а работать на них не собирался и не намерен.

— Вот правильно, Сереженька. Разве можно на этих извергов работать?! Но что делать-то?

— Как, что? Сам пойду в НКВД, все расскажу, как есть. Что будет, то и будет.

— И я с тобой пойду.

— Нет, тебе не зачем впутываться в это дело, я не хочу, чтобы у тебя были неприятности из-за меня.

— А ты не передумаешь?

— Что ты, мама, как можно.

— На вот, поклянись, перед отцом, — сказала я, снимая со стенки фотографию мужа, — он ведь тоже пострадал от этих проклятых немцев.

Сережа поцеловал фотографию отца и поклялся.

Это меня немного успокоило.

Пробыл он дома две ночи и один день — восемнадцатого мая. Никуда не выходил. Дверь я запирала на замок. Девятнадцатого мая, перед рассветом он взял свой рюкзак, простился со мной и пошел в Егорьевск с намерением по пути зайти за радиостанцией, спрятанной в лесу.

А перед самым уходом сказал:

— Прости, мамочка, что я не привез тебе ничего, кроме огорчения. Правда, есть тут в рюкзаке тридцать тысяч, но… они от них.

— Что ты, что ты, Сережа, это — поганые деньги. Не смей трогать их, все до единой копейки отдай там, в НКВД.

— Спасибо, мамочка, ты обрадовала меня, я так и думал.

Он спустился в овраг, помахал мне рукой и, прижимаясь к кустам, чтобы его не заметили, скрылся из вида. А я стояла у калитки, смотрела ему в след и горько плакала. Вот и все.

Когда стенограмма была подписана, я поблагодарил Костину, договорился с ней о необходимости сохранять в строгой тайне дело сына и пожелал ей благополучного возвращения домой.

Перед уходом она спросила, нельзя ли повидаться с сыном. Я объяснил, что сейчас это нежелательно, так как расстроит его, выведет из равновесия, но что позже это будет вполне возможно, сообщил, что чувствует он себя хорошо, у него все в порядке. Просил ее не волноваться.

— Тогда, хоть вот гостинец передать можно, тут маслица немного, яички и сдобные лепешечки. Помогли справить соседи, я сказала, что еду в больницу к тете.

— Это, пожалуйста, оставьте здесь, я вручу ему.

Проводив Костину и Смирнова до лестницы, я направился к Салынову. Предстояло вплотную заняться операцией по захвату Лобова.

Рассмотрев разработанные накануне варианты планов захвата Лобозва с учетом показаний матери Костина, я убедил Салынова в целесообразности проведения операции с его непосредственным участием. С этим мнением мы и пришли к Барникову. Он внимательно выслушал нас, ознакомился со стенограммой допроса Костиной и сказал, что в принципе одобряет эту идею, но не уверен в поддержке ее со стороны начальника управления, который информирован о деле Костина только в общих чертах.

— На всякий случай — заключил Барников — готовьте начисто оба варианта. Вечером доложим комиссару.

Да, вот еще что, — спохватился он, когда мы собрались уходить, а позиция-то самого Костина известна? Как он то отнесется к предложению участвовать в операции? Не откажется,

не струсит? Обязательно поговорите с ним.

Замечание было резонным, я сразу же вызвал Костина. Пока его вели, позвонил Смирнову и попросил срочно подыскать адрес отдельного дома или дачи в районе Малаховки или Томилино, предупредив, что нужны надежные хозяева, удобные места для организации наблюдения и засады, отсутствие любопытных соседей.

Костин немного осунулся, был задумчив и грустен. Чувствовалось, что он провел бессонную ночь после нашего вчерашнего разговора. Стараясь вывести его из этого состояния, я сказал:

— А у Вас, Сергей Николаевич, сегодня праздник — привет от матери и вот гостинец.

— Она была у Вас, оживился Костин.

— Да.

— Сама пришла или ее вызвали?

— Вызывали для беседы, чтобы проверить Ваши показания.

— Проверять нечего, я рассказал правду. А ей ничего не будет?

— Что же ей может быть? Она ведь не училась в разведывательной школе, шутливо заметил я. Поехала домой. Просила свидания с Вами, но мы пока воздержались, не хотели Вас расстраивать. Тем более, что у нас еще много важных дел. Вот, когда закончим, тогда все можно. Думаю, что — это разумно.

— Согласен.

— Тогда давайте работать. Вы показали, что завтра должны встретиться с Лобовым. Так?

— Правильно.

— Что будем делать?

— Как что? Надо захватить его, не отпускать же, он ярый враг, сам не придет.

— Хорошо, положим, что захватили. А о своих дружках-то он расскажет?

— Может не рассказать.

— Как же тогда? Вероятно, надо что-то придумать. Я встал, несколько раз прошелся по кабинету, а затем, обращаясь к Костину, сказал:

— А если сделать так: на встречу с Лобовым, как и обусловлено, выйдете лично Вы, расскажите ему, что у Вас все нормально, устроились в Подмосковье надежно, адрес дадим, рация в полном порядке, ждете указаний о работе. В свою очередь, не задавая настораживающих вопросов, запомните, что расскажет он. В конце свидания обусловите новую встречу. Идея

понятна?

— Ясно.

— Конечно, предварительно надо хорошо подготовиться. Все это мы берем на себя. Ваша задача — провести встречу так, чтобы не вызвать у него недоверия. Все должно быть естественно, так, как это произошло бы при Вашей работе на разведку. Что касается захвата Лобова, то, когда это сделать посмотрим по обстоятельствам: куда он пойдет, с кем будет встречаться, что будет предпринимать… После небольшой паузы я спросил:

— Теперь слово за Вами, возьметесь за выполнение этой задачи?

— Согласен, я считаю, что это мой прямой долг, — не колеблясь, ответил Костин.

— А не подведете, не растеряетесь?

— Думаю, что нет. Лобов, конечно, дотошный тип, осторожный, осмотрительный, лишнего не скажет, наблюдательный, глаз у него, как говорится, наметан, но в интеллектуальном отношении он все-таки слабоват, особой проницательностью не обладает, и заметить что-либо настораживающее в моем поведении ему будет трудно. Тем более, что по сути своей психологии, его личной приверженности к немцам, он считает, что все, кто согласился работать на разведку, являются такими же врагами советской власти как и он. Другого он не допускает.

— То есть, Вы хотите сказать, что он отнесется к Вам с абсолютным доверием?

— Полагаю, что так.

— Это хорошо, но меры предосторожности все же необходимы, и их надлежит продумать заранее. Постарайтесь мысленно все обмозговать, представить, что Вы действительно встретились. Это поможет четко определить как вести себя, что говорить, на что обращать внимание и прочее. Появится уверенность. Понятно?

— Ясно.

— Значит, в принципе договорились?

— Да.

— Очень хорошо, спасибо. Правда, это пока предварительно, решать будет руководство. Но готовиться надо. И еще просьба. Я дам Вам с собою бумаги и карандаш. Напишите подробно о полученном Вами задании, режиме работы на рации, условиях связи, порядке пользования шифром. Постарайтесь это сделать сегодня к вечеру.

— Хорошо.

Предупредив начальника тюрьмы о том, что Костину

разрешено взять с собой в камеру посылку, чистую бумагу и карандаш, а также попросив его дать указание не чинить ему препятствий для работы, я отправил Костина на отдых. Настроение его заметно улучшилось. Ушел он с чувством явного душевного подъема.

Позвонил Салынов:

— Ну, ты как? Сможешь сейчас поехать? Надо обязательно посмотреть все на месте. Буду ждать у подъезда.

Салынов был не один.

— Знакомься, — сказал он при моем появлении, — это товарищ Маслов из подразделения Бойцова, будет помогать нам.

Пожав друг другу руки, мы представились по имени и отчеству. Владимир Иванович, — так назвал себя Маслов, оказавшийся по всем параметрам — возрасту, стажу работы, должностному положению и званию — старше нас с Салыновым, произвел впечатление весьма приятного человека. Он был разговорчив, прост в обращении, уважителен, обладал природным даром устанавливать с людьми нужный контакт в любой ситуации. Держался легко и свободно, что создавало обстановку непринужденности с самой первой минуты знакомства.

На площади Дзержинского спустились в метро и доехали до станции «Комсомольская». Поднявшись наверх, остановились у входа.

— Вот здесь, Владимир Иванович, на этом пятачке, завтра в пятнадцать ноль-ноль, — пояснил я.

— Т-а-к — многозначительно произнес Маслов, окинув взглядом прилегающие к станции подходы и окружающую обстановку.

— Ну, что же, место вроде подходящее, — сказал он после того, как все тщательно осмотрели, — но кое-что придется придумать для укрытия постов наблюдения.

— Это уже решайте вы, — заметил Салынов, вам виднее.

Пробыв на месте будущей встречи агентов еще минут десять и обменявшись мнениями по существу принятия необходимых мер, мы тем же путем, на метро, возвратились в наркомат.

Для окончательной отработки плана операции теперь не хватало лишь адреса «проживания» Костина. Поэтому, я сразу позвонил Смирнову.

— Ну, как, Сережа, с моей просьбой?

— Все в порядке, сейчас зайду.

Адрес оказался, на мой взгляд, удачным. Это был рубленый двухкомнатный с кухней и застекленной верандой домик, находившийся в полутора километрах от Томилино, в некотором

удалении от дороги дачного поселка на усадьбе площадью в четверть гектара с тенистым фруктовым садом и любовно ухоженным огородом.

Усадьба была обнесена глухим деревянным забором, окрашенным в зеленый цвет. Из подсобных помещений в доме были чердак, удобный для работы на рации, две кладовки, подвал, а на участке — сарай, летний душ и туалет.

Домик занимала супружеская чета довольно почтенного возраста. Хозяину, потомственному железнодорожнику, незадолго до войны ушедшему на пенсию, шел 74-й год. Жена его, домашняя хозяйка, была на два года моложе. Их дети — двое сыновей, тоже имевших отношение к работе железнодорожного транспорта, находились на фронте, а невестки с внуками в данный момент были эвакуированы в Ташкент к дальним родственникам.

По данным областного управления НКВД хозяева являлись честными, добропорядочными и вполне надежными людьми, которым можно было полностью доверять.

— Спасибо, Сережа, это то, что надо, — заметил я, — внимательно ознакомившись с планом местности и маршрутом следования к домику с указанием видов транспорта и предметных ориентиров.

Отпустив Смирнова, я внес необходимые коррективы в план операции по захвату Лобова и зашел к Салынову. Вместе с ним пошли к Барникову, который, посмотрев план, сказал:

— Хорошо, оставьте. Будьте на месте, возможно потребуетесь.

В приемной комиссара госбезопасности 3-го ранга, начальника управления контрразведки, куда я был вскоре вызван, были Тимов, Барников, Салынов. Я подошел как раз вовремя, когда его секретарь сообщил, что можно заходить. Петр Васильевич Федов сидел за большим письменным столом, на котором возвышалась высокая настольная лампа, напоминавшая зонтик из-за широкого шелкового абажура, из-под которого на документы падал ровный, не раздражающий глаз, свет. Панели просторного кабинета были отделаны плитами красного дерева двух оттенков, установленными в шахматном порядке. Пол закрывал большой со скромным рисунком ковер, к которому от двери вела зеленая с коричневатыми полосами по краям ковровая дорожка.

Комиссар был в расцвете творческих сил, ему едва перевалило за сорок, В темно-сером штатском костюме, белой сорочке с галстуком, в очках солидной роговой оправы на тщательно выбритом приятном лице, с аккуратно причесанной рукой шевелюрой, начинавшей седеть на висках, он производил

впечатление сугубо интеллигентного человека. Это впечатление усиливалось от культуры его речи и умения держать себя. Ему были присущи спокойствие, выдержка, уравновешенность, уважительное отношение к собеседникам. Он пользовался репутацией умного, грамотного, обладавшего большим опытом оперативной работы руководителя, но вместе с тем весьма осторожного, не торопливого в принятии решений, избегавшего любых активных действий, требовавших определенного риска. Работникам управления было уже известно, что если Петр Васильевич после прочтения документа стал слегка постукивать пальцами по столу, то это был верный признак его несогласия. Документ либо отвергался, либо возвращался на доработку или попадал в так называемый «долгий ящик», где и лежал до минования надобности.

Ответив на приветствие, комиссар предложил вошедшим занять места за столом заседаний, стоявшем вдоль наружной стены, проемы окон которой были зашторены плотными, ниспадавшими почти до самого пола гардинами. За этот же стол пересел и он сам.

Включенная шестирожковая люстра под потолком залила кабинет ярким электрическим светом, оживив висевшие на стенах портреты В.И. Ленина, И.В. Сталина, Карла Маркса, Ф.Э. Дзержинского и географическую карту Советского Союза с красными и черными флажками, означавшими прохождение линии фронта.

Когда все сели, Тимов открыл папку «для доклада», достал план операции по захвату Лобова с участием Костина и передал его комиссару.

Федов прочел и, не поднимая головы, стал слегка постукивать по документу пальцами. Я насторожился. Сидевший рядом со мной Салынов толкнул меня коленкой, показывая тоже свое беспокойство.

— А разве дело Костина, — поднимая голову, сказал комиссар, — Вы еще не передали в следственный отдел?

— Видите ли, Петр Васильевич. Это дело представляет для нас большой интерес по двум причинам: во-первых, необходимо захватить Лобова, выявив предварительно все его связи. При участии Костина сделать это можно быстрее и квалифицированнее. Во-вторых, в случае успешного завершения операции открываются неплохие перспективы в плане дезинформации противника, выявления его планов и намерений, срыва его подрывных акций против нас.

— Но вы забываете, что есть директива, точно определяющая наши прерогативы в отношении агентов противника, которые

были захвачены на месте преступления. Я опасаюсь, что наши самовольные действия могут вызвать нежелательную реакцию со стороны наркома.

— Дело Костина, Петр Васильевич, по нашему мнению, является не типичным с точки зрения применения директивы. Есть все основания полагать, что он имел твердое намерение придти к нам с повинной и сделал бы это, если бы не столкнулся в лесу с нашими товарищами во время изъятия из тайника рации, которую он хотел принести как вещественное доказательство.

— Ну, знаете, это звучит, по меньшей мере, наивно. Какие есть основания для такого вывода?

— Показания матери Костина. Они полностью совпадают с тем, что рассказал сам Костин. Так ведь, товарищ Корбов? — обратился ко мне Тимов.

Я встал и кратко изложил суть показаний Костина и его матери, подтвердив сказанное Тимовым.

— Костина допрашиваете только Вы? — спросил комиссар.

— В основном да, — ответил я, но на некоторых допросах присутствовал Владимир Яковлевич.

— Какое у Вас сложилось впечатление о Костине, можно ему верить?

— У меня положительное мнение о нем, думаю, что он ведет себя откровенно и готов искупить свою вину.

— Только думаете, или убеждены?

— Убежден, товарищ комиссар.

— А у Вас, Владимир Яковлевич, какое впечатление?

— Я разделяю точку зрения Корбова, Костин действительно производит впечатление откровенного человека.

Комиссар замолчал, посмотрел на документ и снова застучал по нему пальцами.

— Мне не понятно, почему Вы решили все усложнять? Разве нельзя Лобова захватить на месте встречи без участия Костина. Приметы ведь есть?

— Захватить, конечно, можно, Петр Васильевич, и без участия Костина, ответил Тимов, — но в этом случае мы лишаемся возможности установить людей, с которыми он связан. А это очень важно.

— Не спорю, важно, но это можно выяснить и в процессе следствия. Куда же он денется?

— Кроме того, не исключено, — продолжал Тимов, — что Лобов может привести с собой на место встречи кого-либо из своих друзей с целью наблюдения за происходящим. В этом случае захват Лобова неминуемо раскроет то, что Костин действует по нашей указке.

— Но где гарантия, что Лобов будет вести себя как пай-мальчик? Надо исходить их худшего. Вдруг он что-либо заподозрит в поведении Костина или заметит за собой наблюдение после ухода с места встречи. Тогда как? Он ведь может уйти вообще. А это уже провал с вытекающими отсюда последствиями для всех нас.

— Такой гарантии, разумеется, дать нельзя. Но, как уверяет Костин, Лобов должен отнестись к нему с доверием. Что касается наблюдения за Лобовым, то товарищ Бойцов обещал выделить самых квалифицированных сотрудников, которые будут действовать крайне осторожно. На худой конец, если Лобов, почуяв опасность, проявит беспокойство, они его немедленно задержат. Уйти ему не удастся ни при каких обстоятельствах.

— У меня создается впечатление, — сказал комиссар после небольшой паузы, что Вас как будто околдовал этот Костин. Уж не маг ли он? Хотелось бы на него взглянуть. Вызовите-ка его, товарищ Корбов.

Я вышел в приемную и, позвонив дежурному тюрьмы, попросил срочно доставить Костина в кабинет комиссара.

Время было уже за полночь, но так как Костин еще не спал, выполняя мое поручение, привели его очень быстро.

— Вот, пожалуйста, — сказал он, вручая исписанные листы с ответами на мои вопросы, — но прошу извинить, что не успел закончить описание шифра.

— Ничего, доделаете после. Сейчас я вызвал Вас не за этим. Пойдете к большому начальству. Постарайтесь вести себя спокойно и уверенно.

Костин заволновался.

— Ну, пошли, пошли. Не робейте! — подтолкнул я его, открывая дверь.

Войдя в кабинет, Костин на мгновение зажмурился от яркого света, но быстро оправился и, поприветствовав присутствующих легким поклоном, замер в стойке смирно.

Комиссар встал, показывая жестом, чтобы мы сидели на местах, и, заложив руки за спину, подошел к Костину. Он был чуть ниже его и шире в плечах, но достаточно еще стройный, подтянутый. Посмотрев на Костина пристально, почти в упор, точно стараясь проникнуть в глубь его души, Федов указал ему на стул у приставного столика около письменного стола, а сам прошел на свое рабочее место, расположившись в кресле.

Продолжая внимательно смотреть на Костина и постукивая слегка пальцами по столу, он спросил:

— Вам говорили, что завтра, вернее уже сегодня, вы должны участвовать в важной операции?

— Да.

— Как Вы относитесь к этому?

— Я хочу искупить свою вину делом, поэтому готов сделать все, что необходимо.

— А как Вы представляете себе суть задачи?

— Я должен встретиться с моим напарником, вернее руководителем, Лобовым и, разыгрывая роль честно выполняющего задание немецкой разведки, добиться выяснения интересующих Вас вопросов. Конкретные инструкции на этот счет мне будут даны непосредственно перед выходом, на встречу.

— Сможете Вы сыграть такую роль?

— Думаю, что да, смогу.

— А не подведете?

— Я постараюсь в точности выполнить данные мне рекомендации. В этом у Вас не должно быть никаких сомнений.

Комиссар одобрительно кивнул головой, откинулся на спинку кресла и, взяв со стола пачку «Казбека», чтобы закурить, спросил:

— Вы курите?

— Да.

— Берите, закуривайте, — предложил он, протягивая Костину

папиросы и спички.

Сделав несколько затяжек и положив папиросу на пепельницу, комиссар поинтересовался:

— Кто Вы по образованию?

— Инженер-конструктор по машиностроению.

— Практический стаж есть?

— Полтора года.

— В партии или комсомоле состояли?

— Был комсомольцем, членом бюро цеховой организации завода.

— Билет сохранился?

— Нет, билет я закопал в лесу незадолго до пленения. Немцам сказал, что ни в партии, ни в комсомоле не состоял.

— Вы показали, что имели намерение явиться в органы НКВД добровольно с повинной. Что помешало Вам осуществить это желание? Или Вы раздумали?

— Я стал жертвой собственного недомыслия. Но исходил при этом из самых хороших побуждений, мечтая доставить в райотдел НКВД рацию — самое важное, на мой взгляд, вещественное доказательство нашей с Лобовым принадлежности к фашистской разведке. Косвенной побудительной причиной зайти за рацией было и то, что тайник ее находился в лесу на пути моего движения в Егорьевск. Это в известной мере соблазняло меня.

— Но согласитесь, что это голословное заявление, чем Вы можете его подкрепить?

— Я понимаю, что факты против меня, и мне, к сожалению, трудно что-либо противопоставить. Мой единственный аргумент — моя совесть, мои честные помыслы порвать с гитлеровцами раз и навсегда, как только я попаду на родную землю. Хотите верьте, хотите нет, но именно эта, глубоко затаенная, мечта была единственным стимулом жизни, позволившим выжить в неимоверно тяжелых условиях фашистского плена. У меня нет секретов от Вас, я рассказал все, как было и все, что знаю. Единственным свидетелем, могущим подтвердить сказанное мною, является моя мать, которой я поклялся выполнить свое обещание памятью отца, инвалида первой мировой войны.

Костин сказал это с чувством душевной трепетной взволнованности. Он раскраснелся, глаза его блестели. Казалось, что он хочет вывернуть себя наизнанку.

Ответ Костина тронул комиссара. Он несколько минут сидел молча, продолжая с явным любопытством смотреть на Костина, и затем, как бы вспомнив что-то, сказал:

— Хорошо. Мы предоставим Вам возможность искупить свою вину, доказать делом Ваше намерение помочь нам. Сегодня

встретитесь с Лобовым и точно выполните инструкции, которые дадут Вам наши товарищи. Согласны?

— Спасибо за доверие, я сделаю все, что в моих силах.

— В таком случае желаю успеха. До свиданья.

— Отправив Костина, я зашел к Барникову. У него был Салынов. Они обсуждали некоторые детали предстоявшей операции.

— Ну, что отпустил? — поинтересовался Барников.

— Да.

— Как он?

— Возбужден очень, пришлось дать снотворное, чтобы выспался.

— Правильно. Да и тебе, пожалуй, не мешало бы принять таблеточку.

— Я уже проглотил.

— Ну, тогда иди спать. Завтра утром договоримся обо всем.

Очнувшись утром в половине девятого, быстро встал, привел себя в порядок и после завтрака сразу же вызвал Костина.

— Как спали?

— Отлично.

— А самочувствие?

— Нормальное.

— Тогда давайте работать. Вот Вам все данные, где Вы якобы устроились на жительство: адрес, описание маршрута, план местности и расположения дома, внутреннее устройство, обстановка, подсобные помещения, хозяева и прочее. Все это надо тщательно изучить и мысленно представить, что тут Вы живете. Конечно, лучше бы туда проехать, все посмотреть в натуре, но, к сожалению, сейчас нет времени.

Позвонил Салынов, сообщил, что у Маслова все в порядке. Он предлагает выехать на место за полтора часа до встречи, чтобы окончательно определить, как расставить людей, где должен находиться и как себя вести Костин, какие подать сигналы для работников группы захвата.

Закончив разговор с Салыновым, я подошел к Костину.

— Ну, как дела?

— Все в норме, оказывается, эти места мне очень хорошо знакомы. До войны я бывал тут много раз.

— Тем лучше. Все запомнили?

— Все.

Время подходило к одиннадцати, а дел оставалось еще уйма.

— А черт, как оно быстро летит! — мелькнула мысль.

— Вы продумали, как должны вести себя при встрече с

Лобовым? — спросил я Костина, приступая к его инструктажу.

— В общих чертах да.

По ходу его рассказа я внес необходимые уточнения, и к половине двенадцатого инструктаж был закончен. Оставалось доложиться Барникову. Я набрал номер его телефона, спросил, будет ли он беседовать с Костиным.

— Обязательно — послышался его приглушенный бас — заходите минут через десять.

Инструктажем Костина Барников остался доволен, а выпроваживая нас из кабинета, заметил:

— Ну, как говорится, в добрый час.

По выходе от Барникова зашли к Салынову, договорились окончательно о порядке выезда, согласовав этот вопрос с Масловым. Стрелка часов приближалась к тринадцати, когда мы возвратились в мой кабинет. Пора было готовиться в путь.

Захватив все необходимое, спустились вместе с Костиным вниз. Зашли в дежурную комнату тюрьмы. Минут через пятнадцать Костин был одет в форму лейтенанта Красной Армии, и мы вышли во двор, где нас ожидала эмка с двумя пассажирами — Салыновым и Федоткиным. Когда уселись и мы, машина, выскочив из внутреннего двора на улицу Дзержинского, повернула направо и взяла курс на Комсомольскую площадь. Сзади нас на двух машинах следовали товарищи из команды Маслова.

Остановились у Казанского вокзала. Сюда Костин якобы приехал из Томилино. Маршрут, как и вокзал, Костин знал хорошо и мог ориентироваться свободно. Отсюда он должен был проследовать к месту встречи, а, встретившись с Лобовым, отойти с ним для беседы в укромное место около станции. Салынову было поручено прикрывать вход в метро станции Комсомольская, Федоткину — вход в Казанский вокзал, а мне, расположившемуся в грузовике под видом водителя, вести наблюдение за Костиным и Лобовым во время их встречи и беседы. Сотрудники Маслова, используя различные средства маскировки, заняли места, прикрывающие все возможные пути ухода Лобова с места встречи.

Когда все было отрепетировано, часы на башне Казанского вокзала показывали тридцать восемь минут третьего.

Подбодрив Костина, я дал ему команду на выход к месту встречи. В соответствии с планом операции заняли свои места и оперативные работники. Начались напряженные минуты ожидания.

Обстановка была благоприятной. Небольшая облачность, без осадков, хорошая видимость, тепло, легкий майский ветерок

способствовали тому, что москвичи чувствовали себя раскованными, держались свободно, без той обычной привокзальной суеты, которая невольно действует на нервы. Некоторые стояли, ожидая знакомых, другие читали газеты, третьи неторопливо входили и выходили из станции метро. На Костина, прохаживающегося на пятачке, около станции метро с газетой в левой руке, никто не обращал внимания.

Время ожидания тянулось медленно, я то и дело посматривал на часы, невольно вспоминая житейское изречение «ждать да догонять хуже всего». Но вот стрелки часов показали пятнадцать ноль-ноль. Я насторожился, устремив пристальный взгляд на Костина. Обзор через лобовое стекло позволял вести успешное наблюдение не только за ним, но и за прилегающими к станции подходами. Прошло две, три, пять минут, а Костин продолжал безучастно смотреть на проходивших мимо людей. Лишь в двух случаях, когда среди выходивших из метро мелькнули фигуры в военной форме, вначале майора, а затем капитана Красной Армии, он проявил заметный интерес, подался вперед, стараясь рассмотреть их лица, но вскоре остановился и повернул обратно. Ничего не изменилось и в последовавшие затем десять минут, показавшиеся вечностью. Костин, судя по всему, разволновался, стал нервничать, часто смотреть на часы, отвлекаться от пристального изучения прохожих. Вероятно, этим объясняется, что он не заметил подошедшего к нему сзади мужчину в штатском платье, который, обходя его слева, слегка задел плечом, и не останавливаясь, проследовал дальше, приглашая кивком головы следовать за ним.

Костин растерялся, как будто остолбенел, но вскоре, придя в себя, свернул находившуюся у него в левой руке газету и засунул ее в карман. Это означало, что появился Лобов. С минуту Костин стоял в нерешительности, но, увидев повторный кивок Лобова, отошедшего от него уже на несколько метров, последовал за ним. Вместо предусмотренного нами укромного места для беседы Лобов пошел в обход станции метро в сторону Русаковской улицы. Одетый в темно-серые заношенные, лоснящиеся брюки, засунутые в кирзовые сапоги такого же цвета и качества куртку, напоминавшую спецовку, в глубоко надвинутой на лоб блинообразной кепке, он производил впечатление рабочего человека, возвращавшегося с трудовой вахты.

Выйдя на Русаковскую, Лобов замедлил шаг, а когда Костин поравнялся с ним, сказал:

— Иди вперед, не останавливайся, у второй Сокольнической поворачивай направо, жди меня.

Держа Костина на некотором расстоянии Лобов внимательно

смотрел, не идет ли кто-либо за ним. Убедившись, что все спокойно, он ускорил шаг и, догнав Костина, на 2-й Сокольнической улице прошел с ним во двор одного из домов, где и состоялась их встреча, продолжавшаяся не более десяти минут.

С места встречи первым ушел Костин, Лобов через некоторое время последовал за ним, прошел за ним до станции метро Комсомольская и, убедившись, что он благополучно пересек площадь и направился на Казанский вокзал, вошел в помещение станции метро.

На перроне осмотрелся, а когда подошел состав, одним из последних юркнул в вагон.

Минут через пять после его ухода Салыновым был подан сигнал, полученный от сотрудников Маслова о том, что «объект» сел в вагон поезда.

Я подъехал к Казанскому вокзалу и дал Костину знак садиться в машину. Вскоре подошли Салынов и Федоткин и эмка, набрав скорость, минут через пятнадцать въехала во двор наркомата.

— Что ж, Сергей Николаевич, разрешите поздравить с боевым крещением, — заметил я, пожимая Костину руку, когда поднявшись в кабинет, остановились. Устали?

— Спасибо, немного есть. Но…, помедлив, добавил, правда, сошло-то не все гладко, вроде как по пословице «первый блин всегда комом».

— Что, растерялись? или перетрусили? — спросил я.

— Разволновался почему-то и не заметил, откуда и как он подошел ко мне. Я думал, будет в форме, все внимание обращал на военных, а он облачился в какую-то робу.

— Ты что это? — спросил я его. А он, улыбаясь, ответил:

— Так-то оно спокойнее, все отворачиваются, особенно бабы. В форме-то они прохода не дают. Да и на военный патруль скорее напороться можно. Учти это и ты.

— Ну, а по существу?

— По существу-то как будто нормально- Вот вам портсигар, коробка спичек и блокнотик. Все он держал в руках. А это — его фонарик. Он дал мне его в качестве контейнера, там его шпионские донесения. Сказал, чтобы я передал в Центр.

— Что рассказал о себе?

— Разговор был кратким, поэтому ничего важного он не сообщил. Сказал только, что устроился надежно у своей прежней любовницы, которая работает в столовой. Она его хорошо кормит, поит и, как он выразился, ублажает по ночам. Для выхода в город в зависимости от надобности использует оба варианта — военные

и гражданские документы. Живет без прописки. Установил контакты с двумя своими старыми знакомыми, одного обработал, а другого пока изучает, пользуясь его болтливостью. Никаких фамилий, адресов жительства и мест работы этих людей не назвал.

— Чем интересовался у Вас, и что рассказали ему Вы о своем положении?

— Спросил, был ли я в деревне, с кем встречался, за кого выдал себя, взял ли рацию, где устроился, выходил ли на связь, как думаю вести разведку. Я отвечал в соответствии с инструкцией. Сообщил, что у меня все в порядке, встречался только с матерью, живу по военному варианту, устроился на жительство в Томилино. Назвал адрес и данные на хозяев. Он хотел было записать все это, а затем, махнув рукой, сказал: «Ладно, потом!» Условились встретиться на перроне станции Томилино двадцать шестого мая в двенадцать часов.

— Заметили ли Вы что-либо подозрительное в поведении Лобова, не чувствовалась ли какая-либо настороженность с его стороны?

— Нет, вел он себя необычно спокойно. Я даже удивился.

— Ну и прекрасно.

Отправив Костина и доложившись Барникову, я прошел к Салынову, который поддерживал контакт с Масловым.

— Какие новости, Коля?

— Пока все нормально. Лобов ведет себя спокойно. Из метро вышел на станции Кировская, на «Аннушке» доехал до Трубной площади, прошел на Сухаревку и прошмыгнул в подъезд одного дома (адрес устанавливается), где находится и сейчас.

— Если будет что-либо важное, я позвоню.

Поблагодарив Салынова, я пошел к себе. Связался по телефону с криминалистами, попросил, чтобы прислали кого-нибудь за предметами, побывавшими в руках Лобова. Вскоре явилась пожилая женщина с чемоданчиком. Она сообщила, что проведет исследование вещей на месте. Предоставив в ее распоряжение стол, я отошел в сторонку и стал наблюдать. Достав из чемодана все необходимое для работы, женщина внимательно осмотрела портсигар, коробку спичек, блокнот и фонарь и, посмотрев на меня, сказала:

— Думаю, что кое-что получится. Провозившись еще минут двадцать, она вернула мне вещи, оставив у себя только портсигар, и, закрыв свой чемоданчик, удалилась, пообещав позвонить.

В фонаре-контейнере оказалось два сообщения, подготовленные Лобовым для передачи немцам. В них говорилось:

«Устроились надежно в разных адресах. Приступили к выполнению задания. Барон дал согласие. Просит десять тысяч в месяц. Дал ему аванс две тысячи. Передаю полученные у него сведения.

Лось».

«За последние три дня из Москвы по Московско-Рязанской дороге отправлено 52 военных эшелона, 12 с войсками, пять с танками, три с артиллерией, семь с боеприпасами, остальные с разным грузом.

Лось».

Зашла Маша. Принесла очередную почту.

— Тут есть срочные. Владимир Яковлевич просил не задерживаться с ответом, — подчеркнуто деловито произнесла она, и, полоснув меня голубизной своих глаз, направилась к выходу.

— Спасибо, — таким же тоном ответил я, не задерживая ее.

После ухода Маши я занялся разбором почты, написал ответы на срочные запросы, передал их в машбюро и вызвал Костина. Вручив мне отчет о встрече с Лобовым и недоставшие материалы по описанию шифра, Костин спросил:

— Может быть еще что-нибудь нужно?

— Нужно, Сергей Николаевич. Многое еще нужно.

— Сейчас на повестке дня все, что Вам известно о руководящем, преподавательском обслуживающем персонале разведорганов и школ противника и особенно подробно о лицах, привлеченных разведкой для подрывной работы в тылу СССР — их имена, клички, приметы, практическая деятельность, характеризующие данные, чему обучаются, возможные сроки и районы направления на задания. Напишите самым подробным образом, так как имеет значение любая деталь.

Отпустив Костина, я посчитал, что наступило время просить санкцию на проведение активных мероприятий, и подготовил соответствующий рапорт на имя руководства. Концовка рапорта совпала со звонком Барникова, приказавшего зайти со всеми материалами по делу Костина.

— Пошли к Петру Петровичу, — заметил он при моем появлении. — Тут все? — спросил он, ткнув пальцем в папку, которую я держал в руке.

— Все, Владимир Яковлевич. Даже больше, есть проект рапорта.

— Хорошо. Как раз это и предстоит обсудить.

Тимов, облокотившись локтями на стол и обхватив ладонями свою большую тщательно выбритую голову, сидел за письменным столом, углубившись в чтение какого-то документа. Он был в форме, которую одевал крайне редко. Ромб в петлице, свидетельствовавший о звании майора госбезопасности, отражал падавший на него свет от настольной лампы.

— Можно, Петр Петрович? — спросил Барников, видя, что шеф не реагирует на наш заход в кабинет.

— Проходите, проходите, садитесь, — ответил он, не меняя позы. — Сейчас закончу.

Мы сели около приставного столика.

Наконец, минуты через три Тимов поднял голову, положил на стол очки, которыми он пользовался только при чтении, и загадочно улыбаясь, сказал:

— А у меня для Вас сюрприз. Ни за что не отгадаете. Выждав минуту, и довольный произведенным на нас впечатлением, он откинулся на спинку кресла, взял со стола только что прочитанный документ и, потряхивая им, продолжал:

— Вы знаете, кем оказался Лобов? Матерым уголовником! Вот, пожалуйста, знакомьтесь, протянул он документ Барникову. Только что принесли криминалисты. По отпечаткам пальцев они раскопали это в МУРе. Там на него очень пухлое дело. Имеет две судимости за ограбление со взломом, бежал из места заключения и находится во всесоюзном розыске. Батя его тоже уголовник, но не нэпман, как говорил он немцам, а расхититель социалистической собственности, приговоренный к длительному сроку тюремного заключения. В тюрьме и умер.

— А фамилия? — спросил Барников.

— Тоже другая — ни Лобов и ни Лосев, а Лыков Федор Ефимович, 1914 года рождения, уроженец и житель Москвы. — В общем, так, с Петром Васильевичем мы договорились, что его надо брать. В этом заинтересован и МУР. Команда Маслову уже дана и его сотрудники ждут только удобного момента.

— У нас, Петр Петрович, тоже есть кое-что новое, — вставил Барников, передавая ему отчет о результатах встречи Костина и Лобова, тексты радиограмм, составленные Лобовым и рапорт на проведение дальнейших мероприятий.

Ознакомившись с документами, Тимов встал с кресла и, прохаживаясь за столом, заявил:

— Я — за! Думаю, поддержит и комиссар. Костин произвел на него неплохое впечатление. Сегодня, когда разговор зашел о нем, он опять сказал: «Кажется, толковый парень».

Подписав рапорт, Тимов добавил:

— Постараюсь не задержать. А Вы исподволь уже готовьтесь.

Времени прошло порядком, и есть опасность, как бы Герлиц не стал бить тревогу.

Барников остался докладывать материалы по другим делам, а я пошел к себе. Электрические часы, висевшие над входной дверью кабинета Тимова, показывали четверть первого ночи. Начались девятые сутки с момента выброски немцами Костина и Лобова в наш тыл.

Суматошный день, нервотрепка, наскоро проглоченный обед и пропущенный ужин давали о себе знать. Ощутив слабость, я поставил чайник, заказал телефонный разговор с семьей и прилег на диван. На душе было тоскливо, давали знать работа без выходных дней, постоянное пребывание в здании наркомата, бытовая неустроенность. Но странно, тут же, откуда-то из глубин мозга, ворвалась совершенно другая, новая мысль, зовущая к действию. Она заставила меня подняться с дивана и сесть за стол. Стакан крепкого чая подействовал возбуждающе, появилось желание снова взяться за дела. А их накопилось невпроворот, тем более, что нужно было заниматься и делами находившегося в командировке Ледева, по которым за неделю поступила целая гора почты. К разбору ее я и приступил.

В начале третьего ночи позвонили с междугородней. При очень плохой слышимости состоялся краткий разговор с женой. Она сообщила, что у них все нормально, все здоровы, но живут, как и другие, преодолевая большие трудности в надежде на скорое возвращение домой. На сердце немного отлегло, но работа на ум уже не шла. Под впечатлением разговора вспомнились благодатные довоенные годы, а с ними и многие дни настоящего, безоблачного счастья. Эти воспоминания заставили меня долго ворочаться на диване, несмотря на усталость и желание уснуть.

Утро выдалось серое, туманное. Прошедший ночью обильный дождь сильно увлажнил воздух, через открытую форточку в кабинет врывалась сырость. Пришлось прибегнуть к пирамидону. Проглотив таблетку, я снова лег на диване, хотя пора была уже вставать. Постепенно полегчало, и спустя полчаса я нехотя поднялся, привел себя в порядок и пошел в столовую. Возвратясь в кабинет, сразу вызвал Костина. Он выглядел тоже усталым, бледноватым с набрякшими под глазами темными кругами.

— Что, плохо себя чувствуете? — спросил я.

— Спал неважно, голова побаливает, видимо действует погода.

— Рановато, Сергей Николаевич, в Вашем возрасте на погоду ссылаться. Вот возьмите-ка таблеточку пирамидона, а потом чайку крепкого выпьете, и все будет в норме, — заметил я, ставя электрочайник. — Сегодня нам болеть нельзя, предстоят важные

дела.

Костин с любопытством посмотрел на меня.

— Что, сомневаетесь?

— Да нет, просто интересно.

— Об этом позже, а пока ждите чай и отдыхайте. Если хотите вот свежий номер «Крокодила». Он тоже помогает от головной боли.

Костин стал листать журнал, а я занялся чтением принесенных им записей о курсантах борисовской разведывательной школы немцев.

Во время чаепития позвонил Барников:

— Могу обрадовать, намеченные нами мероприятия санкционированы. Можно действовать.

— Хорошо, Владимир Яковлевич. Зайду, как освобожусь. Сейчас у меня Костин.

Не скрывая своего удовлетворения, я подошел к Костину.

— Ну, как чаек, помогает?

— Спасибо, даже очень.

— Отлично. Тогда давайте приниматься за важные дела. Вот Вам текст радиограммы. Ее надо зашифровать в строгом соответствии с данными Вам инструкциями немцев и сегодня же передать противнику. Костин изумленно смотрел на меня, не решаясь что-либо сказать.

— Что, не понятно?

— Да, — чистосердечно признался он.

— Что ж тут непонятного? Хозяева Ваши заждались, нервничают, усиленно ищут Вас в эфире, нашим радистам все уши прожужжали, а Вы и в ус не дуете, чаи распиваете, отмалчиваетесь. Пора, наконец, и в работу включаться, — в шутливом тоне заметил я.

По выражению лица Костина было видно, что он ничего не понял.

— Ну, хорошо, Сергей Николаевич, давайте поговорим серьезно. Нами принято решение покрутить Канарису мозги, представить Вас и Лобова в роли честно работающих на немцев агентов, с целью передачи им выгодной для нас информации по принципу: хотите получить шпионские сведения? Пожалуйста, получайте, но такие, которые потом должны выйти им боком. Ваша задача, как радиста, почерк работы которого хорошо известен немцам, заключается в том, чтобы установить с радиоцентром противника устойчивую связь в строгом соответствии с полученными от разведки инструкциями. А относительно того, что передавать, позаботимся мы. Понятно?

— Вот теперь ясно, расплылся в улыбке Костин.

— Возьметесь за выполнение?

— С большим удовольствием, — порывисто ответил он.

— Тогда шифруйте, чтобы успеть передать сегодня в шестнадцать ноль-ноль. Я не путаю время?

— Все правильно. Но есть еще два сеанса связи — в десять утра и девять тридцать вечера.

— Попробуем в шестнадцать.

Начертив таблицу для выражения букв числовыми значениями, Костин углубился в работу. Текст первой шифровки был идентичен тому, что написал сам Лобов, за исключением сведений военного характера.

Когда телеграмма была закодирована, я отпустил Костина обедать, предупредив, чтобы к двум часам дня он был в полной готовности. Потом зашел к Барникову.

— С кем поедете? — поинтересовался он.

— Один.

— Не годится для первого раза, ведь Костин все-таки еще подследственный, всякое может случиться.

— Наших никого нет, Владимир Яковлевич, а привлекать посторонних, думаю, не стоило бы.

— А Вы возьмите Смирнова, он и дело знает и пусть привыкает, ему будет полезно, да и в дальнейшем без помощи областного управления нам, пожалуй, не обойтись.

— Спасибо, вот это мысль! — невольно вырвалось у меня, и я тут же позвонил Смирнову. К счастью, он был на месте и охотно согласился.

Поставив в известность о нашем предстоящем выходе в эфир товарищей, контролировавших работу немецких радиоцентров, в четырнадцать тридцать оседланная нами безотказная эмка, спустившись по Кузнецкому мосту, прошмыгнула по Художественному проезду, выскочила на улицу Горького и взяла курс на Ленинградское шоссе. За мостиком через железнодорожный путь после МАИ на Ленинградском шоссе я попросил водителя притормозить и с грустью в сердце окинул взглядом стоявший с правой стороны дом под номером 242. Здесь в трехкомнатной квартире, заселенной осенью 1940 года, одну из них занимала моя семья. В данный момент комната пустовала, была опечатана, окна заколочены фанерой, стекла выбиты воздушной волной от упавшей во двор бомбы. Семью эвакуировали в мое отсутствие, так как на третий день после начала войны, я отбыл на выполнение спецзадания и отсутствовал в столице более месяца. Это была наша первая, собственная жилплощадь. Как мы мечтали о ней, как стремились к созданию своего уютного уголка! И как больно и горько было

теперь сознавать об утрате быстро промелькнувшего счастья.

За следующим мостом, перекинутым через другую железнодорожную линию, машина свернула влево и, миновав начало Химкинского водохранилища, углубилась в лес. Здесь был довольно большой лесной массив преимущественно лиственных пород с живописным полями и густыми зарослями кустов. Сюда по выходным дням мы часто ходили с женой гулять, наслаждаясь тишиной и любуясь водной гладью водохранилища.

На одной из полян остановились, вышли из машины и приступили к подготовке места для работы. На землю постелили чехол и развернули рацию. Антенну протянули между деревьями. До начала сеанса связи оставалось пятнадцать минут.

День разгулялся, от утренней сырости не осталось и следа. Воздух был наполнен ароматами леса и набиравшего силу разнотравья.

— Ну, как, Сергей Николаевич, дышится, лучше, чем в вашей «резиденции»? — улыбаясь, спросил я.

— Да-а, — только и смог вымолвить Костин, зачарованно смотря по сторонам и вдыхая полной грудью пьянящий воздух.

А мне с большим сожалением о минувшем опять припомнились милые сердцу карельские леса, так полюбившиеся в тридцатые годы, когда, будучи студентом лесного техникума, я выезжал на практику, а став лесотехником, с дружиной лесников уходил в лес на все лето по делам лесоустройства.

— Пора, Сергей Николаевич! Только не волнуйтесь, действуйте спокойно.

Костин одел наушники. Параллельные наушники взял и я. Включив рацию, стали настраиваться на нужную волну. Эфир был наполнен трескотней морзянки. Я внимательно смотрел на Костина. Он весь превратился в слух, был предельно сосредоточен.

— Есть, — невольно вырвалось у него, когда в наушниках послышались позывные КНС, составленные из начальных букв его фамилии и инициалов.

Ответив на позывные центра. Костин вскоре вступил в двухстороннюю связь и передал закодированную радиограмму. Радист центра дал квитанцию, закончив связь общепринятым приветствием.

— С повторным крещением, Сергей Николаевич! — сказал я, крепко пожимая ему руку.

— Выходит правильно шутили ребята в разведшколе, — улыбаясь, заметил Костин, — антенну будем развертывать в лесу, а противовес — в НКВД.

Убрав все, сели в машину и возвратились в Наркомат. В

дороге не обошлось без шуток и анекдотов, чему способствовало хорошее настроение.

Доложив Барникову о результатах, я узнал от него об аресте Лобова. Его взяли по выходе из квартиры любовницы под предлогом опознанного преступника, разыскиваемого МУРом.

Во время обыска квартиры обнаружили ряд вещественных доказательств, свидетельствовавших о несомненной причастности его к разведке — поддельные документы военного и гражданского образцов, чистые бланки командировочных предписаний, отпускных удостоверений, свидетельств об освобождении от воинской службы, штампы и печати различных воинских частей и гражданских учреждений, оружие — автомат ППШ, наган, финский нож, географическая карта Егорьевского района Московской области, инструкция по сбору разведывательной информации на тонкой бумаге, запрятанная в контейнер (безопасная бритва), тексты трех радиограмм, подготовленных для передачи немцам в контейнере (помазок для бритья), капсула с цианистым калием для самоотравления, советские деньги в сумме 68 тысяч рублей.

На первичном допросе в следственном отделе Лобов, признав себя виновным в совершенных им уголовных преступлениях, долгое время отрицал какую-либо связь с разведкой, но, уличенный вещественными доказательствами, в конце концов, вынужден был сознаться. О Костине он пока умолчал.

При очередном вызове Костина мне предстояло объявить ему о важном решении руководства службы.

— Здесь, Сергей Николаевич, начал я неторопливо, раскрывая папку, есть кое-что приятное для Вас.

Костин подался вперед и напряг все свое внимание.

— Первое, — продолжал я после небольшой паузы, — принято решение о приостановлении следствия по Вашему делу и, следовательно, обвинение Вам пока предъявляться не будет, в перспективе же все будет зависеть от Вашего отношения к начатой нами работе. Понятно.

— Ясно, скорее выдавил, чем сказал это Костин, ошеломленный неожиданностью услышанного.

— Второе, — «квартировать» пока придется здесь, на старом месте, но режим Вашего содержания будет значительно облегчен. Вот указание начальнику Вашей «гостиницы», улыбнувшись, заключил я, знакомя его с положениями облегченного режима.

— Устраивает?

— Вполне, большое спасибо!

Костин был явно взволнован, произнес эти слова с трудом из-за перехватившей горло спазмы.

— Третье, чтобы не заскучать и с пользой употребить свободное время, наряду с выполнением наших заданий можете заняться продолжением работы над своей диссертацией. Учебники и все что нужно постараемся достать.

— Вот это замечательно! Я не знаю, как Вас благодарить. Я очень, очень рад и обязательно займусь.

— Благодарности, Сергей Николаевич, потом когда одолеем врага, а сейчас надо работать.

Напомнив о предстоявшем на следующий день сеансе связи, я отвел Костина к дежурному, а сам зашел к начальнику тюрьмы, чтобы договориться о неукоснительном соблюдении облегченного режима его содержания.

Прочтя записку, в которой давались указания на этот счет, начальник нахмурился и, посмотрев на меня сквозь слетевшие на кончик носа очки, сказал:

— Как бы Вы не превратили наше заведение в пансионат, а то чего доброго и в детский садик.

— Ничего не поделаешь, товарищ капитан, работа такая, но обязательно надо.

— Ладно, надо так надо, сделаем.

После обеда я зашел к Саше Козреву.

— Как наш Лось? — поинтересовался я.

— Ну и проходимец же он, пробы ставить негде. Врун страшный, наглец. В общем, повозиться с ним придется основательно.

— О Костине говорит что-нибудь?

— Мало, признал только что он радист, выброшен вместе с ним, расстались после приземления, условившись встретиться через неделю у Казанского вокзала, но на встречу не вышел. Где находится неизвестно.

— А о московских связях показал что-либо?

— Назвал только любовницу, она его довоенная «Маруха».

— В телеграммах, составленных им для отправки немцам указан некий «Барон», которого он якобы завербовал и получил от него информацию о перевозках войск и военной техники по Рязанской и Киевской железным дорогам. Не называет, кто это?

— Нет, сам не называет, а мы пока не спрашиваем. Ведем проверку, насколько правдива информация.

Второй выезд с Костиным для работы состоялся двадцать шестого мая. Выдался на редкость приятный день: безоблачный, тихий, теплый. В лесном массиве у Химкинского водохранилища, куда, как и в прошлый раз, мы приехали с Костиным, все благоухало. Поражала набиравшая силу зелень. Освещенная солнцем и затененная деревьями и кустами, она была самых

различных оттенков. Радовали пряный, пьянящий воздух и беспрестанный гомон птиц. Полюбовавшись всей этой прелестью, мы развернули рацию. Стали настраиваться. Эфир, как всегда, был заполнен звуками морзянки, какой-то трескотни, шумовой неразберихи от перебивающих друг друга радиостанций. Однако сверх ожидания связь удалось установить быстро. Она была устойчивой с обеих сторон.

— КС — как слышите? — спросил Костин.

— СХ — слышу хорошо, — ответил «Сатурн» (радиоцентр противника в Смоленске. Прим. авт.).

— ПР — передаю радиограмму, несколько раз повторил Костин и быстро отстукал подготовленную нами шифровку. «Сатурн» дал квитанцию об ее приеме и, в свою очередь, передал ответную радиограмму, текст ее гласил:

«Поздравляем благополучным прибытием и началом работы. Ваши действия одобряем. Деньги для Барона пришлем. Выдайте пока из своих. Не забывайте личное наблюдение. Привет, капитан».

Итак, как говорится, лед тронулся. Началась длительная, настойчивая, полная неожиданных поворотов и захватывающих эпизодов работа, требовавшая большого умственного напряжения. Суть ее выражало условное название «Дуэль».

Первые полтора месяца ушли на то, чтобы создать авторитет агентам. Со ссылкой на завербованного «Барона», который в свою очередь якобы привлек к работе на материальной основе двух женщин, имевших отношение к документации о перевозках грузов, противнику систематически передавалась дезинформация о передвижении частей Красной Армии, военной техники, боеприпасов, снаряжения и прочего по Московско-рязанской и Московско-киевской железным дорогам.

Вражеская разведка отнеслась с большим доверием к сообщениям агентов. В их адрес поступило три поощрительных радиограммы.

> «Благодарим за активную работу. Ваша информация получила высокую оценку. Ждем нетерпением новых сообщений. Привет.
>
> *Капитан».*

> «Вы награждены орденами «За храбрость». Поздравляем и желаем новых успехов. Все шлют приветы.
>
> *Капитан».*

«Ваши личные счета пополнились новыми крупными суммами денежных средств».

Итоги работы показывали, что пора было переходить к более активным действиям. Для начала наметили вызвать в качестве курьеров двух агентов — Мухина и Щукина — друзей Лобова, которые по отзывам Костина находились в особо доверительных отношениях с немцами, имели награды за выполнение заданий, связанных с переходом линии фронта.

После уточнения ряда вопросов, связанных с посылкой курьеров, 21 июля противник сообщил:

«Лосю. Курьеры отправлены. Будет Мухин и Викторов. Встречайте лично двадцать второго — двадцать третьего от четырнадцати до пятнадцати по местному времени. Встреча моментальная у станции метро между Октябрьским и Северным вокзалами. Результаты доложите немедленно. Желаю успеха.

Капитан».

— Да…, — задумчиво произнес Барников, прочтя радиограмму. — Здесь мы, кажется, дали промашку, предложив встречу в городе, малость не додумали, Лобова то ведь послать нельзя. Пожалуй, проще и надежнее было сообщить явочный адрес, и пусть бы туда шли, прямым ходом на засаду. И брать было бы легче. А теперь придется что-то придумывать. Давайте-ка поговорим с Костиным.

— Садитесь, Сергей Николаевич, — предложил Барников, как только Костин вошел в кабинет.

— Читали телеграмму?

— Конечно, я ее расшифровывал.

— Что будем делать? О посылке Лобова не может быть и речи.

— Я пойду, Мухина знаю, и он меня знает.

— Но Вы же не Лось, а они просят его «встречайте лично». Что-то надо придумать, чем-то объяснить отсутствие Лося?

— А если сказать болен?

— Нет, Сергей Николаевич, это не годится. Слишком примитивно, сразу запашок нехороший, настораживает.

— В отделе подумайте вместе, потом доложите.

Прошло около часа, а мы с Костиным, сидя у меня в кабинете, так пока и не приблизились к цели, перебрав большое количество вариантов.

— А что, если мы сделаем так, Сергей Николаевич, возникла

у меня мысль, отберем от Лобова записку, адресованную Мухину, всего несколько слов, но хлестких, понятных только ему. Тогда Вам и объяснять ничего не надо.

— Это, пожалуй, идея! — заметил Костин.

— Вот только, что написать? Это, вероятно, надо выяснить у самого Лобова.

Я тут же позвонил Козреву.

— Саша, как наш подопечный?

— Да ничего, вот сидит сейчас у меня. Вроде начал приходит в чувство.

— У нас возник один срочный вопрос. Можно ли поговорить с ним?

— Пожалуйста, заходи.

Отпустив Костина, я направился к Козреву.

Лобов сидел в углу кабинета в позе полностью расслабившегося человека, которому, казалось, все безразлично.

При моем появлении он нехотя приподнял свою стриженную элипсообразную голову, на миг взглянул исподлобья, не выражая никаких эмоций, и отвернулся.

— Вы что же, Федор Ефимович, так безучастно встречаете гостя? — спросил Козрев.

— А что мне этот гость, какой от него навар?

— Конечно, заметил я, вот если бы Мухин, тогда другое дело.

Лобов оживился, заулыбался.

— Это правильно, в точку.

— Да еще бы и Щукина сюда, — добавил я, — то думаю, Федор Ефимович и в пляс бы пустился.

Лобов захохотал.

— А Вы шутник, гражданин начальник.

— Никакой не шутник, а просто знаю, что они Ваши закадычные друзья. Один за всех и все за одного. И спиртиком промышляли в тайне от фрицев.

— Правильно говорю?

— Правильно, в точку, — просиял Лобов.

— Только не пойму, как вам, чертям, удавалось это? Лобов выпрямился, расправил плечи, на лице появилось самодовольство.

— А что, разве мы лыком шиты? Подумаешь, фрицы! Да их обвести, раз плюнуть. Главное, спайка меж собой. Наш закон — взаимовыручка и надежность друг на друга: сказал, значит сделал.

— Кто же у Вас был за главного? — спросил Козрев.

— Ясно кто, — ответил за Лобова я, — конечно Федор Ефимович. Так ведь? — обратился я к нему. Лобов улыбнулся,

чувствовалось, что это было ему приятно, но промолчал.

— Все это брехня, какой из него главарь, — заметил Козрев, — кто его послушает?

— Ну не скажи, Саша. Ты, видимо, еще не знаешь этого орла. Мне доподлинно известно, что его слово для Мухина и Щукина все равно, что приказ.

— Правильно? Федор Ефимович.

— Молодец, начальник! В точку попал.

— Вот в связи с этим у меня к Вам, Федор Ефимович, есть одна большая просьба.

— Говорите, — ответил Лобов, показывая всем своим видом большую заинтересованность.

— Боюсь только, что Вы откажитесь.

— Говорите, говорите, смотря что.

— Ну ладно, так и быть. На днях мы отправляем к немцам одного нашего человека. Он уже бывал там. И учился там же, где и Вы. Для укрепления его авторитета хорошо было бы свести его с Мухиным, а для этого нужна Ваша рекомендация. Как Вы смотрите на это, возьметесь?

— Вот это да! — просиял Лобов, — ну и хитрецы! Надо же такое придумать! Только что я буду от этого иметь?

— Разве Вам не понятно, что, выполнив нашу просьбу, Вы значительно облегчите свое положение. Да и Мухину ничего плохого не сделаете.

После дополнительного обсуждения и некоторого раздумья, Лобов согласился с нашим предложением, написав собственноручно следующее:

> «Муха, дружище, привет! Жаль, что не сам жму твою руку. Доверяю это своему корешу. Можешь верить ему, как мне. У меня все в порядке. Кланяйся Щуке и не забывай о нашей спайке.
>
> *Твой Лось».*

Забрав записку Лобова и попрощавшись с ним и Козревым, я зашел к Барникову и доложил о найденной находке. Он тут же позвонил Тимову. Вопрос о порядке проведения встречи с курьерами, наконец, был решен.

Остаток этого дня и утро следующего прошли в хлопотах по подготовке к операции.

В тринадцать ноль-ноль 22-го июля выехали на место. Костин, как и в прошлый раз, был экипирован в военную форму.

Остановились у Казанского вокзала. Оставив Костина в машине, я прошел к станции метро «Комсомольская», встретился

со старшим группы захвата.

У нас все в порядке, — доложил он. — Ребята уже на исходных позициях, все проинструктированы. Брать будем сразу же по завершении встречи.

— Сигнал опознания не забыли.

— Что Вы, конечно нет. Держит газету в левой руке, при появлении курьеров сворачивает ее и засовывает в карман.

— Все правильно. Тогда — «ни пуха, ни пера!».

— К черту! — улыбнувшись, произнес он.

Я возвратился к машине и без пяти минут четырнадцать приказал Костину выходить на встречу. Сам проехал к месту, откуда первый раз вел наблюдение. Костин находился уже на пятачке около станции метро. День был пасмурный, временами хмурый, казалось вот-вот пойдет дождь, но видимость позволяла вести уверенное наблюдение. Прошло десять, пятнадцать, двадцать томительных минут, а Костин стоял или медленно прохаживался, безучастно взирая на лица проходивших людей. Минутная стрелка часов перешагнула за тридцать. Ожидание становилось утомительным. Невольно подумалось: «Неужели придется все повторять завтра? Но вот Костин пристально устремил взор в направлении Ленинградского вокзала, а спустя минуту решительно направился навстречу шедшему к метро человеку в форме старшего лейтенанта Красной Армии с чемоданом в руке. Когда они оказались на расстоянии нескольких шагов друг от друга, Костин свернул газету и засунул ее в карман. Сблизившись, оба отошли в сторону и остановились. Неизвестный был среднего роста, плотный, загорелый. Костин передал ему записку Лобова. Неизвестный посмотрел, заулыбался, закивал головой. Постояв еще минуты две и о чем-то поговорив с Костиным, он повернулся и пошел обратно к Ленинградскому вокзалу, оставив чемодан на месте.

Выждав некоторое время, Костин взял чемодан и направился к Казанскому вокзалу. Там он сел в подогнанную мною машину, и мы тронулись в обратный путь. Первая часть операции была закончена.

В кабинете у Барникова Костин доложил подробности состоявшейся встречи с Мухиным.

— В четырнадцать тридцать четыре я заметил шедшего к станции метро со стороны Ленинградского вокзала военного с чемоданом в руке. Походка показалась знакомой по характерному покачиванию, свойственному Мухину. Двинувшись навстречу, убедился, что это был он. Сошлись, остановились, отошли в сторонку. Мухин поставил чемодан, закурил, спросил: «А где сам?» Я достал листок с «автографом» Лосева и, сунув ему в руку,

ответил: «занят». Он посмотрел, засмеялся, сказал: «Ну и молодец, не забыл. Передай большой привет, но скажи, что хотел очень повидать».

— Оставайтесь до завтра, увидитесь.

— Нельзя, капитан приказал только вручить посылку и сразу сматываться.

— Другого ничего не говорил?

— Нет.

— А где Викторов?

— Ждет на вокзале.

— Что нового-то у вас там? — поинтересовался я.

— Нашего состава уже мало, больше новенькие. А так все по-старому.

— А где Щукин?

— Отправили на ловлю партизан. Ну ладно, забирай чемодан, там все, что просили.

— Спасибо, привет капитану и всем знакомым ребятам. Счастливо.

— Бывай!

Мухин повернулся и пошел к Ленинградскому вокзалу. Отойдя немного, обернулся, махнул рукой и скрылся из вида.

Вот и все.

Докладывая все это Барникову, мы еще не знали, что на вокзале после нашего отъезда произошла настоящая драма. Сойдя с поезда (агенты сели в Клину) и проходя по платформе номер один к выходу с вокзала, Викторов заметил справа транспортное отделение НКВД. Дверь была приоткрыта и у него возникло непреодолимое желание войти внутрь, чтобы явиться добровольно с повинной. Эту мысль он вынашивал с момента зачисления в разведывательную школу, можно сказать жил ею и теперь, когда появилась реальная возможность для осуществления задуманного, ему стало невмоготу. Сердце колотилось так сильно, что, казалось. выскочит из груди, дыхание перехватило, на теле появилась испарина. Но справа, впритык к нему, шел Мухин, преграждая путь к заветной двери, человек с темным прошлым, верой и правдой служивший фашистам, злой и мстительный, способный на любое преступление, и это сдерживало его. Викторов с большим усилием сделал еще несколько шагов, с трудом передвигая ноги, и так взволновавшая его дверь осталась позади.

Войдя в зал ожидания, они остановились. Мухин посмотрел на часы.

— Хорошо, что успели, до конца контрольного времени еще полчаса, — произнес он хрипловатым голосом. — Сделаем так: я

пойду на встречу, а ты, на всякий случай, посматривай, все ли в порядке. И жди меня вот здесь. Понял?

— Все ясно.

Взяв чемодан, Мухин направился к выходу. Викторов проводил его до двери, посмотрел, как он спускается с крыльца, и энергично забросив на плечо вещевой мешок, быстро, почти бегом, стараясь не сбить посторонних, устремился к отделению НКВД.

В комнате находился один дежурный младший лейтенант госбезопасности. Подойдя к нему, он торопливо, сбиваясь от одышки и волнения, сказал:

— Извините… очень срочно… сейчас у станции метро… «Комсомольская» должны встретиться… два агента немецкой разведки. Один курьер. Он сегодня ночью сброшен с самолета на парашюте. Имеет задание передать посылку работающим в Москве агентам. Они очень опасные враги. Их надо задержать.

— Откуда вам это известно, кто вы такой? — нетерпеливо спросил дежурный, хватаясь за телефон.

— Я тоже агент-парашютист, выброшен сегодня, объясню все потом, сейчас надо спешить, а то они уйдут.

Товарищ старший лейтенант, — крикнул дежурный в трубку, — немедленно требуются оперативники, пришел заявитель — агент немецкой разведки. Надо захватить других.

Вскоре в комнату вбежали три человека — один в форме старшего лейтенанта госбезопасности с двумя шпалами в петлицах и двое в штатской одежде. Они проверили документы Викторова, обшарили его карманы, уточнили, кого и где следует задержать и тут же на ходу договорились о плане действий. Викторова пустили вперед, как опознавателя, а сами, чуть приотстав от него, расположились в таком порядке: сотрудники в штатском — справа и слева, а старший лейтенант сзади, на некотором удалении от всех.

Между тем Мухин уже успел вручить посылку Костину и возвратился на вокзал. Не обнаружив на обусловленном месте Викторова, он стал его искать. Покрутившись в вестибюле, зашел в зал ожидания, а затем, выйдя на площадку, ведущую к перронам, направился в туалетную комнату, полагая, что партнер мог зайти туда. Отойдя от туалета и собираясь уходить обратно, Мухин бросил взгляд на противоположную сторону вокзального помещения, где расположено транспортное отделение НКВД и по вещевому мешку узнал Викторова, шедшего в сопровождении каких-то людей.

Полагая, что могло произойти непоправимое, осторожно, прячась за различные укрытия, подошел к площадке, ведущей к

перронам, и стал наблюдать.

Викторов, как теперь отчетливо было видно Мухину, шел в сопровождении трех человек. По их виду и поведению ему стало ясно, что произошел провал. Не мешкая, он повернул обратно и быстро устремился по крайнему правому перрону к железнодорожным путям, рассчитывая незамеченным уйти из опасной зоны.

Сотрудники группы захвата, осуществлявшие наблюдение за Мухиным, зная, что он после вручения посылки Костину должен встретиться с напарником, представили ему возможность беспрепятственного хождения по вокзалу в надежде захватить обоих агентов после их встречи. Однако, когда Мухин двинулся в направлении железнодорожных путей, они забеспокоились, стало ясно, что он решил скрыться. Обстановка была неблагоприятной. Железнодорожные составы с грузом, ожидавшим разгрузки, порожняк, неисправные вагоны, маневровые локомотивы, рейсовые поезда — все это вынудило сотрудников, чтобы не упустить Мухина, идти на сближение к ним. Заметивших, Мухин начал заметать следы, петлять, впрыгивать в вагоны, переходить с одного пути на другой, пытаясь оторваться от преследовавших его сотрудников и уйти. В один из критических для него моментов, когда задержание казалось неизбежным, он выхватил из кармана пистолет и начал отстреливаться. Третьим выстрелом ранил в руку одного сотрудника, но уйти все же ему не удалось. Израсходовав все патроны, он бросил пистолет, схватился за поручни одного из уходивших грузовых эшелонов, и, не дотянувшись до подножки, сорвался. Тут он и был настигнут.

При задержании Мухин вытащил из кармашка в поясе брюк ампулу с цианистым калием, но сотрудники, предупрежденные заранее о возможности самоотравления агента, успели ее вовремя изъять.

Так закончилась вторая часть этой операции. Финал ее, естественно, омрачил наше настроение, хотя, как выяснилось позже, ранение сотрудника, к счастью, оказалось легким, и он вскоре вступил в строй.

Но радовало главное: «Дуэль» получила новый импульс для ее дальнейшего успешного развития. 23-го июля от имени агентов противнику радировали:

> «Господину капитану. Курьеры прибыли. Посылку получили. Сердечно благодарим, приложим все силы для успешного выполнения задания.
>
> *Привет. Лось».*

В посылке находились: советские деньги в сумме двухсот тысяч рублей, большое количество бланков различных документов, штампы и печати воинских частей, батареи для рации. Мухин был арестован. Следствие по его делу, как сообщника Лобова было поручено вести Козреву. Так волею судьбы «дружки» вновь оказались вместе.

Кандидатура Викторова после двух дней работы с ним была признана пригодной для направления обратно к немцам, с целью более глубокого внедрения в разведку противника. Подготовкой и осуществлением этой ответственной операции занялся Клим.

Легко понять, уважаемый читатель, состояние Викторова, только что вырвавшегося из ада фашистской неволи, чтобы настроить себя на добровольное возвращение туда обратно. Лишь сознание вины перед Родиной, искреннее желание смыть с себя тяжесть позора от бередившего душу слова «шпион», заставили его взяться за выполнение этой трудной задачи.

И надо отметить, что двадцатидвухлетний кадровый офицер Красной Армии в звании лейтенанта, покинувший стены военного училища только за несколько дней до начала войны, Викторов полностью оправдал оказанное ему советской контрразведкой доверие. Не вдаваясь в подробности ее дела, укажем лишь, что он был переброшен к немцам на участке действия 16-й армии Западного фронта, был встречен противником как герой, награжден орденом «За храбрость», повышен в звании и допущен к работе по подготовке агентов.

Благополучное возвращение хотя и одного курьера было воспринято вражеской разведкой как весьма положительный факт, свидетельствующий о честности агентов «Дуэли».

«Барон», как выяснилось на следствии, являлся мифической личностью, изобретением Лобова, сумевшего убедить немцев в наличии у него в Москве полезных связей, и рассчитывавшего таким путем получить от них больше денежных средств.

Радиограммы, которые были изъяты при аресте Лобова со ссылкой на добытые «Бароном» сведения оказались чистейшей липой.

— А мне наплевать, что липа, объяснял Лобов Козреву, когда ему было сказано это.

— Вы думаете я стал бы ишачить на фрицев? Как бы не так! Нашли дурака! Да я бы им такое накрутил, что они мне миллионы бы не пожалели.

Убедившись в положительном отношении противника к агентам, спустя некоторое время мы сообщили:

«Для упрочения положения Костина перевожу на гражданские документы. Будет жить по своим данным и устроен в Москве.

Лось».

Передавая указанную радиограмму, Костину было еще не ведомо о принятом нами решении освободить его из-под стражи, определить на жительство в Москве и устроить на работу в конструкторское бюро завода, где он начал свой трудовой путь.

Возвратившись в Наркомат после проведения сеанса связи, мы как обычно, поднялись на шестой этаж, прошли в мой кабинет.

— Мне давно хотелось, Сергей Николаевич, — начал я, — выяснить один деликатный вопрос.

— Пожалуйста, я слушаю.

— Пелагея Васильевна как-то сказала, что у Вас до ухода на фронт была сильная привязанность к девушке по имени Оля. Правильно это?

Костин, очевидно, не ожидал такого вопроса, смутился, покраснел, но быстро справился с волнением и, улыбаясь, ответил:

— Да, правильно.

— Кто она?

— Моя односельчанка Сергеева Ольга Павловна, 1921 года рождения, была студенткой пединститута, когда я уходил на фронт, а сейчас, со слов матери, работает в Москве учительницей.

— Какие отношение были между вами?

— Мы искренне любили друг друга и мечтали пожениться, но помешала война.

— У Вас сохранилось чувство привязанности к ней, хотели бы Вы встретить ее?

— Да, хотел бы и очень.

— А как, по Вашему мнению, она отнесется к Вам?

— Мать сказала, что Оля ждет меня. Если это верно, то встреча с ней будет праздником для нас обоих.

— Тогда, Сергей Николаевич, сделаем так: напишите ей короткое письмецо, теплое, душевное, с надеждой на скорую встречу. Укажите, что податель письма является Вашим другом и все расскажет. Непременно попросите ответить. Понятно?

— Хорошо.

— Не затягивайте, сделайте это сегодня.

Возвратившись в камеру, Костин прилег на койку, явственно представил образ Ольги, и память услужливо воскресила все то, что связывало его с нею. Вспомнились детские годы, совместные

игры в «папу и маму», походы в лес, бесхитростное ухаживание, а затем годы отрочества и незаметное, но все более возрастающее проявление чувства взаимной привязанности, постепенно переросшее в юношеском возрасте в пламенную любовь. Она была взаимной, чистой, бескорыстной и преданной, глубоко спрятанной в тайниках их сердец от постороннего глаза. Лишь незадолго до войны, убедившись в прочности своих чувств друг к другу, они открылись перед родными, объявив о намерении стать мужем и женой. И вдруг неожиданная война, перечеркнувшая все их планы, все их мечты. Припомнив мельчайшие детали расставания с Ольгой перед уходом на фронт, Костин встал, несколько раз прошелся по камере и, сев за стол, написал:

> «Дорогая Зорька! Я счастлив от сознания, что, наконец, могу написать тебе. И в то же время страшусь: найдет ли тебя мое письмо, а если найдет, то будет ли принято оно тобой с прежней сердечной теплотой и любовью. Ведь в жизни произошло так много перемен, что с каждым из нас может случиться самое непредвиденное. Я здоров, а подробности расскажет податель этого письма — мой друг. Живу надеждой на скорую встречу, помня постоянно о той прекрасной заре, когда я впервые назвал тебя Зорькой. Обнимаю, как тогда, и целую. С нетерпением жду ответ, каким бы он ни был.
>
> *Твой Серж».*

Вечером этого же дня, с письмом Костина я направился на Солянку, где в одном из переулков в неказистом старом здании на втором этаже жила Ольга, снимая комнату в двухкомнатной квартире одинокой старушки. Она оказалась дома, и сама открыла дверь на мой звонок. Спросив: «Вам кого?» и услышав в моем ответе свое имя, растерялась, засуетилась, пригласила в комнату и предложила стул. Видя, что Ольга сгорает от любопытства, я не стал ее томить, достал из палевой сумки письмо и молча передал ей. Свет от горевшей под потолком в плафоне одной лампочки был тусклым. Ольга подошла к столу и зажгла настольную лампу. При вскрытии конверта мне показалось, что руки ее слегка дрожали. Когда же она вынула вложение и прочла/письмо, произошло невероятное. Не стесняясь меня, Ольга поцеловала письмо, радостно воскликнула «Наконец-то!» и порывисто, еле сдерживая себя, начала засыпать вопросами: как он, где он, что с ним, когда приедет и прочее. Лицо ее горело, глаза блестели, и вся она как бы светилась

изнутри. Мне стало ясно, что это была большая, настоящая любовь.

Я объяснил Ольге, что Сергей недавно вышел из тыла противника. Сейчас находится в резервном лагере на отдыхе и проходит медицинское переосвидетельствование. Освободиться должен через две — три недели. О себе сообщил, что работаю в этом лагере, и когда представилась командировка поехать в Москву, Сергей упросил меня разыскать ее и передать письмо.

Поблагодарив меня, Ольга спросила:

— Когда Вы обратно?

— Завтра рано утром. Если будете писать, то прошу не откладывать.

— Да, да, засуетилась она, я сейчас, сейчас. Только поставлю чайник. Отлучившись на две — три минуты на кухню, прибежала обратно, и. приткнувшись к столу, стала писать.

Представив мысленно ее рядом с Костиным, я с удовлетворением отметил для себя, что они будут отличной парой. Ольга была среднего роста, стройная, изящная, с привлекательными женственными формами юного тела, рельефно выраженными благодаря плотно облегающему их платьицу из простого ситца. Живое, приятное лицо, с ямочками на щеках, курносый носик, умные карие глаза, аккуратно уложенные каштановые волосы, полные чувственные губы — все это в совокупности делало ее по истине очаровательной.

Закончив писать, она смастерила самодельный конверт, запечатала письмо и вручила его мне, сказав:

— Вот, пожалуйста, передайте ему от меня большой, большой привет и скажите, что я жду, И тут же добавила — давайте пить чай, чайник, наверное, готов.

Я поблагодарил, извинился, что не располагаю временем, и стал одеваться.

Перед уходом, окинув взглядом еще раз ее крошечную, не более семи квадратных метров комнатку с весьма скромной обстановкой, но приятную и старательно прибранную, сказал:

— Да, Сережа просил передавать, чтобы о моем визите к Вам Вы пока никому ничего не говорили. Это может ему повредить.

Она удивленно, с какой-то детской наивностью, посмотрела на меня, очевидно, не понимая, чем это вызвано, но ответила:

— Хорошо, я буду молчать и ждать.

— Прощаясь, я пожал ее небольшую, крепкую, горячую руку и сказав, «до свидания», вышел на улицу.

Возвратившись на работу, я сразу же вызвал Костина, хотя было уже довольно поздно. Он показался мне несколько вялым, озабоченным.

— Вам что, нездоровится? Почему такое минорное настроение? — спросил я.

— Да нет, просто устал. Работал над диссертацией.

— Ну и как, поддается?

— Трудно, пока только теория, идеи, предположения, варианты. Без проверки на производстве вряд ли что-либо выйдет.

— Ничего, самое главное — не падайте духом, не теряйте надежды. Со временем будет и практика. Впрочем, оставим эту тему. Вызвал я Вас совсем по другому поводу. Для того, чтобы Вы станцевали. Что так удивленно смотрите, не верите? Вот, пожалуйста, полюбуйтесь — письмо от Ольги!

Помахав им, я, улыбаясь, заметил:

— Пока не спляшете, не получите. Обычай такой. Тем более, что ждет она Вас, да и девушка стоящая. Одобряю!

Костин смотрел на меня растерянно, не понимая, шучу я или говорю правду, и не решался что-либо сказать.

— Ну ладно, Сергей Николаевич, так и быть. Получайте. Плясать будем на свадьбе. Прочтете у себя. Но не забудьте, что завтра сеанс связи.

Отпустив Костина, я вскоре разобрал диван и лег спать, довольный ролью посредника в соединении двух любящих сердец.

Прошло два дня. Наступила дата, которую Костин не забудет никогда. Это было по существу его второе рождение. Запомнилась она и мне. Накануне пришлось крутиться как белке в колесе: то дно, то другое, то третье. И все по вопросу предстоявшего освобождение Костина из-под стражи. Нужно было подготовить жилье, экипировать, обеспечить средствами и питанием, оформить документы, решить многие другие вопросы, связанные с бытовым устройством и т. д.

Решение об освобождении Костина из-под стражи объявил ему сам комиссар. Присутствовали Тимов, Барников и я.

Петр Васильевич на этот раз был в мундире и казался еще более импозантным, чем в штатском костюме.

Предложив Костину сесть, он спросил: — Как чувствуете себя, Сергей Николаевич, как настроение?

— Спасибо, все хорошо.

— А как дела?

— Тоже хорошо, все нормально.

— Мне доложили, что вы работаете над диссертацией. Как на этом фронте?

— Трудновато, многое забылось, приходится начинать с азов.

— Это естественно, понятно, что если есть желание, то все преодолимо.

— Желание-то есть. Меня и там, у гитлеровцев, не покидала эта мечта.

— Тогда, думаю, все будет в порядке, тем более, что в вашем положении предстоят большие изменения, которые, я надеюсь, будут способствовать. Собственно я за этим вас и вызвал.

Комиссар встал, поднялись и остальные. Выждав минуту, Федов взял со стола зеленую папку, не спеша открыл ее и, обращаясь к Костину, сказал:

— Я рад сообщить вам, Сергей Николаевич, принятое руководством Наркомата решение о прекращении против вас уголовного преследования и освобождении из-под стражи. Это, как вы понимаете, является свидетельством большого доверия к вам и уверенности в том, что вы оправдаете его своим честным и преданным отношением к порученному делу. Позвольте сердечно поздравить вас и пожелать всего наилучшего.

Комиссар подошел к Костину и пожал ему руку. От неожиданности и внезапно охватившего чувства радости кровь ударила Костину в лицо, он растерялся, не зная, что сказать, а затем, торопливо поклонившись, выдавил:

— Благодарю вас, гражданин комиссар.

— Да нет, уже не гражданин, а товарищ. Теперь вы имеете полное право на употребление этого слова.

— Извините, товарищ Комиссар, — поправился Костин, еще больше смущаясь, и добавил, — я сделаю все возможное, чтобы оправдать ваше доверие.

— Есть ли у вас вопросы, Сергей Николаевич?

— Спасибо, товарищ комиссар, у меня все нормально, никаких вопросов нет.

— Тогда желаю здоровья и успехов.

— Еще раз благодарю за все.

Когда Костина поздравили присутствовавшие при этом товарищи, мы с ним покинули кабинет. Остальных задержал комиссар для рассмотрения других вопросов.

Перед уходом я спросил Барникова.

— Значит, Владимир Яковлевич, можно действовать, как договорились. Ждать вас не надо?

— Нет, не надо. Действуйте.

— Ну, товарищ «вольный казак», — обратился я к Костину, как только мы вошли в мой кабинет, — давайте прощаться с этими стенами и чтобы больше не попадаться; что тут из вашего имущества еще осталось?

— Да, пожалуй, ничего.

— А книги, конспекты?

— Все там, в камере.

— Тогда пошли.

Сдав Костина дежурному, я зашел к начальнику тюрьмы, договорился о конкретном часе его освобождения.

В обусловленное время Костин в сопровождении заместителя начальника тюрьмы вышел во двор с принадлежавшими ему личными вещами. Я усадил его в машину, взял у сопровождавшего пропуск на выход, и мы тронулись. Подхватив на Малой Лубянке Смирнова, взяли курс на Томилино.

Хозяева дачи, где якобы проживал Костин, встретили нас радушно. На веранде накрыли стол, уставив его витаминной продукцией собственного производства: отварная картошка, тертая морковь, крыжовник, черная смородина, разная зелень (салат, лук, укроп) и свежие огурчики. Я открыл банку свиной тушенки, банку говядины и торжественно поставил на середину стола бутылку портвейна три семерки, с трудом полученную в магазине «Стрела» на ул. Дзержинского. Все сели за стол. Обед по условиям военного времени оказался роскошным. Первый тост — за важность происшедшего события, непонятный хозяевам дачи, но ясный для Костина, — произнес я. Второй — предоставили Костину, высказавшему признательность за товарищескую поддержку и помощь. Заключительный тост произнес Смирнов, поблагодаривший хозяев за радушный прием и пожелавший здоровья и успехов в делах каждому из присутствовавших.

После обеда вышли на воздух. Обошли всю усадьбу, любуясь фруктовыми деревьями, кустарниками, цветами, грядками огорода. День был хотя и не солнечный, но теплый, приятный. Пахло зеленью и ухоженной землей, издававшей тот особый, специфический аромат, который у людей, занимавшихся крестьянским трудом, невольно вызывает чувство обостренности и желание вернуться к нему вновь.

— Ну что же, поздравляю еще раз, Сергей Николаевич, — сказал я, сознавая, что пора уезжать. Здесь, думаю, вы быстро обретете нужную форму. Задача одна — как можно больше быть на свежем воздухе, гулять, загорать, отдыхать в полном смысле этого слова, а если захочется работать, то только физически — в саду или на огороде. Все книжки — побоку! Учтите, отпуск кратковременный, всего одна неделя, и надо использовать его на все сто процентов. Ясно?

— Спасибо, все понятно, все будет в полном порядке. Пожелав Костину и хозяевам всего хорошего, мы со Смирновым возвратились в город.

Отдых Костину пошел на пользу. Он окреп, загорел, посвежел, от тюремного налета не осталось и следа.

Когда я приехал, он в одних трусах энергично орудовал

лопатой, перепахивая старикам кусок земли, отведенный для посева под зиму.

— Что, потянуло к землице? — спросил я.

— Да, люблю это дело, разомнешься, и как будто заново народился.

— Молодец, совсем другой вид стал. Сейчас не стыдно будет показаться и Ольге. Кстати, надо ей написать письмецо. В качестве обратного адреса укажем номер полевой почты. Сообщите, что скоро возможно появитесь в столице.

Вскоре Костин прописался на предоставленной ему жилплощади в Москве как освобожденный от военной службы по болезни и возвратился на свою прежнюю работу. Правда основная часть завода была эвакуирована, коллектив значительно уменьшился, но и среди тех, кто остался, нашлись люди, хороши знавшие Костина, что позволило ему быстро освоиться с обстановкой и активно включиться в производственный процесс.

С учетом всего этого противнику радировали:

> «Костин» полностью легализовался. Получил постоянную прописку, устроился на работу на номерном заводе. Положение прочное, но сильно занят. Работать на рации может один раз в декаду.
>
> *Лось».*

Немцы ответили:

> «Намерены послать в помощь Костину другого радиста, сообщите согласие, кого бы вы хотели. С ним пришлем и средства.
>
> *Капитан».*

По совету Костина решили вызвать самого молодого курсанта школы Силина, который, по его мнению, работать на немцев не будет, а явится с повинной в органы госбезопасности. Попросили также прислать запасную рацию. В качестве места явки сообщили адрес проживания Костина.

Силина немцы выбросили в Дмитровской район. Как и предполагалось, он добровольно явился с повинной в наши органы, сдав в целости и сохранности две рации, деньги в сумме ста пятидесяти тысяч рублей, документы, батареи к рации и ценные вещи, предназначенные для «Барона» — дамские наручные часы, серьги, кольца, броши.

Убедившись, в течение двух дней напряженной работы с

Силиным в возможности и целесообразности включения его в наши мероприятия, противнику радировали:

> «Силин прибыл. Все благополучно. Устраиваю за городом. Слушайте его через два дня. Посылку получили. Благодарим.
>
> *Лось».*

Включение в работу Силина прошло успешно. Противник поздравил его с удачным прибытием, объявил ему благодарность, а Лобова и Костина повторно наградил орденами за храбрость. Мне, разумеется, хлопот прибавилось. Но, очевидно, потому, что, как говорится, «своя ноша не тянет», интерес к работе, страстное желание перебороть врага побуждали к постоянному действию, помогая преодолеть усталость и случившиеся недомогания.

Спустя некоторое время от Ольги поступило ответное письмо, адресованное на нашу полевую почту. Захватив его, я поехал к Костину.

Сергей сидел за письменным столом, углубившись в свои теоретические выкладки. В комнате было сильно накурено.

— Э, брат, так не годится, Сергей Николаевич, — сказал я, решительно подходя к окну и открывая форточку. Вся дачная закалка пойдет насмарку.

Костин не ожидал моего прихода, извинился за беспорядок.

— Извини, Сергей Николаевич, но так не гоже. Надо менять обстановку, создавать условия для нормальной жизни. Женская рука требуется и, мне кажется, она совсем рядом. А ну-ка взгляни, что там, — закончил я, передавая ему письмо.

Костин вскрыл его, быстро пробежал глазами, смущенно посмотрел на меня.

— Ну что?

— Пишет, что ждет.

— Тогда приводи себя в порядок и поехали.

— Сейчас, так сразу?

— А зачем ждать-то, время военное, куй железо, пока горячо. Давай, давай.

Костин вначале нехотя, а затем уже с большой тщательностью умылся, причесался, одел чистую рубашку, галстук и новый костюм.

— Вот теперь, совсем другое дело, — заметил я, окинув его взглядом с ног до головы. — Молодец, хоть куда!

Когда стали уходить, я предупредил:

— А форточку-то надо прикрыть на случай воздушной тревоги.

Выйдя на улицу, сели в эмку. Я довез его до дома Ольги, указал, куда надо идти.

— А вы? — спросил он.

— Я — третий лишний, там мне делать нечего.

Костин замялся.

— Идите, идите, — подтолкнул я его.

Когда за Сергеем захлопнулась дверь, я сел в машину, заметил время, выждал минут семь, и, убедившись, что встреча состоялась, поехал в Наркомат, радуясь чужому счастью.

А через две недели сыграли свадьбу. Теперь за судьбу Костина я был спокоен.

С включением в работу второго радиста положение «Дуэли» упрочилось. В ходе последующего ее развития удалось вызвать на подставленные адреса-ловушки и захватить еще две пары матерых агентов гитлеровской разведки: первую под предлогом необходимости оказать помощь в работе в связи с якобы появившимся у «Лося» возможностями создания солидной разведывательной резидентуры, а вторую — в качестве курьеров.

Кроме того, противник дважды сбрасывал помощь с самолета на парашютах в специальных баллонах.

«Дуэль» закончилась в двадцатых числах апреля 1945 года, когда при прослушивании эфира ни Костин, ни Силин и ни наш контрольный центр, несмотря на упорный поиск, так и не смогли обнаружить вражеских позывных.

В эфире наступила тишина. А вслед за ней и долгожданная наша Победа.

Костин и Силин за успешное выполнение заданий советской контрразведки, по ее представлению, Президиум Верховного Совета СССР были награждены: первый — орденом Отечественной войны I-й степени, второй — орденом Красной Звезды. Викторов, на долю которого выпала наиболее трудная задача — выполнять задания непосредственно в логове врага, — будет отмечен орденами боевого Красного Знамени и Отечественной войны I-й степени, но путь его возвращения на Родину потребовал преодоления еще многих серьезных препятствий.

Работа по поиску книги и созданию электронной версии проведена Виталием Крюковым, Игорем Ландером и Людмилой Евстифеевой.

Здесь перепечатывается по совету В.Крюкова с исправлением некоторых ошибок сканирования, замеченных участником форума Агентуры. ру Фанатом.